

П.Г. Фомин

Церковные древности Харьковского края

историко-археологический очерк

Харьковский частный музей
городской усадьбы
2011

Серия «Православные храмы Слободской Украины»
основана Харьковским частным музеем городской усадьбы
в 2006 г.

Редакционная коллегия:

В.В. Колода, И.Я. Лосиевский, В.Л. Маслийчук, А.Ф. Парамонов

На обложке изображен Архангело-Михайловский храм
в с. Журавное Ахтырского уезда

© Харьковский частный музей городской усадьбы

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
От автора	8
ВВЕДЕНИЕ	9
Славяно-Русская колонизация края в первохристианскую эпоху русской истории XI–XII вв.	23
II. Памятники христианства в до-монгольский период	40
III. Святогорье, Изюмского уезда	55
IV. Великодержавская колонизация края и церковно-архитектурные влияния XVI–XVIII вв.	95
V. Черкасские церковные памятники заднепровского происхождения.	119
VI. Памятники церковного строительства слободских Черкас XVII–XVIII вв.	143
VII. Древнейший тип деревянных «черкасских» храмов	167
Приложения	
Церковные древности села Бездрика, Сумского уезда.	196
Христианские древности Харьковщины	209
Иллюстрации	215

ПРЕДИСЛОВИЕ

Еще в 2005 году одной из книг, которая готовилась к изданию Харьковским частным музеем городской усадьбы, была книга протоиерея Петра Георгиевича Фомина «Церковные древности Харьковского края». С того времени были разные житейские ситуации, которые не способствовали изданию этого замечательного труда. Мне казалось, что эта книга обязательно будет издана кем-нибудь другим. А сегодня, когда мы издаем целый ряд произведений сподвижника П.Г. Фомина – Стефана Андреевича Таранушенко, было бы не правильно оставить без внимания и эту книгу, тем более, что труды Таранушенко и Фомина очень удачно дополняют друг друга.

П.Г. Фомин родился 19 декабря 1866¹ года в семье священника с. Старый Мерчик Валковского уезда. С 1887 по 6 июня 1891 года обучался в Киевской духовной академии, которую окончил со степенью магистра. Служил законоучителем в Сумском реальном училище, а с 1 августа 1892 г. был определен в том же училище священником домовою Александро-Невской церкви. С 25 января 1896 года он служит законоучителем в 3-й Харьковской мужской гимназии, а также священником её Трехсвятительской домовою церкви. С 10 октября 1897 года был определен еще и законоучителем во 2-ю Харьковскую женскую гимназию. С марта 1901 года он определен священником к Преображенской церкви г. Харькова, в которой прослужил до 10 июня 1912 г. пока не стал настоятелем Благовещенского собора. За 11 лет, будучи настоятелем Преображенской церкви он был с 189 марта 1902 г. цензором катехизических поучений Харьковской духовной семинарии², с 1903 по 1906 гг. Благочинным священником 2-го Харьковского городского округа, с 7 апреля 1906 г. был определен членом Харьковской духовной консистории, вместо протоиерея Никандра Оникевича. Именно это освободило П. Фомина от должности Благочинного

1. Все даты по старому стилю.

2. Государственный архив Харьковской области (далее ГАХО) Ф. 40. Оп. 85. Ед.хр. 30. Л. 1.

и члена семинарского совета Харьковской духовной семинарии³. 14 мая 1908 года посвящен в сан протоиерея. С 12 мая 1912 года стал Председателем Епархиального церковно-археологического общества⁴. Помимо этого С 4 марта 1906 по 1916 гг. был членом временного-строительного комитета по постройке Трехсвятительской церкви харьковского подворья Куряжского Преображенского монастыря⁵.

За годы служения он был награжден: набедренником (14 июня 1896 г.); бархатной фиолетовой скуфьей (23 декабря 1898 г.); благодарностями Архиепископа (5 июля 1901 г., 5 апреля 1904 г., 20 июля 1904 г.); бархатной фиолетовой камилавкой (24 апреля 1902 г.); наперстным серебряным с позолотой крестом и серебряной медалью Александровской ленте в память Императора Александра III (24 апреля 1905 г.); Грамотой Святейшего Синода (20 мая 1907 г.); орденом Св. Анны II степени (1912 г.); орденом Св. Владимира IV степени и денежный вознаграждением в размере 300 руб. (6 мая 1914 г.).

Жалованье протоиерея П. Фомина в 1915 г. составляло: 1350 руб. из братской кружки, 500 руб. как члену Харьковской духовной консистории, 450 руб. за преподавание во 2-й женской гимназии, и 540 руб. рублей за преподавание в художественном училище.

В семье у П.Г. Фомина была жена Елена Андреевна (1 июня 1872 г.р.), дети: Лидия (20 февраля 1894 г.р.); Александра (16 мая 1895 г.р.); Пётр (21 декабря 1896 г.р.); Ольга (10 мая 1900 г.р.); Михаил (25 сентября 1905 г.р.); Николай (5 ноября 1912 г.р.).

Одним из самых важных направлений в своей деятельности П. Фомин считал изучение церковных древностей Слободской Украины. На сегодняшний день известны ряд его статей, ставших предвестниками публикуемого нами труда:

– Памятники Харьковской старины: с. Каплуновка (Богодуховский уезд)⁶

3. ГАХО Ф. 40. Оп. 91. Ед.хр. 105. Лл. 1-2.

4. ГАХО Ф. 40. Оп. 110. Ед.хр. 1845. Лл. 1-11.

5. Сегодня ее больше называют Гольберговской, по фамилии строителя храма.

6. Харьковские губернские ведомости (далее ХГВ) 1894. – 12 сентября.

- Культурно-исторический памятник современной церковной архитектуры: Благовещенская церковь⁷
- Освящение Харьковской Ново-Троицкой церкви на Москалевке⁸
- Доклад при освящении Харьковского епархиального церковно-археологического общества и музея церковных древностей при нем⁹
- К освящению Трехсвятительского храма Харьковского подворья Куряжского монастыря¹⁰
- К освящению Трехсвятительского храма¹¹
- Выдающееся археологическое открытие¹²
- Церковные древности Харьковского края: историко-археологический очерк¹³
- Церковные древности с. Бездрик Сумского уезда¹⁴

Деятельность П. Фомина по изучению памятников на территории Слободской Украины продолжалась и в советское время, однако публикации этого времени нам неизвестны. С 1920 г. он находился на службе в Губернском комитете охраны памятников искусства и старины. В феврале 1938 г. П.Г. Фомин был арестован, а 26 мая того же года расстрелян. Реабилитирован в 1958 году.

Сегодня деятельностью П.Ф. Фомина в наибольшей степени интересуется Харьковский художественный музей, а также специалист Харьковского областного управления культуры С.А. Бахтина, которая неоднократно описывала в публикациях

7. ХГВ 1901. – 24 октября.

8. ХГВ 1911. – 30 июля.

9. Загоровский Н. Открытие Харьковского епархиального церковно-археологического общества и музея при нем 19 мая 1913 г. – Харьков, 1913. – С. 7-15.

10. Вера и Разум. – 1915.–№ 11.

11. Южный край 1915. – 29 мая.

12. Южный край 1916. – 18 декабря.

13. Харьков. 1916. – Вып. 1. С.181.

14. Харьков. 1916. С.15, ил.

и выступлениях жизненный путь этого уникального для нашего края исследователя¹⁵.

Андрей Пармоновъ

15. См. например: С.А. Бахтіна Внесок історика церковного мистецтва протоієрея П.Г. Фоміна в справу вивчення, охорони, популяризації пам'яток мистецтва і старовини Слобідської України // Культурна спадщина Слобожанщини. – Харків «Курсор». 2003. С. 47-78.

От автора

Наши очерки представляют первый опыт систематического исследования церковных древностей Харьковского края. При составлении их мы руководствовались, главным образом, вещественным археологическим материалом, собранным в церковном отделе Музея Харьковского Императорского Университета и в Епархиальном Церковно-Археологическом Музее. Многие из этой области нам приходилось добывать лично, путешествуя по нашему краю, обозревая и изучая церковные памятники на местах и собирая их для Епархиального Музея. Конечно, не все древности, сохранившиеся до наших дней, нами были обследованы и найдены. Многие в этой области еще ждут своих исследователей. Несомненно, эти последние будут даны Харьковским Епархиальным церковно-археологическим Обществом, уже и теперь начавшим широко и планомерно их изучать. Доступный нам материал оказался настолько яркотиличным и своеобразным, что мы нашли возможным его классифицировать и описать его в исторических перспективах прошлой истории нашего края.

Свои очерки мы несколько неожиданно прерываем на пятикупольных украинских наших храмах. Этот сложный архитектурный тип может достаточно выяснить только путем детального изучения возможно большего количества памятников этого рода. В недалеком будущем мы надеемся продолжить свои очерки в этом направлении.

Главную помощь нам в этом труде оказало и оказывает епархиальное духовенство, ясно сознающее значение подобных работ и глубоко ценящее родную старину. Харьковскому духовенству я приношу глубокую благодарность за его просвещенное сочувствие и содействие мне. Ему же я посвящаю этот свой посильный труд.

Прот. П. Фомин

1916 г.

Января 9 дня

ВВЕДЕНИЕ

Харьковский край до последнего времени не мог похвалиться серьезным и всесторонним изучением местных церковных древностей. Да и интереса к ним не проявлялось. Кажется, просто не подозревали в прежнее время, что здесь имеются заслуживающие внимание и ценные памятники церковной старины. В большинстве случаев мало сведущая среда, имея дело с старинными церковными предметами, смотрела на них как на вещи ненужные, неудобные и ни к чему не пригодные. Удивительно, что даже представители церковно-строительного искусства, руководя перестройкой или разборкой старинных церквей и постройкой вместо них новых, совершенно не обращали внимания на седую древность памятников. Они не заботились о сохранении древних церквей если не в цельном виде, то хотя бы в снимках, планах и чертежах. В архиве Харьковской Консистории не имеется никаких дел об этом. Строители новых церквей в нашем крае в прежнее время просто зачеркивали церковную старину. Забот о сохранении древних церковных памятников не проявлялось ни со стороны местных духовных и светских ученых учреждений, ни со стороны просвещенного класса людей. Упраздненные церкви, вышедшие из употребления богослужебные предметы предоставлялись на произвол судьбы. Понятно, что от всего этого получалось. Памятники церковной древности уничтожались или сразу или постепенно. Так, мы имеем сведения, что в одной старинной церкви г. Лебедина, при ее переделке пятьдесят лет тому назад, древний иконостас староукраинского стиля, за неимением места хранения был сожжен (!). Временно же пощаженные остатки старины подвергались медленному уничтожению: сваливались в подвалы или на чердаки колоколен, сбрасывались в холодные и сырые кладовые, продавались за бесценок скупщикам старья или куда попало, раздавались даром крестьянам, или же нередко отдавались для положения с покойниками в могилы.

Казалось бы, что при таком положении вещей любители старины легко могли бы подбирать такие древности, составляя

свои частные коллекции. Мы знаем, что, например, в Полтавской губернии и теперь и раньше были такие любители коллекционеры среди духовных и светских лиц. Ценная коллекция икон и церковной утвари, оставшаяся после смерти одного сельского священника, послужила там ядром учрежденного Епархиального древне хранилища. Известны там помещики коллекционеры. Мы знаем иконописца-резчика Полтавской губернии, любителя церковно-украинской старины, составившего легко из случайных приобретений весьма хорошую и ценную коллекцию. К сожалению, до последнего времени подобного явления в нашем крае не наблюдалось.

Нет ничего удивительного в том, что из области местной церковной старины многое погребло бесследно. Многие древние деревянные храмы нашего края исчезли, и мы не знаем о них, какого именно типа они были, кем они строились, каковы были их внутреннее убранство, иконостасы, резьба, иконопись, священные сосуды. В староукраинском типе церквей только теперь начинают немного разбираться, узнавая в них три направления от трех путей архитектурного влияния¹. В этом случае важную показательную роль будут иметь наши Харьковские церковные памятники и особенно первобытные. Оказывается, что некоторые первые древние храмы нашего края XVII века были целиком перевозимы так называемыми «черкасами» из-за днепровской Малороссии. Вместе с ними, «черкасы» перевозили сюда, на новые места своих поселений, и свое приходское духовенство. Случайно дошедшие до нас редкие снимки этих древнейших церквей, например, церкви в сл. Сватовой Лучке, Купянского уезда на берегу р. Свахи, свидетельствуют об оригинальнейшей и великолепнейшей самобытной их архитектуре. Каким-то чудом уцелевшие в подвалах и кладовых старинные киоты, деревянные аналоги и подсвечники показывают нам удивительную староукраинскую деревянную резьбу своего местного рисунка и характера с мотивами чисто самобытными. Глядя на эту резьбу, напоминающую украинскую «Мережку» и вышивку, на это

1. Об этом в подробностях будет речь в одной из следующих глав нашего исследования.

деревянное кружево, убеждаешься в природном художественном чутье, неистощимом терпении и любовном усердии мастеров их выделывавших. Несомненно, что вкус к таким произведениям тогда, в XVII в., господствовал. Работа в этой области была широка и плодотворна. И как жаль, что многое из всего этого не дошло до нас. Как много погибло чудных древних резных на дереве икон, наивных скульптурных деревянных изображений, церковного шитья и вышивок на полотне и шелку, шитых серебром и золотом риз икон, церковных «китайчатых» покровов, нередко устроенных из награбленных казаками у татар материй!..

О художественном староукраинском великолепии некоторых храмов нашего края в г.г. Сумах, Изюме, Змиеве и др. местах до нас дошли только предания. Особенностью нашего края в XVII и XVIII вв. были многочисленные большие и малые, мужские и женские монастыри, основанные чуть ли не первыми насельниками края в XVII веке. Некоторые из них уже к половине XVIII в. достигли цветущего состояния, отличались обширным благоустройством, многочисленными, архитектурными и богатыми храмами, драгоценною и оригинальных типов утварью, своеобразною иконописью. «Черкасы» очень любили эти свои монастыри, делали в них богатые вклады, приношения и здесь были погребаемы. Большинство из этих монастырей были в царствование Императрицы Екатерины Великой закрыты, здания проданы, иконы и утварь разобраны другими церквями, ценности исчезли; на местах этих монастырей остались только развалины и в редких только случаях одинокие церкви или колокольни. О былом художественном великолепии этих обителей, теперь не существующих, свидетельствуют редкие, как-то уцелевшие памятники. Среди развалин бывшего Сумского Успенского монастыря (в 9 в. от г. Сум) стоят теперь старинная монастырская колокольня, монументального вида, типа Харьковского Покровского монастыря, с красивым крепостным верхом и бойницами, и Всесвятский надвратный храм, прекрасного стиля украинского барокко. Красота этих одиноких памятников резко выделяется среди окружающих ровов, разобранных фундаментов и пустыря. Обширные

фундаментные рвы соборного монастырского храма указывают на громадные размеры бывшего здесь собора. Иконостас отсюда был перенесен в новоустроенную тогда церковь сл. Каплуновки, Богодуховского уезда: он огромных размеров, пятиярусный, хорошей резьбы и весьма прочной позолоты с типичною иконописью второй половины XVIII в. По всем этим остаткам отчасти только можно судить о стиле и характере Сумского Успенского монастыря в период его белого благоденствия. Кроме этих памятников от этого монастыря более ничего не осталось: все остальное исчезло бесследно. Даже и из того, что оставалось в сохранившемся Всесвятском храме к половине XIX в. и что было описано Преосвященным Филаретом², уже теперь далеко не все имеется в наличности, а иконостас и иконопись переделаны в нем до неузнаваемости сравнительно с прежним. И это еще сравнительно счастливая судьба останков монастырских. От других монастырей нашего края остались одни только пустыри, да народные предания...

Однако же при всем этом наш край еще остается не бедным памятниками церковной старины и даже старины весьма почтенной. Здесь на первом месте должны быть поставлены деревянные храмы. Немного их осталось у нас. Некоторые из них даже и в позднейших переделках все же сохранили немало типических черт первоначальных церквей: опытный глаз легко распознает их среди позднейших деталей.

Но имеются среди этих храмов и такие, которые в точности воспроизводят форму древнейшую, например, Архангело-Михайловская церковь села Артёмовки, Харьковского уезда, Троицкая с. Черкасского Бишкина, Змиев. у. и другие. Немало сохранилось и древнейших каменных храмов XVII-XVIII вв. двух типов: примитивно-деревянного и барокко. В подобных храмах еще сохраняются святые иконы, сосуды, облачения и иконостасы старинной работы. С половины XVIII в. стал проникать в нашу губернию и роскошный Расстреллиевский стиль церковных сооружений: храмов и иконостасов. Памятники

2. Историко-Статистическое описание Харьковской епархии, Харьков 1859 г. отд. 1, с. 221–250.

этого стиля счастливо сохранились в виде знаменитого для нашего края Ахтырского собора и иконостаса Харьковского Кафедрального собора, на каковых памятниках несомненно лежит печать творческого гения этого знаменитого архитектора (разумею Растрелли сына). Во многих храмах местного типа сохранились от XVIII века крупные и мелкие сооружения также этого расстреллиевского стиля, иногда в истинно художественных образцах: напр., киоты для местночтимых святых икон, металлические оклады икон и евангелий, блюда, чаши и дарохранительницы, являющиеся настоящими художественными сокровищами наших церквей, достойные самого тщательного бережения и изучения.

Значительное археологическое богатство в нашем крае составляют также и те храмы, которые хотя сравнительно недавно построены, в конце XVIII и начале XIX вв., однако в высшей степени примечательны: во 1-х архитектурными своими особенностями, напр., храмы классического типа, лучшие образцы которого имеются в виде обширнейшего храма сл. Каплуновки, Богодуховского уезда, изящного храма сл. Большого Бурлука, Волчанского уезда, храмы тоновской архитектуры, напр. в сл. Николаевке 2-й Волчанского уезда, и разных переходных стилей, и во 2-х своими художественными сокровищами – образцами русского искусства первой половины XIX в., и искусства западноевропейского, как напр. Софиевская церковь сл. Стратилатовки, Изюм. у., с драгоценными иконами кисти знаменитых Венецианова и Боровиковского, Ахтырский собор с картинами Мурильо (предположительно) и др.

Несомненно, что несмотря на массу совершенно исчезнувших памятников старины, в подвалах, кладовых и ризницах многих наших храмов имеются еще предметы археологической ценности, неизвестные пока только потому, что до них не добрался еще пытливый глаз любителя и исследователя старины. О полной возможности дальнейших новых находок в этой области свидетельствует тот факт, что доселе настойчивые поиски в подобны храмах оказывались в большей или меньшей степени удачными. При всем этом мы знаем, что немало ценных

церковных древностей в нашем крае рассеяно и случайно сохраняется по частным домам, в привилегированных семьях и у крестьян, часто не понимающих и не предполагающих, какая археологическая редкость в их руках. Это святые иконы фамильные или случайно приобретенные, картины религиозного содержания, старопечатные или старописанные священные книги. Нам известно, что в XVIII в. у старожилов нашего края были в большом распространении иконы-картины символического характера, нередко от частных лиц переходивших затем и в храмы, как напр. икона Спасителя «Недреманное Око», картина: «птица пеликан» и др. У частных лиц в старину, у дворян и горожан, имелись нередко портреты знаменитых Святителей и церковных деятелей, иногда художественного достоинства и подлинного сходства; так, были распространены и теперь случайно открываются у них портреты Св. Иоасафа Чудотворца, Св. Тихона Задонского, Епископа Харьковского Мелетия и др. Нередко предметы церковной древности открываются на торжищах и базарах, как напр. недавно найденная на базаре печать 1817 года Павла Сабатовского, Епископа Харьковского. Чаще всего находится здесь такие церковные предметы, как лампы, подсвечники, ковши, блюда и т.п., а иногда ручные и тельные кресты³.

Сохраняющие еще богатство памятников церковной старины в нашем крае – бесспорно чрезвычайно ценно в научно-археологическом отношении. Уже в настоящее время намечаются те стороны церковного искусства и местной старины, которые могут быть выяснены изучением этих памятников. История и пути колонизации нашего края, значение приходских общин и дворянского класса в характере храмоздательства, элементы нашего местного церковного искусства, архитектурные

3. В связи с этим считаем необходимым заметить, что современное частное коллекционирование, провоцирующее так называемую «чёрную археологию» археологию, при слабом и неупорядоченном охранном законодательстве приводит к практическому вымыванию предметов церковной старины из круга научных знаний и духовной культуры нашего народа, обедняя его историю, в том числе и раннюю историю христианства на Слободской Украине. (Прим. редколлегии).

и иконописные формы слияния искусства западного, местного и московского, – вот вопросы важные и любопытные в характере исторического уклада нашего края, уже теперь несколько разъясняемые, а в будущем, несомненно, еще ярче и шире могущие быть разрешенными путем изучения вещественных остатков нашей церковной древности. Самобытность так называемого теперь украинского искусства в области церковного зодчества, иконописи, резьбы, шитья и орнаментов, – вопрос в высшей степени важный для русского искусства. Для всего выяснения он требует большой осторожности, беспристрастия и безусловной фактичности. Церковное украинское искусство, несомненно, слагалось из разнообразных элементов. Определить эти последние – дело необходимое, но и не легкое. Может быть в Малороссии оно нигде не подвергалось столь перекрестному влиянию разных общественно-бытовых течений, как в нашей губернии. Здесь сталкивалось местное народное творчество с московским влиянием, польским, западноевропейским: проникало сюда в область искусства и старообрядческое влияние, занесшее в нашу страну массу очень древних и типичных икон, крестов, рукописных и старопечатных книг. Были здесь моменты, своеобразных конфискаций предметов, будто бы отзывавшихся униатским характером. Так, во второй половине XVIII в. по распоряжению Белгородской Консистории были по всей епархии нашей отбираемы богослужебные книги и изображения львовской и старокиевской печати и в массах своих отправляемы в Белгородский церковный архив, откуда потом исчезли бесследно. Взамен их по епархии распространялись новейшие печатные богослужебные книги. Чтобы во всем этом разобраться и выяснить роль и значение чисто местного церковно-художественного творчества, надобно широко и настойчиво исследовать дошедшие до нас разнообразные памятники церковной старины, особенно чисто народные, бытового характера⁴.

4. В связи с тем, что Слободская Украина испокон её заселения находилась на границе двух природно-климатических зон (степь – лесостепь), что обуславливало и различие в хозяйственных моделях, тенденция

Как ни равнодушна была в прежнее время наша местная общественность к изучению своей церковной старины, однако же общерусское оживление интереса к памятникам древности в конце концов захватило с половины XIX в и наш Харьковский край. Наша местная старина вообще, и частности церковная, начинает обращать на себя внимание с этого времени. Создается необходимость изучения и увековечения ее, приступают к ее обозрению на местах, появляются первые научные труды из этой области. В самое последнее время уже выступают на это поприще ревностные деятели, привлекаются к этому делу кружки и общества, возникают учреждения по изучению церковной старины, – настает время, несомненно, обеспечивающее уде целость нашей церковной старины и успехи ее научного дальнейшего обследования.

Поистине отцом нашей Харьковской археографии мы должны назвать Преосвященного Филарета (Гумилевского), Архиепископа Харьковского (1848–1859), положившего действительное начало изучению Харьковской церковной старины своим замечательным, научным трудом, изданным им под названием: «Историко-статистическое описание Харьковской епархии. В V томах. Харьков. 1859»⁵. Преосвященный автор с поразительным трудолюбием собрал здесь все, доступные ему историко-статистические сведения о городах, селениях, монастырях, храмах и населении Харьковской епархии, а также и о всех вещественных памятниках древнейшего прошлого нашей страны: городищах, развалинах, могилах, остатках крепостей, находках древних монет, оружия и т.п. Не ограничиваясь упоминанием о них, он пытается разгадать значение этих памятников при помощи интереснейших исторических

взаимопроникновения племён и народов с различиями в культуре, религии и ментальности прослеживаются на этой территории начиная с каменного века. Эта тенденция (комплиментарность, взаимопроникновение культур, разноуровневый синкретизм) является характерной чертой развития населения данной территории во все времена. (Прим. редколлегии).

5. Это издание было разослано по всем церквям Харьковской епархии. В настоящее же время оно имеется только в немногих из них. Издание сделалось библиографической редкостью.

сближений, предположений и летописных данных. Эта часть его труда невольно возбуждала к серьезнейшим и тщательным исследованиям этих памятников нашей стороны. В своем труде автор публикует массу драгоценнейших и древнейших документов по истории нашей страны и церкви, которые он только мог добыть и подлинники большинства которых уже теперь не существуют. Добытый им здесь собранный материал чрезвычайно важен в научном отношении, как фундаментальный и основной для изучения нашей старины. Самое важное значение этого труда в том, что в нем впервые указаны, названы и документированы со стороны своей давности все важнейшие древности нашего края, которыми дотоле не интересовались и о существовании которых не подозревали. Здесь открыта завеса, за которую скрывалась местная старина. Здесь показана перспектива многовекового прошлого нашего края, богатая для научного исследования и важная для правильного уяснения бытового уклада Слободской Украины.

Преосвященный автор бесспорно привлек огромное внимание образованного общества к нашей старине. Указав на важность вещественных памятников церковной древности нашего края, он не занялся подробным исследованием их, но представил это будущим поколениям. Поэтому труд Преосвященного Филарета лег в основу и сделался отправною точкою почти всех последующих исследований старины нашего края.

По пути Преосвященного Филарета дальнейшие шаги были сделаны профессорами Харьковского Университета Д.И. Багалею и Е.К. Рединым, замечательными и ревностными исследователями местной старины.

Проф. Д.И. Багалею в 1887 году издал свое огромное ученое исследование под заглавием: «Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства». Хотя здесь главное внимание свое автор посвящает вопросу колонизации нашего края, но мимоходом, как бы в дополнение к труду Преосвященного Филарета, сообщает массу новых найденных им документов и сведений по церковной истории нашего края и о разных памятниках церковной древности.

Со свойственной ему научною эрудицией он разъясняет некоторые важнейшие вопросы касательно истории Св. Гор, устройства и характера первых монастырей и церквей и быта духовенства нашего края. В недавно законченном им (в 1912 г.) и изданном Харьковским Городским Управлением двухтомном историко-бытовом описании г. Харькова он, между прочим, дает богатейший материал и по бытовой истории Харьковского городского духовенства и археографии церковных древностей г. Харькова. В тоже время в многочисленных своих мелких историко-археологических статьях, рефератах и заметках проф. Д.И. Багалея сообщает немало вообще научных данных, способствующих уяснению разнообразных вопросов нашей церковной старины.

Но за последнее время никто не оказал таких крупных заслуг для изучения наших церковных древностей как недавно умерший проф. Е.К. Редин⁶.

Будучи профессором искусства в Харьковском Университете, Е.К. Редин с самого начала своей научной деятельности проявлял особенное тяготение к древнехристианскому искусству. Ученные степени он получил сперва за сочинение: «Киево-Софийский собор, исследование его мозаичной и фресковой живописи» (1888 г.), а потом за диссертацию: «Мозаика Равенских церквей» (1896 г.) и был командирован для ученых занятий в монастыри Афона. Вместе с этим он чрезвычайно интересовался местной стариной и в этой области заявил себя необыкновенными трудами. Как неутомимый, ревностный, не знавший усталости и не щадивший себя собиратель и исследователь памятников местной старины, он не знал себе равного. Благодаря ему Университетский Музей изящных искусств обогатился несколькими новыми обширными отделами. В это время был подготовлен и устроен в г. Харькове XII Археологический Съезд. Душою этого Съезда был Е.К. Редин. При своей гигантской работоспособности он смог организовать при Съезде обширнейшую выставку древностей, разместить и научно катализировать ее. Для нас в особенности здесь должны остаться незабвенны его труды по собранию и организации при

6. См. Памяти проф. Е.К. Редина, Харьков. 1909 г.

Съезде, а после Съезда при Университете обширнейшего отдела церковных древностей Харьковского края. Предварительно он предпринимал обширные поездки по губернии для собирания по монастырям и церквям памятников церковной старины. Труд, настойчивость, горячая любовь к своему делу, обширные знания и понимание нашей старины, проявленная им в это время, были изумительны. Созданная им выставка церковных древностей оказалась необыкновенно богатою, интересною, поучительною, с любовью и ученостью составленною: она имела особливый успех на Съезде. По окончании Съезда он настоял на оставлении большинства церковных экспонатов в Музее Университета и устроил здесь великолепный отдел этих древностей: с любовью, бережливостью и художественною красотою разместил, научно с глубоким знанием дела описал и катализировал их. Отдел этот был истинным его детищем, и ныне составляет украшение Университетского Музея. При массе материала отдел этот поражает ценностью собранных предметов. Здесь имеются редкие по художественности и древности: украинская иконостасная резьба, иконопись, церковное шитье, утварь, деревянная скульптура и т.п. Интереснейшую часть отдела составляет обширная коллекция фотографий церквей и церковных древностей, сделанных самим Е.К. Рединым и собранных им от других.

Об оригинальнейшей находящейся здесь украинской иконе «Недреманное око» он издал свое ученое исследование (Харьков 1908 г.). О церквях же города Харькова он составил прекраснейшее историко-археологическое исследование под заглавием: «Материалы к изучению церковных древностей Украины. Церкви г. Харькова. Харьков 1905 г.». Несомненно, что в дальнейшем он мог бы и еще многое сделать, может быть, не столько для собирания церковных древностей, сколько для их обстоятельного научного исследования. К сожалению смерть рано подкосила его, отняв у науки самоотверженного работника, а у местной церкви ревностного охранителя ее старины...

В области местной церковной археологии громадную роль сыграл и вышеупомянутый нами XII Археологический Съезд

в Харькове 1902 года. До Съезда археология в районе нашего края поработала еще немного. Обширные же и планомерные археологические изыскания здесь проведены были только в связи с означенным Съездом. И то, что было добыто Съездом, дает богатый и интереснейший вклад, между прочим, и в церковную археографию нашего края древнейшего, домонгольского периода⁷.

С этим временем оживления интереса к нашим церковным древностям совпадает появление в местной духовной литературе разнообразных историко-статистических описаний монастырей и церквей епархии, во главе которых надобно поставить ученый и обширный труд проф. Т.И. Буткевича: «Историко-статистическое описание Харьковского Кафедрального Собора. Харьков. 1894 г.»⁸.

Значительную общественную роль в возбуждении внимания к украинской церковной старине играют появившиеся в наше время в Харькове художественные кружки, задавшиеся целью собирания, изучения и популяризации образцов древне-украинского искусства, в том числе и главным образом церковного. Во главе их надобно поставить художника С. Васильковского, специалиста в художественном воспроизведении Малороссии в ее настоящем и прошлом. Глубокую любовь он имеет к местной церковной старине. Путешествуя по разным концам юга России и нашей губернии, он всюду пишет этюды со старинных церквей и монастырей, часто воспроизводя особенно примечательное в этой области в разных

7. Научные труды этого Съезда были изданы под заглавием: «Труды XII Археологического съезда в г. Харькове 1902 г. Т.1 и 2. Москва 1905 г.».

8. Известны обстоятельные описания монастырей Епископа Стефана: «Куражский Преображенский монастырь. Харьков 1902 г.»; Гр. Ковалевского «Святогорская Общежительная пустынь (Одесса 1902 г.)»; Священника И. Попова «Верхо-Харьковский Стрелечий женский монастырь (Харьков 1913 г.)»; «Св.-Дмитриевский Раснянский монастырь (Харьков 1911 г.)»; Священника Н. Стеллецкого «Вознесенский Хорошевский монастырь (Русский Паломник 1890 г.)»; Историко-Статистическое описания церквей: Троицкой г. Беловодска, Старобельского уезда; Крестовоздвиженской, Благовещенской и Воскресенской г. Харькова, и др.

видах и моментах. Высокохудожественные картины его этого рода несомненно воспитывают в обществе хороший и глубокий вкус к местной церковной старине и интерес к ее памятникам. Прекрасная коллекция его картин с изображением старинных церквей нашего края имеется в Харьковском Городском Музее, отдельные же его работы этого рода во множестве рассеяны у любителей художественной старины из местного общества. Нередко его изображения старинных церквей оказываются ценными помимо художественных достоинств еще потому, что эти церкви теперь уже не существуют. Таковы его картины: церкви в Сватовой Лучке, Купянского уезда, XVIII в. бывшей на берегу р. Свахи, «Рождество-Богородичной в сл. Мерефе, Харьковского уезда, сгоревшей в 1878 г.».

Мы видим, таким образом, что в последнее время для памятников церковной древности Харьковского края наступила вполне благоприятная пора. Недоставало только объединения забот о них в одном компетентном для этого учреждении. Эту последнюю и самую важную задачу в области местной церковной археологии и решил осуществить Высокопреосвященнейший Арсений, Архиепископ Харьковский. С самого начала своего святительства на Харьковской кафедре (с 1903 г.) он был озабочен вопросом о местных церковных древностях не только в смысле их собирания и хранения, но и в смысле обеспечения дальнейшего их изучения в епархии научными силами. Уже в 1903 году им было задумано учредить церковный Музей и Церковно-Археологическое Общество при нем. Церковные древности, подлежащие после XII Археологического Съезда возвращению церквям и монастырям, по его распоряжению были препровождены в Духовную Семинарию для временного образования здесь Музея. В тоже время по его указаниям был выработан и Устав Епархиального Музея. Намечены были тогда же положения об учреждении Археологического Общества. Но для дальнейшего осуществления этих начинаний во всей их желаемой широте возникло препятствие надлежащего места для Музея и Общества. Высокопреосвященный Владыка намечал это последнее в проектированном им Епархиальном Доме.

Прошли годы, прежде чем создались условия благоприятные для устройства этого давно необходимого епархии и духовенству Епархиального Дома. Наконец, в истекшем 1912 г. давно лелеянная мысль Владыки была осуществлена. Епархиальный дом был устроен и в нем приготовлено прекрасное помещение и для Музея. 11 Мая того же года Высокопреосвященный Владыка утверждает вновь выработанный Устав Епархиального Церковно-Археологического Общества и Музея при нем и открывает место для них в новоустроенном Епархиальном Доме. Главными задачами новоучрежденному Обществу были указаны: а) объединение местных научных сил для заботы о церковных древностях Харьковской епархии, б) хранение и изучение церковных древностей на местах их нахождения в епархии и в) соби́рание, хранение и изучение их в Епархиальном музее.

То, что уже сделано всеми этими усилиями последнего времени в области местной церковной археологии, представляется и теперь настолько богатым, поучительным и интересным, что возникает возможность научно классифицировать установленные памятники церковной древности и сделать из них некоторые важные выводы для уяснения характера нашей местной церковной старины. Первую попытку в этом отношении и составляет этот наш труд. Мы будем держаться строго фактической почвы, имея в виду добытое доселе и уясненное.

Славяно-Русская колонизация края в первохристианскую эпоху русской истории XI–XII вв.

Историческая жизнь местностей, входящих в настоящее время в состав Харьковской губернии, по-видимому, началась так недавно, а именно: с конца XVI и начала XVII вв., – со времени построения здесь Московскими Государями пограничных сторожевых городов и массового переселения сюда выходцев из приднепровской Малороссии, так называемых «черкас». С этого времени начинаются и дошли до нас многочисленные и разнообразные исторические документы, рисующие в очень подобных чертах постепенную культуру этого края с умножившимся и укреплявшимся здесь поселением «черкас» и великороссов. Древнейшие же судьбы края от времени более раннего представляются обыкновенно в туманном виде. При том же и исторических данных об этом древнейшем периоде сохранилось весьма мало и очень кратких отрывочных, неясных и даже загадочных. Все вопросы о том, кто в то отдаленное время, в домонгольскую, русско-славянскую эпоху, обитал здесь, было ли здесь оседлое население, простирались ли сюда древнеславянские колонии, проникало ли сюда христианство, – все эти вопросы, столь важные для истории края, оставались без положительного решения. В перспективе древнейшего прошлого Харьковский край казался страной без оседлого населения, без городов и поселений, свободной и пустынной окраиной первоначального русского государства. Здесь по временам только двигались, да и то в южных его границах, нынешних Старобельском и Изюмском уездах, бродячие толпы и полчища кочевников: скифов, сарматов, готов, гуннов, половцев, печенегов и татар, оставивших после себя многочисленные холмы с таинственными каменными изваяниями, так называемыми «бабами». Так дело представлялось до тех пор, пока на помощь изучению древностей Харьковского края не пришла археология, которая уже по истории как нашей родины, так и других стран, ознаменовала

себя изумительными открытиями, осветив ярким светом темные дололе и загадочные страницы их далекого прошлого⁹.

Добытые уже археологические данные освещают одни стороны древнейшего прошлого нашего края в совершенно новом виде с полной определенностью и точностью, а о других же со всею решительностью подтверждают прежние догадки и предположения. Нас глубоко интересует вопросы христианских древностей Харьковского края. При прежнем положении научных знаний и древнейшем прошлом этого края (до XVII в.) самый вопрос о христианских древностях того периода не имел места в виду совершенной невозможности его разрешения. Древнейшее христианство нашего края совершенно не представлялось. Между тем, теперь уже имеются археологические данные и для решения этого вопроса, столь важного в судьбах нашего края. Чтобы

9. Современное состояние археологии позволяет со всей определённостью говорить о начале славяногенеза на территории Слободской Украины начиная со второй четверти I тыс. н.э. Отдельные черты материальной культуры древних славян и их погребального обряда отмечаются в памятниках позднезарубинецкой и черняховской археологических культур. Восточнославянские черты отчётливо прослеживаются и в материалах третьей четверти I тыс. н.э. и, прежде всего, на памятниках пеньковской археологической культуры, которую большинство исследователей связывает с летописными «антами». Конец I – начало II тысячелетий н.э. отмечен созданием в левобережной лесостепной зоне Днепра союза племён, которое в «Повести временных лет» получило название – «северяне». Северная часть Слободской Украины (в том числе и северо-западная часть Харьковской обл.) входила в зону их расселения. Присоединение этих восточнославянских племён в состав Киевской Руси было сложным и поэтапным. Начало этому процессу положил поход князя Олега (884-885 гг.), продолжил князь Святослав (964-965 гг.), а завершилось всё это не ранее начала X века. Процесс вхождения северян в древнерусскую народность был прекращён в середине XI в. В это время (с 1055 г.) особую активность против юго-восточных славянских территорий проявляют половцы. Под давлением кочевников происходит отток основной массы славянского населения их указанных районов на запад, под защиту княжеской власти. Однако, славянское население сохраняется тут и отдельными очагами, которые по письменным источникам XIII – XIV вв. называются «Донецкие городки», проживает в кочевническом окружении. В период феодальной раздробленности (конец XI – середина XIII вв.) земли Харьковщины в разное время отдельными частями входили в состав Переяславского, Черниговского и Новгород-Северского княжеств.

правильно оценить их значение для уяснения этого вопроса, необходимо прежде всего принять во внимание те историко-топографические особенности Харьковского края, которые, несомненно играли большую роль в христианской славяно-русской колонизации его уже в XI–XII вв.

Харьковская губерния – узкая и продолговатая полоса, простирающаяся с юго-востока на северо-запад между 48°31' и 51°16' с.ш., 33°50' и 39°50' в.д., протяжением в длину на 465 верст, в самой широкой своей части на 150 верст и в самой узкой на 90 верст. Северо-западная ее половина представляет средоточие и, как бы, узел верховьев рек: Сейма, притока Десны, Сулы, Псла, Ворсклы и ее притока Мерлы, которые неизбежно и вполне естественно связывали орошаемый ими район со двумя обширными соседними сторонами: Черниговщиной (по р.р. Сейму и Десне) и Полтавщиной (по остальным рекам). От глубокой древности и до позднейшего времени по равнине Европейской России реки были самыми удобными путями сообщения: торговыми, военными и колонизационными. Это необходимо иметь в виду для уяснения исторического хода колонизации Харьковского края. Черниговщина, древнее Чернигово-Северское княжество, и Полтавщина, древнее Переяславское княжество, – это первоначальные гнезда славяно-русской оседлости едва ли не с VI в. по Р.Х. Из этих центров стрех сторон: севера, запада и юга шли водные пути в северо-западную половину Харьковского края, вследствие чего эта последняя неизбежно должна была уже в древнейшую эпоху подвергнуться разностороннему влиянию соседних культурных славяно-русских княжеств. При этом климатическими своими особенностями, свойствами почвы и растительностью она составляла одно целое с соседями и в особенности с Полтавщиной: тоже богатство мощных лесов, хотя и не сплошных, как в Черниговщине, в особенности по берегам вышеуказанных рек, то же плодородие глино-черноземной почвы, тот же мягковолнистый рельеф поверхности. Проф. И.В. Голубовский в своем исследовании «Печенеги, Торки и Половцы» доказал, что граница Чернигово-Северского и Переяславского княжеств, шла гораздо далее на юг

и юго-восток, чем это принято думать. Нынешняя Харьковская губерния составляла боевую границу древней Руси вообще и Северщины в частности¹⁰. Юго-западная же половина Харьковщины имеет свои особенности. По объему своему она вдвое больше другой половины и вся она составляет один бассейн главной водной артерии края р. Северного (в древности Северскаго) Донца. Начинаясь в Курской губернии, он своими верховьями и в особенности верховьем своего значительнейшего притока Оскола вступает в связь с среднерусскою областью и с окраинами древних Рязанского и Суздальского княжеств. Северный Донец протекает по нашему краю на протяжении свыше 400 верст. Огибая всю юго-восточную часть края, он здесь соединяется своими притоками: Удами и Мжою (Можь, Можя, Мжа), известными уже в XI–XII вв., с узлом вышеозначенных водных путей, идущих в Черниговщину и Полтавщину, при чем пункты этой связи совпадают с нынешними селами: Коломаком, Перекопом (между верховьями Мжи и Коломака – притока Ворсклы) и г. Богодуховым (у верховьев Мерла и Уд).

Особенно же важным обстоятельством здесь является то, что Северный Донец, вливающийся в р. Дон и чрез него в Азовское море, издревле был известным путем из Черниговщины, Полтавщины и Курска в страны Приазовские и Черноморские. В этих последних краях в IX–X вв. процветало царство Хозарское,¹¹ с которым славяно-русские земли вели постоянные

10. Д.И. Багалей и Д.П. Миллер. История города Харькова. Харьков. 1905 г. т. 1, с. 24.

11. «царство Хазарское» – устаревший термин. Правильное название – Хазарский каганат – раннефеодальное государство, где сами хазары долгое время оставались лишь военно-политической верхушкой. Время существования каганата – середина VIII - середина X вв. н.э. Разноэтничный состав населения, находившегося к тому же на разном уровне социально-экономического развития, но объединённый в одно государственное образование, сумел создать высокую материальную культуру. В своей основе она была алано-болгарской. Значительное влияние на уровень материального производства, особенно ремесла, оказало производство причерноморских и приазовских византийских провинций. Значительную роль играла и транзитная торговля (Плетнёва С.А. Очерки истории Хазарии, М.-Иерусалим, 1999). Остатки некогда могущественной державы

и широкие торговые сношение. В X–XII вв. здесь, приблизительно у устьев р. Дона, появляется княжество Тмутараканское,¹² замечательное загадочностью своего появления и исчезновения в русской истории¹³. Недолговечное существование его во всех подробностях еще не выяснено. Однако несомненно, что оно было уделом славяно-русских князей Рюриковичей и находилось во все время своего существования в самых оживленных сношениях в особенности с Чернигово-Северским княжеством, каковые могли производиться только водною дорогой Северского Донца¹⁴. Это был известный и хорошо проторенный путь. Северский Донец южнее впадения в него притока Оскола пересекал сплошное степное пространство, простиравшееся от р. Волги и до р. Днепра, по которому постоянно приходили целыми племенами азиатские кочевники. Это обстоятельство придавало С. Донцу в пределах Харьковского края чрезвычайно важное стратегическое значение в смысле удобства наблюдения отсюда с разных его пунктов за движениями враждебных кочевников.

Ближайшее знакомство с летописными данными убеждает нас в том, что вся северо-западная половина Харьковского края в XI–XII вв. действительно подвергалась усиленному заселению славяно-русскими колониями и притом не случайными, но выдвигаемыми сюда по определенному плану Чернигово-

воплощены сейчас в древности салтовской археологической культуры (по названию с. Верхний Салтов Харьковской обл., где впервые были исследованы катакомбные погребения алан конца I тыс. н.э.). Более подробно о салтовской культуре можно прочесть в работах таких исследователей как Г.Е. Афанасьева, С.А. Плетнёвой, В.С. Флёрова (Москва) и В.С. Аксёнова, В.В. Колоды, В.К. Михеева (Харьков). (Прим. редколлегии).

12. Организация Тмутараканского княжества – это попытка князя Святослава поставить под контроль торговый путь из Черного моря через Дон и Волгу на Каспий и обратно. Наиболее подробная историография и история этого княжества изложена в серии статей специального издания: Сборник Русского исторического общества. - №4 (152). – От Тмутороканя до Тамани. – М., 2002.

13. М.С. Соловьев. История России. Изд. «Общ. Польза» кн. 1, с. 142, примеч. 5, с. 289, 301, 302 и 304.

14. Эта торговая артерия в раннем средневековье была одним из ответвлений Великого шёлкового пути в трансевразийской торговле (Плетнёва С.А. Саркел и «шёлковый путь». – Воронеж, 1996). (Прим. редколлегии).

Северскими и Переяславскими князьями в качестве передовых оборонительных пунктов против кочевников. Оборонительную линию колоний против кочевников устраивали еще князья Киевские Олег, Святослав, Св. Владимир, выдвигая ее все дальше и дальше от Киева к юго-востоку. С половины XI в. эта линия выдвигается уже в пределы нынешней Харьковской губернии: здесь заселяются и укрепляются все подходящие и выгодные пункты¹⁵. Медленно, но упорно славяно-русское племя наступало на кочевников. В течение всего XII в. продолжалась настойчивая борьба с самым упорным и сильным врагом – половцами. Тяжесть этой борьбы более всего приходилось выносить соседним с степью Переяславскому и Новгород-Северскому княжеству¹⁶. Со стороны русских по отношению к половцам проявлялась двойкая политика. Первая, представителем которой являлись Северские князья, стояла за сближение с половцами, для чего князья часто заключали с ними браки, призывали их на помощь в своих усобицах. Напротив, Переяславские князья считали борьбу с «погаными» своей святою обязанностью. Они нередко предпринимали походы в глубь половецких степей, а также постоянно смыкали цепь укреплений. Кроме крепостей как бы живой стеной служили вновь поселяемые на окраинах инородцы – переяславские торки и турпеи. Здесь, на тогдашних окраинах, образовалась даже особая помесь славян с потомками алан и позднейшими тюркскими кочевниками. Историки упоминают при этом об интересной общине тогдашних пограничников, организованной вероятно упомянутой полуславянской помесью, известной под именем «бродников». Эта полuosедлая община представляла собою прототип вольного казачества с которым ее сближали общие условия тревожной жизни искателей

15. Современные данные свидетельствуют об обратном. Большинство славянских городищ в этот период прекращает своё существование. Проникновение восточнославянских поселений не заходило дальше правого берега р. Уды. Исключение составляет городище в с. Городное Краснокутского р-на Харьковской обл. (Прим. редколлегии).

16. Авторитет Переяславского князя, как «защитника Земли Русской» от степняков был столь силен, что часто с переяславского княжения он приглашался на киевское, как гарант безопасности «матери городов русских».

приключений в изобиловавших естественными богатствами окраинах¹⁷. Бродники по-видимому считались христианами, хотя к кочевникам стояли ближе, чем к русским. Иногда они участвовали в княжеских смутах¹⁸. Душой наступательной политики был Владимир Мономах. Кроме укрепления границ, он предпринимал ряд удачных походов в глубь половецких степей. Так, в 1111 г. русские проникли на Дон и разбили половцев¹⁹. К 1185 году относится неудачный поход двух северских князей Игоря Святославича и брата его Всеволода, высоко поэтическое описание которого оставил нам неизвестный автор «Слова о полку Игореве», по-видимому дружинник северского князя. Такие походы в половецкие степи на Дон невозможны были без близкого и хорошо защищенного тыла в виде пограничных укреплений в районе Северского Донца, которые становились опорной базой для действий русского ополчения в степях²⁰. Это подтверждается сказанием «Слова о полку Игореве», что князь Игорь Святославич, бежавший из плена половецкого, нашел себе первый приют в г. Донце²¹. До каких пунктов нашего края

17. Это одна из теорий возникновения казачества, практически все имеющиеся теории его возникновения собраны в работе Бойко О.Д. *Історія України. Посібник*, Київ, 2001. – С. 129-131. Стоит отметить и тот факт, что бродники в сражении русско-половецких дружин и татаро-монгольского войска на Калке в 1223 г. составляли отдельный отряд в войске татаро-монгол, так что не всё так уж однозначно. (Прим. редколлегии).

18. Россия. Под ред. В.П. Семенова. т. VII, СПб. 1903 г., с. 71.

19. Отметим, что в 2005 г. при раскопках на городище Кочеток-I (под г. Чугуевом в Харьковской обл.) был найден развал горшка с клеймом личных мастерских князя Мстислава (сына Владимира Мономаха), который принимал участие в этом походе. Таким образом, впервые установлено точное место переправы русских дружин через Северский Донец и одной из лагерных стоянок русского войска во время этого похода. (Прим. редколлегии).

20. Все-таки оборонительный рубеж был северо-западнее Северского Донца – по рекам днепровской системы, имеющим более налаженную сухопутную и водную связь: Сула и Десна (*Повесть временных лет.* – М.-Л., 1950. – Ч.I. – С. 89). (Прим. редколлегии).

21. «И посла Игорь к Лаврови конюшого своего, река ему: «перееди на ону сторону Тора (р. Торец у г. Славянска) с конем проводным»: бяшет бо свечал с Лавром бежати в Русь...Пришед ко реце и перебрел, и вседе на конь: и тако

могла простираться в то время северская колонизация в виде пограничных укреплений?

Несомненно, эта колонизация шла по прибрежным лесным пространствам. Правда, в пределах нашего края не было таких сплошных лесных пространств, как в Черниговской губернии. Но все же лесов отдельными площадями было не мало, и все они главным образом тянулись по верхнему течению рек Псла и Ворсклы, верхнему и отчасти среднему течению р. С. Донца, а также по притокам этих рек. Тут, еще в первой половине XVIII в. располагались леса: Гомольшанский, Теплинский, Черкасский, Изюмский, Турушковский, Иловские бояраки, Коломацкий, Змиевской, Чугуевский и др. Леса эти занимали площади от 10 до 15 и более верст в длину и от 2 до 7 верст в ширину и были богаты корабельными деревьями. Теперь они, если где и сохранились, как, напр., леса Змиевской, Изюмский, Чугуевский и др., то или занимают значительно меньшую площадь или большей частью поредели и измельчали. Проф. Докучаеву и А.С. Георгиевскому удалось доказать, что в нынешней Малороссии в давно минувшие времена леса занимали огромные пространства, напр. по р. Ворскле от 40 до 43 верст в длину и около 15–17 в. в наибольшем поперечнике. А проф. Черняев в своих описаниях лесов Украины сообщает, что в Волчанском уезде, верстах в 45 от Харькова, при р. Донце, в начале XIX в. берега были покрыты вековыми дубравами, а в половине этого столетия бедный селянин для отдания последнего долга матери с опасностью жизни погружался на глубину реки – добыть ей гробовую доску, ибо на дне многих рек Украины лежат зачастую стволы дубов, древесина которых от долгого лежания в воде принимает черно-серую окраску²². Привычный к лесам русский славянин находит для себя в пределах нашей губернии удобнейшие и безопаснейшие места для поселений и укреплений только среди лесов по возвышенным и малодоступным пунктам

поидоста сквозь вежа...И иде пешь 11 день до города Донца, и оттоле иде во свой Новгород»... Летопись Ипатьевского списка.

22. Ф.А. Виноградов. Растительный и животный мир Малороссии. Россия изд. Под редакцией В.П. Семенова. С-Пб. 1903 г. т. VII с. 42–44.

у рек. Таким образом, древнейшие славяно-русские колонии здесь могли простираться по всей северо-западной части, доходить до пределов распространения прибрежных лесов и до границ начинавшихся черноморских и приазовских степей, т.е. до слияния с Северным Донцом притока его Торца, куда доходил самый южный в нашей губернии Изюмский лес, здесь заканчивающийся обширным вековым бором.

Таковы выводы относительно славяно-русского заселения Харьковского края в древнейшую эпоху XI–XII вв. по историко-топографическим данным. И эти выводы начинают все более подтверждаться археологическими изысканиями по территории нашего края.

Замечательными памятниками древнейшего населения нашей губернии являются монетные клады. Важным обстоятельством здесь является то, что их было найдено и теперь находят весьма много и часто в таких местах, где менее всего можно было бы предполагать, в дремучих лесах, при болотах, в пустынных прибрежных песках. Клады эти идут от древнейших времен. Сделавшись предметом изучения, они дают возможность определить линию распространения поселений в нашей губернии, время их существования, размеры и направление торговых сношений с соседними народами. В.Е. Данилевич, специально изучавший их, дал наглядную карту кладов Харьковской губернии и представил XII Археологическому Съезду в г. Харькове научно составленный доклад о результатах своего исследования кладов Харьковского края. Клады и единичные монеты во множестве были находимы в северо-западной части края, исключительно по берегам рек, среди лесов или на местах бывших вековых лесов, в особенности же в бассейне р. Северного Донца. В.Е. Данилевич на основании изучения их пришел к следующим замечательным выводам: «Донец служил с древнейших времен главной торговой артерией этого края и только для периода со II ст. по Р.Х. и вплоть до V (а может быть и позже) по видимому торговое движение направляется по притокам р. Днепра. Вследствие указанной причины берега Донца и его притоков были гуще населены,

чем берега рек Днепровского бассейна. Население теперешней Харьковской губернии вплоть до V–VI вв. по Р.Х. тяготело в торговом отношении к югу, сначала к греческим колониям на юг России, потом, вероятно тоже при посредстве греческих городов на юге России к Византии. В последующее время, вероятнее всего, вплоть до XIV в., судя по составу монетных кладов и находок единичных монет, население начинает тяготеть все более и более к Востоку»²³.

Другим и еще более замечательным памятником бывшего здесь населения являются так называемые «городища». В указанном нами выше колонизационном районе Харьковского края, вплоть до впадения р. Торца в Северный Донец, они встречаются во множестве. Но кроме уже известных случайно открываются и еще новые иногда с едва сохранившимися следами то в местах дотоле неизвестных, как, напр. в дремучих лесных дебрях, то среди отдельных холмов-могил. На местах древнейших городищ в позднейшее время возникли почти все нынешние города края, в том числе, несомненно, и г. Харьков.

Городища – это бесспорно древние укрепления селения, иногда и очень больших размеров, которые служили убежищем и защитой населения во время вражеских нападений. Вокруг многих из них, как вокруг своеобразных акрополей, находились жилища мирного и рабочего населения, от которого сохранились многочисленные могильные холмы. Чаще всего городище устраивалось на высоком холме в треугольнике между двумя соединяющимися реками, которые защищали его с трех сторон, а с четвертой защищали или природный глубокий овраг с трудным подступом или же искусственные сооружения. Самый городок обносился рвом, валом в одну или две линии и стеною большею частью из массивного частокола, а иногда и каменною – массивной кладки, как напр., в городище села Верхнего

23. В.Е. Данилевич. Карта монетных кладов и находок единичных монет Харьковской губернии. Труды XII Археологического Съезда в г. Харькове 1902 года. Москва, 1905 г.,

Салтова, Волчанского уезда²⁴. Замечательно, что большинство этих городищ с самых древних времен были по очереди облюбовываемы народами, селившимися и укреплявшимися и потому оставлявшими здесь по очереди культурные слои своего обитания. Иногда древнейшее название городища сохранялось и усваивалось устраивавшемуся здесь позднее городу, как, напр., название Змиевого городища.

Архиепископ Филарет в своем «Историко-статистическом описании Харьковской епархии» упоминает свыше чем о 40 городищах во всех 11 уездах края, причем некоторые из них подробно описывает. Исследователи позднейшего времени нашли и еще другие городища. Городища буквально усеивают вышеуказанный нами колонизационный район края. В настоящее время, таким образом, известны следующие городища: бывшее древне-Харьковское (между реками Лопанью и Харьковом), и в уездах Харьковской губернии: в Харьковском – Донецкое, Павлово, Хорошево; в Ахтырском – Ницахское, Котелевское, Журавское, Кукуево, Литовское, Немеровское и Скальское; в Богодуховском – Рублевское, Лихачевское, Старое (у сл. Городное), Солдатское и Торчиново; в Валковском – Коломакское, Кукулевское, Одринское. Хазарское и Хмелево; в Волчанском – Кочетовское, Волчанское (на Лысой горе), Колковское и Салтовское; в Змиевском – Меловое или Северское (у с. Меловой среди густого леса Пристенка), Гумниня, Черкасско-Бишкинское, Коробовское, Старо-Покровское, Змиево, Кабанье, Каменное (или Снетчино), Мохначевое и Чугуево; в Изюмском – Веревкинское, Теплинское (у сл. Богородичной), Камышевахское, Торское и в Изюме – Кременец; в Купянском – Колодезное и Радьковское; в Лебединском – Азацкое, Ворожбянское, Каменское, Мало-Исторопское, Михайловское, Недригайловское, Ольшанское, Терновское (прежде Дехановское), городище у сел Анниной,

24. Каменные элементы фортификации являются характерной чертой оборонительного зодчества северокавказских алан, которые в конце I тыс. н.э. составляли этническую основу лесостепного населения Хазарии, для славян этого периода свойственны грунтово-деревянные укрепления. (Прим. редколлегии).

Супруновки и Ново-Троицкого; в Старобельском – Городище и Осиновское и в Сумском – Вирское, Липецкое, Могрицкое, Юнковское, Сумское на р. Псле, Шпилевское и Хотеньское²⁵. Нельзя не обратить здесь внимания на то, что гуще всего эти городища располагались в уездах Сумском, Лебединском, Ахтырском, Богодуховском, Валковском, Змиевском и Изюмском, и реже в Купянском и Старобельском – степных уездах – бывших обиталищами кочевников. Многие из этих городищ еще на памяти нынешнего поколения оказывались среди дремучих лесов, теперь уже вырубленных. О степени древности их свидетельствует то, что на валах и холмах большинства их них еще недавно росли, в некоторых же теперь растут многовековые дубы. Когда в XVII веке район Харьковской губернии вновь стал заселяться малороссийскими выходцами из правобережной Украины – черкасами, то везде здесь ими были находимы эти городища давно заброшенными, успевшими к этому времени зарости вековыми деревьями. Замечательное в этом отношении городище вблизи хутора Куколевского, в Одринском приходе, Валковского у., было описано еще В. Пассеком в 1839 году следующими словами. «В окружности оно приблизительно не менее трех верст: валы высокие, местами тройные, главная боевая сторона обращена на юг и восток. Вид – неправильный многоугольник. Огромные дубы по 7 или 8 аршин в обхвате растут по вершине вала, и выключают слободских казаков XVII в. от права на основании городища. Медные оконечности стрел также указывают на его древность»²⁶. В описании Архиепископ Филарета об этом городище сказано: «глубокая древность укреплений слишком очевидна. По валам его выросли огромные дубы; иные из них уже срублены, и на пнях свободно может лежать человек высокого роста, не занимая, впрочем, всей длины поперечника пня. Скольким же городам, или вернее, векам

25. См. Труды XII Археологического Съезда, т. 1, с. 1–92, – объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губернии Д.И. Багалея, а также Ю.И. Морозова: «О городищах Харьковской губернии». Харьков. 1901 года, с. 10–11.

26. Русский Исторический Сборник изд. Московского Общества Истории и Древности России III. 212

надлежало пройти прежде, чем начали расти и могло вырасти такие дубы?»²⁷. Это – явное доказательство домонгольского происхождения этих городищ. Некоторым же из них надобно приписать и еще более глубокую древность. Это с очевидностью подтверждается монетами, находимыми в этих городищах. Так, у с. Знаменского, Валков. у., в пещерах старинного поселения были находимы монеты царя Митридата 41–46 гг. по Р.Х.; у хутора Старых Валок – римские монеты императоров Августа, Тиверия, Коммода, Нерона и греческие монеты IV в. до Р.Х.; в Сумском уезде в Шпилевском городище – монеты арабские и византийские X в.; г. Купянске – монеты VIII–XIV в. римские, византийские и золотоордынские; в Змиевском уезде в обширном городище у хутора Коробова – пантикопейские и византийские монеты; в Богодуховском у. в городище сл. Лихачевки – монеты II–III вв. по Р.Х., а в городище сл. Рублевки – римские монеты 371–453 г. по Р.Х.

В первохристианскую эпоху русской истории некоторые из этих городищ в смысле русско-христианских городов становятся несомненно известными, принимают участие в политических движениях тогдашнего времени и упоминаются в летописях. Так, там, где в настоящее время расположен заштатный г. Белополье над реками Вырем и Крыгой, было старое городище – памятник древнерусского города Выря, тем более дорогого для нас, что вызывает собою воспоминание о других городах, бывших вблизи его и о русской жизни до-татарского времени. Вырь известен еще в 1111 году по подвигу славного Мономаха против половцев²⁸. Поселье, Вырь и все пространство за Вырем до Донца принадлежало Черниговскому княжеству. Во время борьбы Юрия Суздальского с великим князем Изяславом в 1125–11448 гг. Вырь и соседние города Въехань и Попаш с честью отбили от Юрия Суздальского, оставаясь верными великому

27. Ibid. т. II с. 296

28. Мономах в завещании, говоря о походе 1111 г. на р. Дон, пишет: «и к Выреви бяху пришли Аена и Боняк, хотеша взяти и к Ромну идох с Олегом и с детьми нань и они очутивше бежали», «Сташа Половцы у Ротьмир дубравы за Вырем» (Архиепископ Филарет, *ibid.*, III, 407, примеч. 1, со ссылкой на Лаврентьевскую летопись

князю. По убеждению Архиепископа Филарета города Въехань и Попаш находились вблизи Выри, нынешнего Белополя, – первый на месте городища Терновского (иначе Лехановского-Дехановского), а второй на р. Попадья (приток р. Сулы) на месте Попасного городища.

Если эти городища оказываются до-татарскими городами русской народности, то какой народности в эту эпоху XI–XII вв. принадлежали остальные городища выше перечисленные нами? На решение этого вопроса начинают проливать свет археологические исследования этих городищ, – исследования хотя и не поведенные еще в обширных размерах в целях систематического изучения всех их, но уже и теперь даже частично произведенные над немногими из них, дающие возможность сделать несомненные выводы о народности их населявшей в это время.

Были изучены и археологически исследованы городища Хорошево и Донецкое, Харьков. уезда, и Ницахское, Ахтырского уезда.

Огромное около 3 верст в окружности Хорошево городище было в подробностях обследовано хотя и без раскопок известным проф. Ю.И. Морозовым²⁹. По все признакам это было издавна нажитое место, сильно укрепленное рвами, валами и высокими стенами из толстых дубовых бревен. Для нас, говорит Ю.И. Морозов, не существует ни малейшего сомнения в справедливости заключения Архиепископа Филарета, что это городище-памятник до-татарской древности. Здесь найдены каменные метательные орудия из красного очень твердого песчаника, месторождения которого нет здесь на сотни верст в окружности. Они занесены сюда издалека. Оказывается, что такие же точно орудия найдены в курганах Киевской губернии. Следовательно, население Хорошева городища имело родственную связь с славяно-русским приднепровским населением. Это доказывается и находимыми здесь женскими украшениями – бусами, несомненно, славяно-русского типа. Городища Донецкое (в 6 верстах от Харькова между селами

29. Ibid.

Филипповым и Карачевкой) и Ницахское были обследованы раскопками археологов XII Харьковского Археологического Съезда 1902 г., нарочито сюда совершивших научные экскурсии. Издавна крепко держится предание, что Харьково-Донецкое городище есть именно тот город Донец, в который прибежал из плена половецкого Игорь, князь Северский, в 1816 году. Научные результаты раскопок, произведенных здесь экскурсией Съезда, были изложены известным В.А. Городцовым в его докладе Съезду³⁰. Его научные выводы об этом городище высоко авторитетные и в высшей степени интересные, мы позволяем себе здесь привести дословно, в важнейших выдержках из его доклада.

«Вся масса остатков указывает на принадлежность культуры к великокняжеской эпохе до татарского нашествия и может быть датирована XI–XII веками. В это время юг России оспаривался между двумя народностями: славянской и тюркской. Оседлый образ жизни, земледельческий характер культуры и ясно выраженная домовитость облегчают решение вопроса, требуя признания в основателях Донецкого городища славян. Очевидно, здесь мы имеем дело с одним из южных пограничных поселений, выдвинутых Переяславским или Черниговским княжествами при сыновьях Ярослава Великого.

Эти пункты удерживались в руках русских князей до нашествия Батыя, когда юго-восточная граница русских владений была отодвинута далеко к северу, к Переяславлю, Глухову и Курску, пограничные же укрепленные пункты запустели. Интересно, что Донецкое городище представляет множество ясных доказательств насильственного разорения в последний момент его существования: сгоревшие стены землянок, обильно рассыпанные повсюду уголь и зола говорят о сильном пожаре, сопровождавшемся даже человеческими жертвами, красноречивыми остатками которых являются обугленные куски человеческого черепа, найденные в землянке № 2-й. Оставалось ли славянское население на старом пепелище, после запустения городища, или это место служило поприщем свободный кочевий победоносной татарской орды, при имеющихся данных трудно

30. Труды Съезда, т. 1, с. 120–124, 130.

сказать что либо положительное. Несомненным представляется лишь то, что местность не оставалась совершенно безлюдною: это доказывают сравнительно частные находки татарских монет. Покорив и разрушив сотни древних русских городов, татары противились возобновлению их укреплений, но позволяли жителям селиться на насиженных местах. Это особенно хорошо можно видеть в истории Старой Рязани, бывшей столице Рязанского великого княжества. После погрома Батыею мощные укрепления города запустели навсегда, но жители поселились на берегу р. Оки, у самой подошвы крепости и не прекратили своего существования до настоящего времени. Весьма возможно, что и Донецкие жители оставались после погрома близ городища и, может быть, «селище», раскинутое рядом с последним, составляет памятник их позднейшей жизни».

Почти такими же выводами сопровождались и археологические изыскания, произведенные в городище у р. Ворсклицы, Ахтырского уезда, близ сл. Ницахи. Найденные здесь вещи характеризуются присутствием среди них серебряных и бронзовых височных колец, согнутых из гладкой проволоки, височных колец с тремя шариками киевского типа, серебряных и бронзовых лобных венчиков, продолговатых граненных сердоликовых бусин, бусин из раковин, серебряных и бронзовых привесок сердцевидной формы, с орнаментом в виде пальмет Черниговского типа, стеклянных, бронзовых крестиков, бронзовых витых браслет и ручных колец, бронзовых и спиральных перстней, медальонов с изображениями христианских святых, обломков разбитых сосудов с прямолинейным и волнообразным орнаментом. Все это указывает, по убеждению В.А. Городцова, на тесную связь культуры Ницахских курганов с культурой славянских, в особенности северских курганов XI в., когда начало повсюду на Руси вводиться христианство.

Очевидно таким образом, что Ницахское и Донецкое городища должны относиться к одному времени и одной народности. По все вероятности и история их жизни была также одинаковою, т.е. эти и подобные городища являлись на окраине

древней Руси и служили местом жительства пограничных славянских колонистов; затем были уничтожены одним и тем же неприятелем и жителям их, не в укреплениях, а на открытых местах «селищах».

Интересно, что линия, проведенная от Ницахских городищ к Донецкому городищу, почти совпадает с линией юго-восточной границы Переяславского княжества времени Ярослава Великого, как ее восстанавливает Русская история. Позже, в четверти XIII в. эта граница подвинулась значительно к югу и исследуемые городища теряли значение пограничных пунктов, вместо их была основана целая цепь новых укрепленных городов и поселков, расположенных по рекам Коломаку, Мже и верхнему Донцу. С нашествием татар эта граница оказалась во владении Золотой Орды, в состав которой оставалась до XV в., когда верховья и средний район р. Северского Донца занимают с одной стороны рязанскими, с другой – украинскими днепровскими казаками.

Указанные данные касательно славяно-русской колонизации Харьковского края в XI–XII вв. уже предрешают вопрос и о следах перворусского христианства здесь. Если нельзя сказать, что здесь были города с монументальными христианскими памятниками, зато представляется несомненным существованием здесь населения исповедующего христианство и обставляющего свою бытовую жизнь христианскими словами. К обозрению дошедших до нас памятников этого первобытного христианства в нашем крае мы перейдем. Немногочисленны они. Но мы уверены, что их мало только пока: дальнейшие изыскания в эти области обнаружат большее и значительнейшее. При всем этом и то, что уже добыто, знаменательно и дорого для нашего края, так как убедительно свидетельствует, что уже в то отдаленнейшее время заря веры Христовой занималась и здесь у нас, на боевой окраине тогдашней юной России.

II

Памятники христианства в до-монгольский период

В до-монгольскую эпоху, в XI–XII вв., христианство проникало в район нынешней Харьковской губернии вместе с славяно-русской колонизацией. Это было тогда явлением неизбежным. Колонизация шла, как мы уже говорили, с северо-запада из соседних княжеств Черниговского и Переяславского, а они в это время были цветущими центрами христианства. Города Переяслав и Чернигов были епископскими кафедрами, и близкий к нашему краю Курск, родина Преп. Феодосия Печерского, в то время был совершенно христианским городом с многими храмами. С Северо-востока же направлялось в наш край культурное влияние Суздальского и Рязанского княжеств. В начале XI в. отсюда христианство близко подходит к Придонскому краю также вместе с славяно-русской его колонизацией. Здесь город Воронеж является древнейшим русским городом: в русских летописях он упоминается уже под 1177 г. по Р.Х. Христианские древности X–XII вв., открытые в Придонском крае и особенно в Цимлянском городище, не оставляют сомнения в том, что и нижняя часть Дона была просвещена христианством, и по-видимому, даже ранее того времени, когда произошло знаменательное событие крещения русского народа при Св. кн. Владимире³¹. Мы выше говорили, что через район Северского Донца шел путь сношений Чернигово-Северского княжества и вообще Киевской Руси с Тмутараканским княжеством также христианским в Тмутаракани упоминается, как уже существующая епархия в последней четверти XI в.: здесь были храмы, был и монастырь, основанный Преп. Никоном Киево-Печерским. Таким образом, в XI–XII вв. первобытное славяно-русское население нашего края находилось под перекрестными христианскими влияниями. Существование в эти века христианства среди населения нашего

31. Христианское Чтение 1897 г., Окт., статья священника С. Зверева: «Следы христианства на Дону в до-монгольский период», с. 487

края несомненно. Для нас представляется замечательным факт существования христианства здесь даже в городах по-видимому половецкого характера со смешанным населением. Подтверждением этому может служить то обстоятельство, что жители одного из этих городов, Шаруканя, несомненно находившегося в районе Северского Донца, о время похода русских князей в 1111 году оказались христианами и вышли к ним с пением молитв и хоругвями³².

Мы остановим свое внимание на вещественных памятниках первобытного христианства в нашем крае.

Почти во всех позднейших исследованиях о Харьковской старине до-монгольского периода упоминается о замечательной находке христианского памятника, сделанной в городе Харькове. История этой находки такова.

В конце июля 1869 года при планировке земли под Харьковский вокзал железной дороги на урочище «Архиерейская левада» под Холодную горою, на глубине одной сажени в затверделом суглинке найдено барельефное головное изображение, вырезанное на плоской глыбе самородного гипса, не обсеченное с задней стороны. Изображение явственно представляет убрис с трех-складчатыми вверху узлами по углам. На нем изсечен лик, украшенный сиянием. В настоящее время эта находка хранится в Музее церковных древностей при Харьковском Университете. Н.Д. Борисяк исследовал этот памятник и представил III-му Археологическому Съезду в Киеве свой доклад, в котором пришел к следующим выводам касательно его древности. Мы приводим их целиком³³.

32. По мнению проф. Н.Я. Аристова город Харьков возник на месте древнего Половецкого города Шаруканя. Проф. Д.И. Багалея предполагает, что Шарукань, который сдался русским князьям в 1111 году, должен был находиться где-то в местности нынешних Харькова и Чугуева. Другие отождествляют Шарукань с Чугуевым. В последнее время некоторые, на основании археологических изысканий в сл. Верхнем Салтове, считают находящееся здесь древнее городище – остатками половецкого Шаруканя.

33. Труды III Археологического Съезда в России. Киев.1878, т. II. Приложения, с. 205–207.

«Изваяния отличается правильностью рисунка. Ученые духовные лица и художники, к которым я обращался за помощью в определении найденного предмета, подтвердили мою догадку, что изваяние ближе всего представляет изображение иконы Спаса Нерукотворного, что на убрусе. Если остановимся на мысли о христианском значении изваяния, то мы можем отнести его или к времени с XI по XIII вв., когда в данной местности жило христианское население, причислявшееся к населению Переяславского и Черниговского княжеств, или ко времени половины XVII в., когда Слободская Украина, запустевшая после Батыева нашествия, заселилась вновь выходцами из западной, правобережной Украины».

Я позволяю себе высказать некоторые догадки и предположения относительно этого предмета. Я полагаю, что в новейшую эпоху рассматриваемое изваяние не было сооружено по следующим причинам: наши мастера каменщики никогда не делали изваяний из самородного гипса, породы и несуществующей в окрестностях Харькова. Образ найден на глубине сажени под слоем отвердевшего суглинка, на образование которого потребно значительно продолжительное время. Мне не случалось встречать между уцелевшими остатками церковной старинной утвари, а также между вынесенными переселенцами из-за Днепра предметами религиозного почитания изображений святых, изваянных на камне. Трудно предположить, чтобы найденное изображение служило барельефом наружной части храма или надгробного памятника, такие украшения в храмах наших не употреблялись и трудно допустить, чтобы они приделывались к стенам церквей, возведенных из дерева.

Кладбища в местности, где найден образ, не существовало и при планировке следов кладбища никаких не обнаружено; при том же материалом для мавзолеев служили у нас первоначально: кирпич, песчаниковый камень и чугун. Украшения памятников вырезаются обыкновенно на монолите, из которого сделан сам памятник, или же подобно как в храмах и часовнях лепные а не резные. Затем, значение барельефного украшения опровергается и отсутствием на изваянии малейших следов прикрепления.

Рассматривавший описываемое изображение художник Волошинов выразился о нем следующим образом: «по контуру и экспрессии найденное барельефное изображение принадлежит к произведениям древнегреческого стиля. И я не сомневаюсь, что оно служило принадлежностью скита пустынножительства». Нельзя отрицать возможности подобного предположения, тем более, что по наблюдениям над характером нашей местности, не подлежит сомнению, что прежде в ней на значительных пространствах существовали вековые леса, представлявшие требуемые для пустынножительства условия.

Может быть, в найденном предмете мы встречаем след тех давних, неведомых историй, подвижников, которые дали название «Святой Горе» на Донце (упоминаемой московскими летописями XVI ст.), которые основали Святогорскую обитель (по мнению Преосвященного Филарета существовавшую уже до XIV в.) и которые ископали пещеры в Донецкой скале, может быть подражая преп. Феодосию и Антонию».

Находка столь древнего изваяния и притом в городе Харькове – чрезвычайно удивительна. Н.Д. Борисяк, в докладе Киевскому Археологическому Съезду не представил подробного тщательного описания изваяния, а свои выводы относительно древности его не достаточно обосновал, может быть по не имению для этого фактических и документальных данных. А между тем, исключительно на основании его выводов, другие исследователи нашей старины называют это изваяние памятником до-монгольского времени и отсюда заключают о существовании христианского населения в городище на месте нынешнего Харькова еще в то отдаленное, до-монгольское время. Серьезность таких выводов и на первый взгляд загадочность этой находки побуждает нас дать здесь более подробное и всестороннее описание этого изваяния.

Найденный памятник представляет собой доску в 28 см. высоты, 23 ½ см. ширины и 4 ½ см. толщины из мраморовидного камня белого цвета. Камень определяют как белый известняк – самородный гипс. Лицевая поверхность сероватая и шероховатая. Задняя сторона грубо обрублена без всяких следов какого либо

прикрепления цементом или железом. Все четыре образа доски по толщине также не имеют никаких следов прикрепления, причем образы похожи на обсеки, подобно грубому обсеку задней стороны. Нельзя не заметить, что ребра нижних краев сильно обтерты как бы от долгого держания руками. Во всю плоскость доски сделано изображение. В двух верхних углах вытесаны узлы, каждый в три складки. Изображение представляет собою лик в отдельном виде без шеи и плеч. Лик челом и носом сильно выдающийся из плоскости доски на 3 см. Вокруг лика сияние (нимб) 2 см. ширины. Лик от конца бороды до верха головы 22 см., расстояние между ушами 15 см. Лик продолговатый благородного и строго стиля. Линия бровей – прямая, глаза большие, открытые (без зрачков). В изваянии строго и правильно сделаны глаза, нос, усы, губы, уши и борода, хотя без мелких детальных линий: все изображение – в виде общего контура. На челе и бороде имеются пять поперечных небольших линий, очевидно, случайно сделанных заступом при откапывании его, также случайно отбитый кончик носа. Особенно характерны в этом изваянии нос и уши. Нос заметно продолговатый в 5 см. длины, очень прямой, без всякой горбинки и средней толщины или скорее: тонкий. Ясно сделаны ноздри и между небольшими, как бы намеченными только усами, продольная ямка по верхней губе. Изучение этого изваяния убеждает, что сделано оно хорошим мастером, отлично и быстро умеющим высекать в общих контурах лицо человеческое. Длина бороды от нижней губы 8 см., ширина ее 10 см. Борода в нижней своей части имеет совершенное явственное и ровное раздвоение. Вдоль бороды, начиная от ушей, идут вниз волосы, причем расширяющиеся к плечам локоны высечены контуром в виде двух треугольников в 12 см. длины и 7 см. ширины у основания, спускающиеся гораздо ниже бороды. Весьма характерны волосы на голове. От чела они шириной в 3 см., над серединой чела они разделены и, немного расширяясь вокруг верхней части головы, сильно суживаются к ушам. Уши небольшие, тонкие и несколько выдающиеся своими оконечностями вперед.

Изваяния не оставляет сомнения в том, что это – изображение священного убруса, Нерукотворного образа Христа Спасителя. Правильность и благородство очертаний его чрезвычайны. Следов каких либо надписей и букв нет никаких. Судя по шероховатой и серой поверхности это изваяние очень древнее. Кажется, что поверхность его была долговременно обветриваема, выставленная наружу, тогда как задняя его сторона, белая, как задняя его сторона, белая, как бы со свежими следами обсека, была закрыта. По бокам и на задней стороне явны следы обтески, лицевая же сторона сглажена, и ни в одной линии не заметно следов резца.

В определении древности и происхождения этого изваяния характер и стиль сделанного на нем. Нерукотворного Образа должны играть первостепенную роль. Какого же иконописного типа это изображение? Как видно из доклада Н.Д. Борисяка, художник Волошинов определил его общею фразою: «изображение принадлежит к произведениям древнегреческого стиля» (первохристианского или византийского?). Мы не находим в нем элементов сходства с древне-византийским типом, а тем более первохристианским.

По словам академика Н. Кондакова, древнехристианское искусство знало мужественный образ Спасителя, но он не был Его историческим типом с чертами Лица, установленного преданиями. Исторический портретный Лик Спасителя выработан уже иконописью века Константина и мы находим этот тип в живописи римских катакомб только во время IV–VI веков. Так, фресковое погрудное изображение Спасителя с Евангелием в левой руке и благословляющей десницей, в катакомб Св. Генерозы, относится к таким историческим типам: Спаситель имеет длинные назорейские волосы, легкую, опушающую овал лица, бороду, глубоко-посаженные глаза, покойный и твердый взгляд, покойно и ровно очерченную дугу бровей, тонкие и правильные черты лица. Изображение относится к 680 году. В конце VI уже остановился тип Христа, излюбленный восточною мозаикою: фигура широкая, монументальная, даже тяжелая,

голова квадратная, густая борода, могучий характер в крупных чертах лица, величавый оклад головы и волос³⁴.

В ближайшее затем время в этот византийский тип Спасителя привносится изображение больших круглых глаз, пышных волос, спадающих за плечи, и суживающейся бороды без раздвоения. Еще позднее, как в мозаиках византийского типа в Римских и Равенских церквях, так и в византийских изображениях Убруса Христова X–XI вв., к чертам Лица Спасителя присоединяются пышные локоны волос, спадающих на плечи и раздвоенная борода. В близкое к этому времени появляются и в древнерусской иконописи изображения «Нерукотворного Лица Спасителя» этого последнего типа, к которому очень близко подходит найденное в Харькове каменное изваяние. Нельзя не принять во внимание здесь то, что позднее, в XIV–XVII вв., русские типы Нерукотворного Спаса претерпевают значительные видоизменения, к которым совершенно не подходит наш памятник. Так, в них резко обозначаются по три или два локона волос, спадающих на плечи, отдельная космочка волос, спадающая на верх чела из раздвоения головных волос и особенно характерное разделение бороды на несколько прядей в виде «крохотных завитков», как это мы видим на лучших образцах таких икон: в Никольском Единоверческом Монастыре в Москве, в резнице Св. Троицкой Сергиевой Лавры, в Московском Успенском Соборе XVI в. (без завитков бороды), в Ново-Спасском монастыре в Москве³⁵. При составлении нашего изваяния с древне-русскими изображениями Свящ. Убруса мы поражаемся близким его сходством с подобными изображениями в двух замечательных древнерусских храмах: Спаса Нередицы в окрестности Новгорода (построенного в XI в.) и Георгиевского Собора г. Юрьева Польского. В Нередицкой церкви на пояс купольного барабана помещены два Нерукотворных образа: один воспроизводит известный образ Авгаря, бывший на полотне, другой же воспроизводит, по-видимому, знамя или лабарум, судя

34. Лицевой иконописный подлинник. Том. I: иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. СПб. 1905 г., с. 12.

35. Лицевой иконописный подлинник. Т. 1, приложения.

по жемчужным окаймлением и надписи ІС. ХС. НІ. КА. Первый имеет следующие черты особенно сходные с нашим изваянием: продолговатый овальный лик, волосы широко окружающие главу, и к ушам суживающиеся и ниспадающие ниже браны двумя длинными расширяющимися локонами, среднего размера браны с явным раздвоением, продолговатый тонкий и прямой нос, линия браней ровная, глаза большие, взгляд спокойный, уши не закрытые волосами. Это изображение в церкви Спаса-Нередицы сохранилось от конца XII в. По своему характеру вполне соответствует установившемуся в то время русско-византийскому типу Образа Христова.

Вообще же наше изваяние по своей каменной конструкции представляется схожим с каменными изваяниями, так называемыми «прилепами», двух замечательных древнерусских храмов XII и нач. XIII вв.: Георгиевского в Юрьеве Польском и Дмитриевского во Владимире. Всякий, знакомый с наружными барельефными украшениями этих двух храмов, невольно вспомнить о них при взгляде на наше изваяние. Самородный гипс, годный для барельефных изваяний, в обилии находится в Уральских горах. Древние Булгары, обитавшие по рекам Каме и Волге, пользовались им для каменных своих построек. Отсюда этот материал доставлялся в Суздальское княжество для сооружения и украшения церквей. Дмитриевский и Юрьевский соборы сложены из белого известняка, доставленного из Булгарии, с заполнением полый внутреннейности, между двух сложенных стен, будто из булыжника, щебня и обломком того же известняка, и известкового раствора. Крепость этого последнего и отношение к этой сердцевине самой кладки стен, как своего рода облицовки, указывает на обычаи греко-восточных построек и составляет немаловажное обстоятельство для понимания роли самых скульптурных плит или «прилепов». Владимир, в эпоху этих сооружений (XII и нач. XIII вв.), был наполнен, по летописи, хитрыми купцами, рукодельниками (художниками) и разными ремесленниками, и все это пришлое население новых «пригородов» из «холопей каменщиков», скоро смешавшееся с туземным (финским), явилось первыми

ремесленниками. В сооружения Владимиро-Суздальские явственно было внесено этими мастерами западное (романское) влияние, но в рамках византийских традиций и восточных вкусов (звериная орнаментация Дмитриевского и Юрьевского Соборов). Замечательны пути, по которым мастера этой эпохи заносили свое влияние во Владимиро-Суздальское зодчество. Основным условием культуры Суздальской области в то время было ее посредничество в торговле Востока с Западном, тогда покинувшей южные степи и поднявшей на севере. Для Суздальской области уже во времена Боголюбского установилась связи, естественные и в географическом отношении «с приднепровьем, Волынью и Галичем: путь из Киева подымался по Днепру и его притокам, переходил на Москву реку или же на верховья Оки и на Клязьму. Таким, конечно, путем из Киева и родственного Галича шли мастера и каменщики в Суздаль»³⁶. Известняковый материал нашего изваяния и контурность мастерской его обработки, очевидно, рассчитанной на вид издали, естественно сближают его с «прилепами» Владимиро-Суздальских храмов. Возможность занесения его в наш край может быть допустима ввиду близости его к тому пути, по которому шло каменное мастерство из Киево-Волыни и Галича в суздальскую область. Предположения этого рода нам кажутся вполне естественными. И это тем более, что подобное изваяние имеется между «прилепами» Георгиевского Собора. Северная стена этого храма богата рельефами: здесь с угла сохранился даже пилястр с капителью и личинами, по пилястру размещены медальоны с бюстами, затем отдельные фигуры Святых, образ Спаса Нерукотворного, опять медальоны со святыми, херувимы, иногда в кусках, и все это наверху, где стена переложена из архитектурных элементов какого-то другого здания и украшен правильным рисунком разводов. В этой части храма, как есть посредине, выше окна, помещен образ Нерукотворного Спаса совершенно отдельный от соседних фигур, вытесанный на цельной известняковой плите Складок Убруса здесь не видно. Лик окружен нимбом и такого же типа,

36. Русские древности в памятниках искусства, изд. Графа И. Толстым и Н. Кондаковым. Вып. IV. С-Пб. 1899 г., с. 37

как на нашем изваянии. Особенно характерную черту этого образа составляют весьма длинные волнистые локоны волос, спускающиеся ниже бороды³⁷.

В определении древности происхождения нашего изваяния большое значение также имеют характер и история местности, в районе которой оно было найдено. Н.Д. Борисяк в своем докладе о находке не сообщает никаких данных об этой местности. А между тем здесь мы также наталкиваемся на указания в пользу глубокой древности находки. Тот участок земли, где был из глубины 1 сажени вырыт наш памятник, и где теперь находится Харьковский вокзал южных железных дорог, представляет собой собственность Харьковского Покровского монастыря (Архиерейского Дома) и носил название «Архиерейской левады». Раньше это всегда было пустынное место, луговое и озерное. Так, в XVIII в., ближе к началу нынешней улицы Большой Панасовки эта левада переходила в несколько мелких озер с кочками и порослями. Левада вплотную подходила к городской дороге, которая по линии нынешней Екатеринославской улицы шла от Триумфальной арки (в конце XVIII в.) у Дмитриевской церкви на Холодную гору и далее в направлении к Куряжу на Ахтырку. По другую сторону этой дороги (в районе нынешних Большой и Малой Гончаровки) простирались сперва огороды, за ними подгородняя сл. Долганевка, а под самой Холодной горой кирпичные заводы. Архиерейская Левада поднималась немного вверх по склону Холодной горы: здесь были монастырские огороды, а выше вишневый сад и два деревянных домика для монастырских служащих³⁸. Холодная гора в то время была необитаема, покрыта остатками древнего леса, переходившего у нынешней Основы в густой бор. На самой вершине Холодной горы был в то время курган, в котором найдены человеческие кости, уголь и черепки, представлявшие, вероятно, следы языческого погребения³⁹. Архиерейская левада была во владении

37. Русские древности в памятниках искусства, *ibid*, с. 46, рисунок № 83-й

38. См. план г. Харькова 1787 г. в «Истории г. Харькова» Д.И. Багалея и Д.П. Миллера. Харьков 1905 г. т. 1, с. 76-я

39. *Ibid*, с. 25.

Покровского (ранее училищного, Коллегиумского), монастыря со времени первой половины XVIII в. Ранее же она была частной собственностью. Владел ею подпрапорный Харьковского полка Григорий Степанович Дробицкий. В 1735 году он отдал Коллегиумскому монастырю свои земли: а) два огорода под Холодной горой, б) леваду под Холодной горой при большой дороге из Харькова и в) луку здесь же с вишневым садом. В фамильной летописи Г. Квиток, замечено, что Григорий Дробицкий, двоюродный брат, по матери, полковника Ивана Григорьевича Квитки, пострижен в монашество 5 Апр. 1730 года ректором Платоном Малиновским «в обитель Новопечерскую Змиевскую, в доме его в Харькове», и что он назван Геннадием⁴⁰. Следовательно, Архиерейская левада и до 1735 года была таким же пустырем, как и в 1869 году. Несомненно, что ранее 1735 года она попала в частное владение в виде «заимки», занятой также, как занимались тогда свободно вокруг Харькова окрестные урочища, луга, озера и леса первыми поселенцами «черкасами». Нет никаких поэтому, данных предполагать, что до XVIII в. это левада была кем либо обитаема, и что здесь могли быть какие либо постройки. Эта левада была озерным лугом под Холодногорским лесом и, конечно, не представляла собою подходящего места для поселения и жилищ. Мы совершенно вправе считать ее пустынным и не обитаемым местом издревле. При нахождении каменного изваяния не было обнаружено никаких следов бывшего здесь строения или погребения. Изваяние найдено в чистом и плотном суглинке на глубине 1 сажени. Этот саженный слой напластования над изваянием образовался естественно, и поэтому медленно. Слой, на котором лежало изваяние, был уровнем всей этой левады много столетий тому назад, в глубокой древности. Проходившая через леваду дорога на Ахтырку была также очень древнею. Все эти условия местности, в которой найдено изваяние, заставляют предполагать в нем древний памятник еще в до-монгольское время почему либо здесь обороненный возле дороги из Харьковского городища.

40. Преосвященного Филарет: «Историко-Статистическое описание Харьковской епархии», отд. I, с. 274.

Предположение г. Борисяка и г. Волошинова о принадлежности этого изваяния скиту иноков, здесь некогда подвизавшихся, нам представляется совершенно проблематичным. Ни в самом изваянии, ни в обстановке его нахождения, ни в характере данной местности нет никаких данных для этого предположения.

Все вышеизложенные соображения и сопоставления касательно найденного в Харькове изваяния нами представлены в дополнение к докладу Борисяка в целях более широкого обоснования до-монгольской древности его происхождения.

Замечательные христианские находки были сделаны во время раскопок Ницахского городища, Ахтырского уезда. Различные предметы здесь были находимы как при раскопках древних жилищ обитавшего в городище славяно-русского населения, так и в обширном могильнике окружавшем городище. В обнаруженных погребениях явно славянского типа вместе с костяками находилось оружие, остатки одежды, предметы украшений, домашняя глиняная посуда, и, наконец, многочисленные кресты и иконы. Все эти находки составили богатую коллекцию Ницахских древностей, ныне помещающихся в Харьковском Университетском Музее. Коллекция распределена группами вещей соответственно отдельным раскопкам проф. Д.И. Багалея и Е.Н. Мельника.

Среди христианских находок в Ницах первое место по количеству и ясно выраженному типу занимают кресты. Носимы они были обитателями Ницахского городища на шее в ожерельях. Ожерелья составлены из мелких разноцветно-стекляных и глиняных бус и раковин. К ожерельям привешены бронзовые «лунницы», опрокинутые вниз, – это очень распространенное украшение у древних славян X–XII вв. Посредине этих ожерелий привешены бронзовые прорезные медальоны с крестами в середине. На каждом ожерелье таких крестов имеется по одному, по два, по три. Найдены некоторые ожерелья с одними крестами без «лунниц». Все кресты не больше 1,7 см. в диаметре: они равноконечны, при чем концы перекрестий расширяются в виде трилистника. Ободок каждого медальона имеет вид жемчужной нити. Найденные здесь также ожерелья с простыми крестами,

не заключенными в медальоны, напр. в 15-м и 33-м курганах. Эти крестики также равноконечные, но концы перекрестий расширены в виде закруглений, пир чем крест из 15-го кургана имеет сквозные отверстия в закруглениях перекрестий. XII Археологический съезд признал эти крестовидные предметы подлинными христианскими символами, крестами. Подобные кресты были находимы в могильниках других мест, особенно Северянских X–XII вв.: относятся они, очевидно. К эпохе первоначального распространения в Киево-Черниговской области православного христианства. По своей форме эти кресты Ницахского городища несомненно взяты из византийских монет Льва VI Мудрого (886–912 г.), Романа II (959–963) и Иоанна Цимисхия (969–976 г.), на обороте которых они изображены на подножии, но с такими же закруглениями перекрестий, как в Ницахских⁴¹.

Кресты типа Ницахских находок 33 кургана изображаются в миниатюрных размерах на лицевой стороне монеты Св. Владимира II, III и IV типов, а также на монетах Ярослава⁴². Ницахские кресты – не русского происхождения: они по своей форме – корсунские и производства они несомненно корсунского. В первые века распространения христианства на Руси, X–XII ст., разнообразные предметы христианского культа здесь распространялись из знаменитого в то время Херсонеса Таврического, летописного Корсуня. Многие дошедшие до нас священные предметы корсунского происхождения сохранили за собою техническое название «корсунских», напр. иконы, кресты, металлические иконостасные врата и священные сосуды. Всем известны «корсунские складные кресты-тельники, находимые доселе в Херсонесе, Феодосии, Орианде, Судаке, Керчи и в Киеве. По времени можем считать все эти кресты изделиями VIII–XII столетий. Множество простых тельных крестиков этой эпохи, встречаемых в кладах, и в могильниках, ризница и собраниях, из различных яшм, серпентина, халцедона, в золотой сканной оправе, также, наверно, происходят из Корсуня, почему мы можем

41. А. Орешников. Херсоно-Византийские монеты, Москва, 1905 г., с. 10–16.

42. Русские древности, вып. IV, с. 168–169.

зывать их «курсунскими тельниками». В самом Херсонесе встречены также тельные кресты обычного курсунского типа складней с надписями славяно-русскими: находка эта вызывала предположение, что кресты эти должны были принадлежать русским, поселившимся в Корсунки. Конечно, там были русские в составе населения, однако, подобные находки говорят нам о другом факте, а именно, что кресты изготовлялись для вызова в Россию, но так как Греков в XII–XIII вв. было немало, а русских много, и торговля крестами с Русью шла шибко, то изделий для нее изготовлялось с излишком, и иные оставались дома. Вот почему между херсонескими формочками для отливания (из меди и бронзы для продажи простому народу) мы встречаем с особенным интересом: одну формочку для тельного крестика типа Ницахским находок, другую для серьги с подвесной бусой и третью для серьги с «лунницею» в виде калачика, окаймленной жемчужною нитью. В отдельном виде подобные «лунницы» во множестве фигурируют в Ницахских ожерельях.

Особенно же важными по своему значению представляются Ницахские находки христианских иконок. Одна икона имеется в ожерелье № 115 (из раскопок Д.И. Багалея). Она круглой формы в 1,7 сантиметра в диаметре, на ней имеется отчетливо сделанное погрудное изображение святого с сиянием вокруг лица? Иконка сделана из бронзы, надписей или букв не обозначено никаких. Это изображение предназначено для нагрудного ношения, ибо имеет ушко для привешивания. К ожерелью же под № 117-м подвешен плоский бронзовый медальон с рельефным изображением на нем всадника с заметным сиянием вокруг головы. Подобные изображения были находимы при раскопках Мерянских могильников и представляют собою иконки Св. Федора Тирона. Эти Ницахские иконки по достоинству своей работы уступают крестами здесь найденным, что сразу бросается в глаза. Мы вправе смотреть на них, как на произведения русских мастеров. Употребление славяно-русским населением Ницахского городища крестов и иконе свидетельствует о соблюдении им православно-христианского культа, и следовательно христианство здесь было не случайностью, но оседлым бытовым

явлением. Нам представляются эти находки достаточно убедительным доказательством существования православного христианства в районе нашего края XI–XII вв. Оседлость христианства в Ницах может быть допустима при неперменном условии естественности и безопасности его исповедания во всем этом районе. В связи с этим обстоятельством приобретают важное показательное значение и все другие находки христианских памятников в нашем крае, хотя бы кажущихся случайными, как напр. вышеописанное нами каменное изваяние Спаса-Нерукотворного. Христианские исповедники здесь были всюду, куда только простиралась в то время славяно-русская колонизация: христианские символы естественно должны быть находимы по всему району былых здесь поселений XI–XII вв. С этими корнями древнейшего христианства в нашем крае так настойчиво на протяжении веков связываются предания о древнейшем возникновении здесь христианских обителей, еще за много веков до того времени, как здесь стали селиться и вновь колонизировать наш край Украинские Черкасы. Мы разумеем здесь предания о знаменитой Святогорской и о близкой к Харькову Хорошевской обителях. Предания об их древности находят подтверждение во многих исторических фактах и сказаниях. Но мы с особым вниманием остановимся на доступных нашим исследованиям вещественных памятниках их старины. К обозрению этих последних мы перейдем.

III

Святогорье, Изюмского уезда

Святогорский Успенский мужской монастырь в Харьковской губернии является памятником глубокой древности. Находится он в Изюмском уезде, в 155 верстах по грунтовому тракту от г. Харькова, в 35 верстах от г. Изюма и в 18 – от известного минеральными водами г. Славянска. Мы не будем здесь распространяться об удивительной красоте местоположения монастыря. Она достаточно прославлена, описана путешественниками и воспета поэтами. Кто хотя раз видел чарующие красоты его, тот уже никогда их не забудет. Едва ли есть во всей России другой монастырь, который бы поражал более восхитительными видами своими, чем какие мы находим здесь, в этом поистине благословенном уголке Малороссии.

Монастырь расположен на правом берегу реки Сев. Донца. В топографии монастырской местности играет большую роль не только замечательный по своим особенностям правый берег, но и левый. Скажем несколько слов об этом последнем. Левый берег реки всюду низменный. В настоящее время по этой низине на пространстве от Белгорода и до устьев р. Торца, впадающего в Сев. Донец, тянутся площади песчаных отложений и очень частые ольховые, дубовые рощи, лозняки, озера, заросли и хвойные леса. Ближайшие наблюдения над характером левобережной природы убеждают в том, что современные песчаные пространства позднейшего происхождения: под верхним слоем песка находятся богатые торфяники, пни, корни и окаменелые стволы исполинских деревьев, – это остатки когда-то бывших здесь мощных лесов. После сплошной вырубki их на больших участках образовывались пустыри, которые затем во время весенних разливов заносились песками. Таким образом, приблизительно до XVII в., весь левый берег р. Сев. Донца был покрыт сплошными лесами и непроходимыми лесными зарослями у самых вод реки. И теперь напротив Святогорского монастыря по низине тянется непрерывный сосновый бор

глубокой давности, перемежающийся рощами вековых дубов, осинниками и лозняками в ширину до 15, а в длину до 70 верст. С высот он кажется сплошным зеленым ковром во всю сторону уходящим в синеющую даль и сливающимся с горизонтом.

Картина этого лесного царства представляется в своей бесподобной красоте, когда смотреть на нее приходится с правого берега реки. Этот последний везде вдоль реки горист, а у Святогорского монастыря достигает своей наибольшей красоты. С горы Преображения в этом монастыре глаз охватывает беспредельное пространство по низине реки. В разрезе берега Донца здесь наблюдаются известняки юрской системы. Внизу залегает плотный известняк серого цвета; выше лежит мелкий зернистый известняк, который в некоторых только местах можно назвать оолитовым. По правую руку обнажения, смотря с реки, видно продолжение его вверх насчет других пород. На оолитовом известняке лежит пестрая сланцеватая глина; она, в свою очередь, прикрыта пластом серовато-зеленого песчаника. Эти глинистые и песчаниковые пласты лежат согласно с нижележащими юрскими известняками и, падая к ю.-ю.-в. под углом в 15–18°, уходят под толщи мела, который образует в этой местности чрезвычайно живописные красоты. Этот гористый берег также всюду покрыт черным и красным лесом, простирающимся иногда в ширину до 3–5 верст. Береговой кряж у монастыря своеобразной формации: то он спускается к реке пологими откосами, то обрывается отвесными скалами, то образует по местам поперечные узкие трещины-ущелья, открытые с реки, то, отступая от реки с трех сторон меловыми отвесными утесами, а со стороны реки в узком проходе закрытая вековым лесом. Лес по вершинам этого берега, по пологим скатам и над обрывами всюду вековой, мощный не менее, чем и на левом берегу. Сосны здесь достигают громадной высоты; сосредоточиваясь на вершинах, он особенно теснятся к самому берегу, цепляются своими корнями по самым крутым скалам, сбегая к самым водам реки, у корней совершенно закрытые мелкой порослью. В глубине же ущелий растут исполинские вековые дубы, клены и ясени с непроницаемыми кустарниками. В противоположную, южную сторону от реки

горный берег спускается постепенными террасами; здесь лес растет реже и исключительно черный, и переходить потом в мелкую поросль пространство, – это древняя татарская сторона. Северный Донец здесь везде одинаковой ширины, полноводен, достигает наибольшей глубины до 5 сажень, течет в глубоких берегах, русло ясно определившееся; как видно, оно осталось неизменным с самых давних времен: об этом свидетельствуют вековые стволы и корни и окаменелые деревья, находимые на дне и особенно у берегов его. Все описанные особенности Святогорья как будто нарочито приспособлены для удобства наблюдения здесь за громадным в окружности пространством и для надежной защиты от нападений врагов. Это особенно станет для нас ясным при подобном обозрении самой главной достопримечательности монастыря – знаменитых меловых скал.

От самой возвышенной горы правого берега, так называемой «Фавор», на которой возвышается Преображенский храм, отделяется, выступая ближе к реке, величественная меловая скала, конусообразной формы, со всех сторон отвесно как бы обрезанная. Над уровнем воды скала достигает высоты 394 ½ футов. Своей яркой белизной она резко выделяется на темно-зеленом фоне берегового леса и видна на весьма далекое расстояние. Замечательно строение скалы. Она состоит из ряда исполинских меловых пластов, которые некогда вулканическими силами выдвинуты были из недр земли кверху в направлении с юга на север, и были как бы обрезаны над рекой. Пласты неодинаковой ширины: от 1 до 3 сажень, спаяны между собой тонкими слоями кремня чрезвычайной твердости: только сильный удар кирки разрубает их. Скала имеет пять острых вершин, заметно отделенных одна от другой и расположенных вдоль берега по прямой линии от востока к западу. Первая крайняя вершина самая высокая. Вторая гораздо ниже имеет следы обвалов. На третьей вершине устроена широкая крытая площадка в виде часовни, вокруг которой обходит большой балкон, выступающий вперед со скалы и висящий как бы в воздухе. Отсюда открывается самый великолепный вид на всю беспредельную низину реки Северного Донца. На четвертой

вершине с незапамятных времен высечен в меловой толще храм во имя Св. Николая Чудотворца, у которого только верхний купольный этаж сделан из кирпича, алтарь же своим куполом и первый этаж храма целиком меловые. Пятая вершина скалы сильно обломленная – ниже всех первых. В настоящее время скала соединяется с горой Преображения искусственной насыпью, подведенную почти к вершинам скалы. Насыпь эта сделана в пятидесятых годах при Архимандрите Арсении. В древнейшие времена ее не было. Скала отделялась от горы ущельем не менее как в 10–15 саж. Глубины от вершины скалы. При ближайшем изучении современного устройства скалы можно вполне убедиться в том, что и с восточной стороны скала была некогда недоступна. Вскоре по восстановлении монастыря в 1844 г. Архимандрит Арсений устроил крытую лестницу о 511 ступенях для восхождения на вершину скалы с восточной стороны. Две верхние площадки, которыми заканчивается эта лестница, для перехода к верхнему храму Св. Николая Чудотворца и к нижнему – Св. Иоанна Предтечи, – кирпичной кладки, внутри насыпные. При мысленном устранении их, и с этой стороны открывается еще более глубокий отвес скалы, чем с южной стороны. Обзорение скалы также убеждает и в том, что даже в недавние, а тем более в древнейшие времена, она была значительно выше, чем теперь. Имеются достоверные сведения, что в 80-х годах прошлого столетия с вершины второго конуса скалы отвалились громадные глыбы мела, от чего этот конус стал ниже других. Со стороны реки, с севера, от скалы также нередко отваливаются более или менее значительные меловые части, падающие вниз к древнему кладбищу у подножия скалы. Это обстоятельство некогда очень тревожило устроителя восстановленного монастыря Архимандрита Арсения. Говорят, что он даже предполагал скалу укрепить железными обручами, прикрепив скалу к горе Преображения, но после обзорения скалы инженерами, убедился в ее вековой непоколебимости несмотря на наружные обвалы. С Северной стороны, от реки, подошва скалы была гораздо ниже чем теперь. От обвалов со скалы и особенно от массы мела и мусора, выброшенного сюда во время

восстановления пещер, подножия скалы поднялось сажень до 8. Мысленно устранив эту позднейшую насыпь подножия, мы увидим, что основание скалы в древние времена доходило почти до уровня самого берега, отчего она представлялась со стороны реки гораздо выше, чем теперь, во всем своем грандиозном величии, как какое-то исполинское чудесное изваяние.

Замечательным памятником глубочайшей древности в этом монастыре являются пещеры меловой скалы, подземный ход от меловой скалы к Антоние-Феодосиевской церкви на кладбище и пещере этой последней.

Описания или изображения этих пещер, каковы они были в древнее время, не имеется. К величайшему сожалению древнейшее их состояние не было исследовано и описано при восстановлении в 1844 году Св. Николаевской церкви на вершине скалы и при расчистке в скале пещерного хода на верх к этой церкви. Восстановление в это время пещер, очистка их от мусора, расширение их, добавление новых ходов, устройство в некоторых местах здесь новых площадок, ниш, новой церкви преп. Алексия, сглаживание при этом следов первобытного прорубывания ходов – все это в значительной степени уничтожило первобытный характер этих пещер. Осталось навсегда неизвестным, были ли находимы при этом мелкие предметы – остатки обихода древнейших обитателей пещер, были ли надписи на стенах, где именно и в каком положении здесь найдены были кости погребенных были ли какие либо предметы при костяках и т.п. В существующем теперь наиболее обстоятельном описании монастыря⁴³, некогда составленном Гр. Ковалевским, имеется только краткое и поверхностное описание пещер без всяких исторических справок, и приложен примитивный план их без масштаба и обмера. А между тем даже теперь многие сохранившиеся их особенности со всею очевидностью свидетельствуют об их древнейшем происхождении и дают основание отнести их даже к определенной эпохе древности.

43. Святогорская Успенская Общежительная пустыня в Харьковской епархии. Изд. 7-е Одесса. 1902 г.

Наибольший интерес в этом отношении представляют пещеры меловой скалы, к подробному обозрению которых мы и приступим.

В настоящее время подошва скалы с востока круто обрезана, да и весь овраг между скалой и следующей к востоку горой – сильно углублен, превращен в площадку, на которой и устроен был в 1869 году величественный соборный храм. Против соборной паперти в обресе скалы теперь и находится вход в пещеры: он представляет собою красивый павильон, слывущий под названием «пещерник». В монастырской описи говорится: «в семь пещерник приемлют начало пещеры, ископанные в каменно-меловой скале, на протяжении 239 саж. В пещерах ступеней нет, а одна возвышенность, с косвенными переходами и поворотами до самого верха скалы». Нынешний ход в пещеры начинается небольшим притвором, с одним окном под дверью. Отсюда за железною решеточною дверью идет узкий, длинный и темный коридор пещер, извиваясь зигзагами до самой скалистой вершины горы, где и сообщается с наружною лестницею. Этот начальный пещерный коридор в два колена устроен одновременно с соборным храмом Архим. Арсением. Старый пещерный ход, который теперь начитается со вторым повтором на верх к югу, выходит из скалы вниз к северо-востоку и, до устройства площадки нынешнего собора, совсем не выступал наружу из скалы, но опускаясь глубоко вниз, под поверхностью оврага, шел к другой монастырской горе, входил в него там, где теперь пещера керосинового склада, за коим и теперь имеется дальнейший пещерный ход, местами обвалившийся, направляющийся к Антоние-Феодосиевской церкви. Таким образом, нынешнее начало пещер не есть древний вход в них. Начало и вход в них были на вершине скалы.

Обозревая устройство пещер скалы, мы убеждаемся в том, что они изначала были искусно выведены внутри скалы спиралью в три этажа: в первом снизу были устроены ниши-усыпальницы, возле коих Архим. Арсений устроил церковь преп. Алексия, во втором – церковь Св. пр. Иоанна Предтечи и в третьем,

выходящем на самую вершину скалы, – церковь Св. Николая Чудотворца.

Когда мы, идя снизу вверх, выступаем со второго поворота в область первобытных ходов, то не можем не поражаться удивительной сухостью воздуха и умеренностью температуры пещер: летом и зимою здесь всегда бывает 8° тепла. Ходы имеют всюду форму коридоров в $1\frac{1}{2}$ арш. Ширины и в 3 арш. Высоты. Ширина их от древних времен осталась неизменной. Высота же, несомненно, теперь значительно больше, чем в древности: так как в позднейшие времена пол этих, посередине углубляемый от хождения богомольцев, был выравниванием выемками у стены. Таким образом древнейшая высота этих ходов должна быть определяема около $2\frac{1}{2}$ аршин.

Потолок ходов разнообразный. Кое где по стенам, а в особенности на потолке видны следы первобытной работы. Рубка меловой толщи производилась плоским и узким орудием: отрезки мела были глубокие и короткие. Нас интересовал вопрос, откуда и в каком направлении велась первобытная работа по прорубанию этих ходов: сверху скалы вниз или наоборот. Казалось бы, естественно было ходы вести снизу скалы вверх, по удобству и легкости выбрасывания при работе мусора. Однако же, к нашему удивлению, направление рубки мела указывает на первобытный ход работ сверху вниз. Первоначально коридор круто поднимается вверх. К четвертому повороту его примыкает с северной стороны ход, идущий глубоко вниз к реке, и представляющий прямую линию с коридором, идущим далее вверх. В настоящее время этот речной ход заложен. Внутри он почти засыпан мелом от расчистки пещер Арх. Арсением. Но все таки вдоль его под мусором имеется отверстие в $\frac{1}{2}$ аршина: из него чувствуется тяга в верхние ходы. Рыночный ход спускался под подошву скалы и выходил к реке под садиками крайних монастырских келий в северо-западном углу кончавшей монастырской стены. Здесь происходят иногда провалы в этот подземный ход. Ход этот был очень крут и узок. Очевидно, что он не назначался для постоянного обслуживания, а был ходом весьма скрытым – запасным на случай опасности.

В уровень с началом речного хода, расположены системы коридоров почти на горизонтальной площади. От них отделяется и углубляется в гору Фавор особая система коридоров, которые возвращаясь в меловую скалу и загибаясь в ней спиралью, проходят под упомянутой площадью верхних коридоров и составляет так называемый 1-й погребальный этаж усыпальниц, выходящий наружу скалы к реке первым и самым нижним этажом. Спуск в этот погребальный этаж начинается угловою часовнею, которая приходится в горе Фавор почти под самым храмом Преображения. Часовня квадратной формы в 4 арш. высоты, потолок в ней куполообразный, утверждающийся на арках стен. Стены выровнены и выглажены, следов первобытной работы не имеется. Конечно, такой замечательный вид она приняла в позднейшее время, но первоначальное ее происхождение современно происхождению самых первобытных ходов этой скалы; это с несомненностью вытекает из ее центрального положения между нижними пещерами погребальными и верхними: она являлась связующим звеном между ними. Предание говорит, что в древние времена, когда велись в пещерах работы, иноки именно здесь собирались и прочитывали часы. От этой часовни вдоль горы Фавора, с востока на запад, постепенно спускается коридор, который потом резко углубляется влево в самую толщу горы и оканчивается пещерою – усыпальницею. Эта последняя имеет вид глубокой аркообразной ниши шириною в 3 арш., глубиною в 2, и высотой в 4 арш. В нише имеется каменная гробница, под которою в глубине собраны кости древних иноков. По преданию здесь были погребены кости 17 иноков. Эта усыпальница весьма древнего происхождения. В позднейшее время Архим. Арсений укрепил арку кирпичной кладкой. В глубокой давности уже были здесь собраны кости многих иноков. Так как усыпальница сделана с отдельным собственным ходом и притом в самом сокровищном глубоко запрятанном месте, то несомненно она в древности была назначена или для погребения особо чтимого лица, может быть основателя обители, или же для совместного хранения здесь останков нескольких и притом самых первобытных насельников

обитатели. Усыпальница была уже в древности памятником начальным времен обитатели. Это придает ей особливо-священное значение.

От этой усыпальницы коридор выходит перпендикулярно к линии горы Фавора – в направлении к реке и выступает в скалу, а здесь вновь поворачивается назад к востоку и идет вдоль скалы, при чем при самом выступлении в скалу из коридора выходит дверь наружу скалы для выбрасывания мусора от работ. Так, по крайней мере, делалось при Архим. Арсении и делается теперь. Мы предполагаем, что этот выход старинный. В позднейшее время им пользовались только с другими целями. В первобытные же времена он был единственный наружный выход для всяких бытовых потребностей. Он совершенно недоступен сверху от горы Преображения, хорошо закрыт, незаметен и трудно доступен снизу, притом же он во всякую минуту мог быть совершенно закрыт и быть неприступным. Этот выход был близок к древней трапезе второго этажа и был вполне удобен для хозяйственных нужд.

От этого выхода коридоров в два поворота доводит до замечательных памятников древности – гробниц. Возле них Архимандрит Арсений сделал церковь препод. Алексия и усыпальницу для себя. На них мы не будем останавливаться. Обратим внимание на гробницы. Их 12. Сделаны они в виде аркообразных ниш. Каждая в 3 аршина длины, в 10 вершков высоты и в 12 вершков глубины. Все они были вырублены грубо, неровно, видимо назначались не для гробов, а для положения тел, при чем в таком случае снаружи ниша закладывалась меловой питою. Для выставки плиты в нише от края сделан гладко вырубленный порожек. По своей величине, форме и способу положения тел они представляют собою точную копию погребальных ниш в пещерах Киево-Печерской лавры. Самый способ вырубания их совпадает с характером первобытного прорубания пещерных коридоров: тот же глубокий и узкий удар орудия, похожего на кирку или широкий лом. 4 ниши издревле заложены. Сохранилось предание, что здесь, по единственному, кажется, в христианском мире Афонскому обычаю, первые иноки

пещер, складывали кости усопших своих братьев, откопав их по истечении трех лет по их погребению в могилах. Остальные 8 ниш открыты. В настоящее время в коридоре этих гробниц сделан ход снаружи для доступа богомольцев в церковь преп. Алексия: в древности его не было и доступ к гробницам возможен был только изнутри. Это новое доказательство того, что тогда жизнь здесь сосредоточивалась на верху скалы, а не вне ее у подножия.

От вышеописанного нами древнего наружного выхода идет высокий и просторный коридор внутрь, в верхнюю часть скалы во второй ее этаж, под серединой которого и расположена нижняя церковь. Преп. Алексия. Этот коридор, таким образом, является связующим звеном между этими площадями. Коридор этот в древности, очевидно, был особенно необходим для прохождения по нему: поэтому-то он имеет 1 ½ аршина ширины и 4 аршина высоты. Такая значительная высота его образовалась от углубления пола, т.е. от усиленного и постоянного здесь движения, а это еще более убеждает нас в том, наружный выход против него был главным и единственным для сношения с внешним миром. Этим коридором мы выступаем в самое сердце древнего жилья насельников этой скалы. Идя по этому коридору и незаметно огибая находящуюся в середине трапезу и церковь, мы чрез три поворота приходим в замечательные помещения, которые при тщательном обозрении ясно открывают себе первобытное назначение. Это – три комнаты–келии–насельников скалы. Келия первая имеет 5 арш. длины, 3 арш. ширины и 3 ½ арш. высоты; потолок выведен аркою по длине келии. В западной стене ее, около входа, сделана аркообразная и глубокая ниша с возвышением над полом в виде лежанки, и с двумя как бы столбами по углам ниши: это, несомненно, было ложе. В келии имеются два окна, выходящие на реку. В северо-восточном углу келии верху ясно видно отверстие, теперь заделанное, с поперечными деревянными перекладинами, совершенно непохожее на обычное окно. Оно не могло быть простым окном, потому, что в небольшой келии при двух окнах третье было лишнее. Не могло оно быть и печною дымовую трубою, потому что эта последняя, как увидим ниже, проходила чрез все другие келии. О нем иноки

сообщают предание, что это было в древности слуховое окно, по которому изнутри келии представлялась лестница, по ней поднимались вверх к отверстию и по перекладинам выходили наружу для наблюдения за окрестностями. Нам представляется это вполне вероятным. Это сторожевое окно выходит наружу не на плоский отвес скалы, а в узкую и глубокую расщелину между двумя меловыми конусами, между которыми легко можно было устроить нечто в роде закрытого сторожевого балкона на деревянных перекладинах, упирающихся в бока расщелины и отсюда как из своеобразного, снаружи совершенно незаметного гнезда, свободно обозревать окрестности на пространстве чуть ли не 100 квадратных верст. В восточной стене келии сделано квадратное дверное отверстие – в следующую келию со следами дверных косяков, указывающих, что в этом отверстии была деревянная дверь. Возле же двери имеется маленькая в 1 арш. высоты сквозная арка, явно приспособленная когда то для очага, отоплявшего, таким образом, две келии.

Рядом с описанной келией в направлении к востоку расположена другая – подобная-же. Она совершенно квадратной формы, все стороны и высота ее по 4 аршина. Потолок здесь плоский. Келия имеет одно небольшое окно, выходящее на реку и дверь в следующую, третью, келию в 2 ½ арш. высоты и также со следами дверных косяков. Над дверью круглое отверстие для гончарной трубы от очага первой келии. Возле стен сделаны уступы для скамей или для ложь. Третья келия – в 3 ½ аршина длины и высоты и в 3 арш. ширины. По стенам имеются лежанки. Освещается келия одним окном, в которое выводилась дымовая труба от очага. Таким образом отоплялись все три келии одним очагом. По своим размерам эти келии могли вмещать в себе по 3 или 4 человека. Устройство и расположение их явно убеждают в том, что изначально они имели исключительно монашеское назначение. Так, они устроены вблизи тут же рядом находящегося храма, приспособлены каждая для самого ограниченного числа насельников, расположены рядом, но и отделены одна от другой, очаг в них исключительно для отопления, трапезная не могла быть здесь за отсутствием просторного для общего собрания

помещения, – все это указывает на то, что устроены эти келии для иноков и приспособлены были для долговременного и совершенного затвора здесь от нынешнего мира.

Возвращаясь назад из келий, мы можем проникнуть в соседний пещерный храм или ближайшим и узким ходом с востока или же широким и самым древним с запада. Этот храм, ныне посвященный Св. Иоанну Предтече, представляет собою самое обширное помещение в скале. Это – зала квадратной формы, в 8 ½ аршин ширины и длины. Пол здесь в настоящее время деревянный, если принять этот настил, и открыт пол материковый, то высота помещения будет почти в 5 аршин. Форма этого помещения как будто не приспособлена для храма: в нем по середине имеется меловой столп в 1 кв. ар. толщины, подпирающий потолок, который от него во все стороны расходится арками; особого отделения здесь для алтаря как будто не предназначалось при первоначальном устройстве этой пещеры. Эта особенность данного помещения сразу бросается в глаза. Сопоставляя устройство этой пещеры с древними у нас пещерными храмами Черниговскими и Киевскими XI–XII вв. и с еще более древнейшими – Крымской Инкерманской скалы II – VI вв., мы не можем не видеть, что в этих последних всегда особо выделялась алтарная абсида: она делалась возвышеннее остальной части помещения, весьма часто закруглялась и отделялась от храма каменной алтарной стеной с дверями и сквозными нишами⁴⁴. Между тем храмовая пещера Святогорской скалы алтарного приспособления не имеет. Изучение ее устройства приводит к заключению, что первоначально она не назначалась для храма и что она по своему происхождению древнее устроенного в ней храма. Однако храм здесь был уже в глубокой древности. По преданию на столпе этого храма явилась чудотворная икона Свят. Николая Чудотворца, и усердие народное изгрызло столпе ради исцелений, так что позднее принуждены были обложить его камнем. С устройством в XVIII в. Николаевского храма на самой

44. Это ясно можно усмотреть на моделях пещерных храмов Инкерманской скалы в Церк-Арх. Музее Киевской Дух. Академии.

вершине скалы, пещерный храм был оставлен и запущен вместе с остальными пещерами: восстановлен же был в XIX в. Архим. Арсением. С помещением здесь в древнейшие времена храма алтарь был устроен в северо-восточном углу пещеры между столпом и наружной стеной. С двух сторон алтаря, против него и сбоку, оставалось свободное пространство для для молящихся. В настоящее время в алтаре имеются ниши: в середине стены, и по бокам ее – одна для жертвенника, а другая превращена в дверь для выхода к келиям. В храме сделаны два глубоких в виде небольших арок окна в сторону реки: одно в алтаре, а другое в предалтарной части. Овна имеют 1 ½ арш. высоты. В южной стене храма сделана ниша в 3 арш. высоты, 2 арш. ширины, и полуниша в 1 арш. высоты и 1 ½ арш. ширины. Трудно угадать храмовое назначение этих ниш. Они несомненно, имели значение для древнейшего помещения, когда здесь еще не было храма; тогда они могли быть ложками или скамейками.

К этой храмовой пещере с запада примыкает рядом с коридором помещение ныне называемое «притвор». Это – комната в 6 арш. длины, 4 арш. ширины и 3 ½ арш. высоты. По характеру обработки и по размерам – притвор этот позднейшего происхождения.

Из притвора короткий коридор входит в другой идущий также из храма. Этот последний представляет собой отдельный ход, исключительно связывающий храм с другим замечательным сооружением скалы, так называемой трапезой. Это – обширная зала квадратной формы по 7 арш. в длину и ширину и высотой в 4 ½ аршина. Потолок имеет вид арки. В западной стене устроены два окна в 1 арш. высоты и 12 арш. ширины. По всем четырем сторонам имеются углубления для скамей или ложь. Эта пещера с первого взгляда производит впечатление первобытнейшего сооружения. Форма ее, хотя в общем квадратная, но с грубыми неровностями линий и плоскостей. Стены и потолок не обтесаны сколько ни будь гладко, а грубо и с крупными неровностями выбиты как будто тупым орудием. Несомненно, что архаическая ее отделка впоследствии несколько не подвергалась изменениям. Серый и заплесневелый цвет стен и потолка указывает на

глубочайшую давность происхождения их. Кажется, что рука человеческая мало участвовала в устройстве этой пещеры. Из всех сооружений внутри скалы эта трапеза производит неотразимое впечатление самой глубокой и первобытной древности. Она находится в той части четвертого конуса, которая обращена назад от реки, в провал, отделяющий скалу от горы, – следовательно, в самом сокровенном и защищенном месте. Окна ее обращены в сторону вышеописанного нами наружного выхода из нижнего этажа усыпальниц. Необходимо при этом иметь ввиду то обстоятельство, что трапезная находится на одной площади с пещерным храмом и соединяется с ним были устроены две небольшие комнаты, теперь заложенные кирпичом. Здесь при восстановлении пещер Архим. Арсений нашел следы русской печи и прочие признаки, указывавшие на приспособленность этих комнат под кухню для первобытных насельников пещер. Они выходили наружу скалы, и в позднейшее время стали подвергаться опасности обвала, почему и были заложены.

Выход на верх скалы и св. Николаевская церковь, наполовину сделанная в меловой пещере, были устроены не ранее первой половины XVIII в. и потому не представляют собою памятников древнейшего периода монастыря.

Бывший подземный ход от скалы к Антоние-Феодосиевской церкви на расстоянии 250 сажен в целом своем виде не сохранился: первая его половина от скалы до нынешнего монастырского керосинового склада скрыта при устройстве площади под соборную церковь, а вторая, – прорытая в глинистом грунте, местами совершенно заваливалась и неким никогда не была исследована. Нынешний кладбищный храм преп. Антония и Феодосия Печерских устроен в пещере в 1846 г. на месте бывшего здесь когда то древнейшего храма. К сожалению, при открытии этой пещеры найденные здесь следы древнейшего периода не были изучены и описаны. Нельзя в точности определить, что из существующего здесь – древнейшее. Известный путешественник по святым местам А.Н. Муравьев в своем описании этой пещеры говорит: «нельзя определить времени ископания сей пещеры»; во всяком случае, оно гораздо

позднее келий мелового утеса, потому что самая правильность внутреннего расположения церкви и отделка сводов показывают, что над ними трудились люди, искавшие не только приюта, но и благолепия в катакомбах... Обновители Святогорские ископали еще с правой стороны церкви для братии, прочее же (то именно?) осталось неприкосновенным и, кажется, не восходит далее XV или XIV века⁴⁵.

Что касается пещер, существующих в настоящее время в Святогорском Ските, в так называемом Святом месте, то они ископаны в 1860 году.

Кроме пещер, вырытых иноками Святогорской обители после ее восстановления, как в обители, так и в ее окрестностях оказывается, к нашему удивлению, масса других замечательных пещер с несомненными следами глубочайшей древности, так что по справедливости Святогорье можно назвать пещерским Святогорьем.

Над монастырским кладбищем и Антоние-Феодосиевской церковью на вершине обнаженной горы, не так давно еще покрытой вековым лесом, существует меловой скалистый выступ небольших размеров в виде горба. В нем со стороны р. С.-Донца имеется пещера с обвалившимся выходом на реку. Это – искусственно сделанная в меловой толще квадратная комната, имеющая во все стороны по 5 арш., с аркообразным потолком. Следы первобытной обрубки стен такие же. Как и в древнейших пещерах меловой скалы. Если мысленно восстановить обвалившуюся часть мелового горба, то описываемая нами пещера окажется удаленной в глубь скалы на 10–15 арш. В таком случае выход из нее мог быть в виде или короткого коридора или другой пещеры в сторону реки. Отсюда свободно открывается обширнейший вид на окрестности и особенно на юго-восточную сторону, куда уходил загибом Донец, каковая часть горизонта не могла быть видна с меловой скалы. В самом монастыре, выше соборной церкви в лесном овраге находится монастырский кузнечный двор: в задней части его, недалеко от теперешних построек, имеются древние пещеры в виде комнат с входным

45. «Святые горы». Харьков. 1860, с. 54–55.

коридором, теперь засыпанная. Такие же пещеры находятся у вершин меловых гор выше Святого места к западу. Еще выше по реке за Святым местом возвышается скалистая гора с памятником на вершине: это – граница монастырской земли. Гора к реке имеет чрезвычайно крутой, обрывистый скат. В 4-х саженьях ниже памятника лицом к реке расположены пещеры. Первая из них, открытая на реку, имеет 4 арш.в ширину и 3 – в глубину: стены ее носят следы грубой обделки, потолок плоский, по сторонам лежанки для сиденья. С правой ее стороны имеется узкий, круглый как дыра, ход в следующую пещеру весьма значительных размеров, как по характеру вырубания ее так и по архаическому своему виду совершенно напоминающую трапезу меловой скалы. Пещеры мы находим и еще по течению р. Донца в границах соседнего с Святогорьем села Богородичного. Изюм. у. Здесь памятником глубочайшей древности является Теплинское городище над крутым берегом р. донца, в громадном Теплинском лесу. Это городище имеет выход на запад, по гребню его идет вал, обросший дубовыми деревьями. Тут же у самого городища находится «Гостра могила» над обрывистым берегом р. Донца. Это – высокий земляной шпиль с широким основанием. Внизу над самым Донцом возвышаются меловые утесы, совершенно напоминающие скалы Святогорья. В одном из этих утесов выдолблена пещера. Снаружи ведет в нее коридор в 1 ½ аршина длины и в 1 арш. ширины. Самая пещера представляет собою комнату в 2 аршина длины и в 3 – ширины. Вход в нее находится довольно высоко от земли и для того, чтобы взобраться туда, нужно подставлять лестницу. Если спускаться из городища к этой пещере, то на дороге указываются остатки земляных пещер.

Когда, кем и с какую целью были ископаны пещеры Святогорья? С решением этого вопроса стоит в связи и степень древности монастыря Святогорского.

Из представленного нами описания этих пещер видно, что некоторые из них сделаны в недавнее время, напр., пещеры так называемого Святого места, другие вырыты при возобновлении монастыря, третьи же были ископаны задолго до возобновления по известному плану одновременно в целях исключительно

иноческих. Наконец, имеется между ними особая категория со всеми признаками самых архаических времен. Остановимся на этих последних. К этой категории относятся: в меловой скале – трапезная и храмовая пещеры, в береговых скалах – пещеры под Антоние-Феодосиевским храмом, возле кузнечного двора, над святым местом, у пограничного памятниками и у Теплинского городища. Ближайшее изучение двух указанных пещер в меловой скале убеждает нас в том, что они существовали задолго до поселения здесь иноков. Храмовая пещера по первоначальному своему устройству не предназначалась до храма: этого доказываются отсутствием здесь алтарной абсиды и устройством столпа посередине пещеры, т.е. в том пункте помещения, которое должно быть открытым и свободным для доступа молящихся. Столп этот по возобновлении монастыря был обложен кирпичом и получил и получил форму правильного четырехугольного устоя, первоначально же он был, как говорит в своем описании А.Н. Муравьев, изгрызен благочестием богомольцев, т.е. неправильной и грубой формы. Если простая и первобытная форма этой пещеры сохранилась и после устройства здесь системы иноческих жилищ и переходов, то, очевидно, потому, что первые иноки нашли ее здесь уже в готовом виде, случайно приспособив ее в виду больших ее размеров к помещению храма. В те первобытные времена она назначалась для наблюдения за окрестностями, для каковой цели и прорублены здесь окна на реку. Пещера эта одинаковой древности с трапезной, с которой она связана прямым и удобным переходом. Это вторая пещера, сохранившая вполне свой первобытный вид, не была вырублена или высечена металлическим орудием, напр., киркой, топором, заступом, ломом, а была выдолблена деревянным или кремевым орудием, если не была случайным, и вполне вероятным произведением природы. Следы долбления мы усматриваем и во всех остальных пещерах этой категории, доступным наблюдению в настоящее время. Существующие в настоящее время в меловой скале переходы, келии и пещеры ведут свое начало от описанных нами двух архаических пещер. Несомненно, жилье человеческое прежде всего создано в этих последних и при том задолго

до прибытия сюда христианских иноков. Поселившись в этом первобытном гнезде, иноки потом отсюда стали прорубать ходы и пещеры вглубь скалы в направлении к р. С.-Донцу и к Антоние-Феодосиевской горе, что доказывает направлением рубки и обсеков пещерных коридоров. В первобытные, до-иноческие времена, эти пещеры не были временными и случайными обиталищами. Значительные их размеры, входные коридоры, устройство в них нескольких комнат, положение их в местах недоступных, откуда, однако, легко было наблюдать за окрестностями, – все это указывает на оседлое обитание в них групп людей. Надобно при этом принять во внимание то, что все эти пещеры составляют вдоль р. С.-Донца как бы улицу или городок пещер. В глубочайшей древности в этом районе С.-Донца обитал доисторический человек. Археологическими изысканиями обнаружена обширная стоянка бронзового периода у сл. Стратилатовки, Изюмского уезда, немного севернее Святогорья. Обширное поселение древнейших эпох, начиная с каменного периода, находилось южнее Святогорья у сл. Райгородка. Все это приводит нас к выводу, что описываемые нами древнейшие пещеры Святогорья представляют собою жилища доисторического человека – каменного и бронзового периода. В древнейшие исторические эпохи они были брошены и может быть случайно становились известными охотникам и кочевникам, находившим здесь приют в непогоду и защиту от зверей во время коротких остановок. В эти эпохи пещеры были непригодны для обиталища людей, научившихся уже устраивать для себя обширные и защищенные становища и городища. И пещеры Святогорья не дают никаких указаний на обитание в них одного какого либо племени или народа в начальные исторические времена.

Первыми историческими насельниками Святогорья, несомненно, были христианские иноки, давшие этим скалам с пещерами название Святых Гор уже в начальную эпоху русской истории. Здесь мы подходим к вопросу о возможности определенного указания времени или периода иноческого заселения этих гор. Чтобы разобраться в этом вопросе, мы

остановим свое внимание на существовавших предположениях на этот счет и на фактическом, археологическом и топографическом материале, какой мог быть добыть и имеется у нас в настоящее время по данному вопросу.

Относительно времени иноческого заселения Святогорья существуют различные предположения в виду того, что определенных указаний на это в сохранившихся исторических документах не имеется. В дошедшем до нас древнейшем синодике Святогорской пустыни 1710 года говорится: «Начало мей Святогорской обители, то оное святое пустынное жительство изобрел и в горе сей св. церковь и келии устроил и начал жительствовать, за многими татарскими находении и разорении, особенно же частыми переменами прежде бывших строителей, потом игуменов и архимандритов, где в святой обители писания не обретохом⁴⁶.

При восстановлении монастыря в сороковых годах XIX в. и при расчистке древних пещер меловой скалы Архим. Арсений с удивлением обратил внимание на то, что в пещерных погребальных нишах были найдены кости усопших иноков, но ни одного черепа. Эти кости потом были собраны и погребены в древней усыпальнице возле Иоанно-Предтеченского храма. Это обстоятельство напомнило замечательный обычай, сохраняющийся исключительно только на Афоне, по которому ровно через три года после смерти ионка откапывают его могилу, кости собирают в отдельное помещение, а черепа разбираютя иноками к себе в келии или складываются особо. Такое тождественное явление и в недрах Святогорских пещер подало мысль, что будто-бы первыми насельниками Святогорья были выходцы с Афона, занесшие оттуда свой обычай погребения усопших иноков. Но когда это могло быть? Архим. Арсений высказывал А.Н. Муравьеву свое предположение, что это могло быть в XV в. Предпоследний греческий император Михаил Палеолог, ища защиты от натиска турок – мусульман, рассчитывал получить помощь от римского папы ценою подчинения Восточной церкви власти римского преосвященника и принял

46. Архив Святогорской пустыни № 1-й

унию Флорентийского собора 1439 года. В угодность папе он вознамерился обратиться в унию афонских иноков, а в случае сопротивления их, принудить силою и даже мучениями. Спасаясь от униатства, верные православию иноки стали уходить с Афона в другие страны. Некоторые из них удалились в северные страны, дошли до устья р. Дона, перешли в р. Донец и, доплыв к Донецким скалам, пленились красотой природы, сошли на берег и поселились здесь, укрываясь в меловых скалах от набегов крымских татар.

Как ни вероятно такое предположение, однако оно основывается только на одном нахождении в меловой скале костей усопших без черепов. Других свидетельств связи меловой скалы с Афоном не усмотрено ни в сохранившихся здесь вещественных остатках старины, ни в преданиях, ни в исторических документах. Все имеющиеся по этому вопросу данные говорят в пользу изначального заселения меловой русскими, а не иными какими либо иноками.

По другому предположению Святогорская обитель основана киевскими иноками, оставившими лавру после татарского погрома Киева и их обители в первой половине XIII в. и разошедшимися по окрестным странам, чему способствовали водные сообщения по рекам Днепру, Дону и Северскому Донцу». Очень возможно допустить, что они или вымерли, или побиты крымцами и другими дикими народами, кочевавшими близ Св. Гор и что в XV в. афонские выходцы поселились здесь. Во всяком случае Святогорская обитель есть духовная дочь Киева. Об этом свидетельствуют, кроме ископанных пещер, храмовые праздники Святогорья, сходные с Печерскими, и память Свят. Николая, особенно чествуемая в Киеве и, вероятно отсюда перенесенная сюда А.Н. Муравьев совершенно был убежден в заселении Святогорья выходцами Киево-Печерской Лавры, плененными поразительным сходством Донецких меловых гор с Киево-Печерскими. «Не мудрено, говорит он, что иноки киевские, разбежавшиеся после погрома монгольского из своей Лавры, здесь приютились, обретши нечто подобное не только их пещерам, но и самой местности. Удивительно, что и на берегу

Десны в Брянске, куда была перенесена Чудотворная икона Печерская в Свенскую, есть также подобие местности Киевской. Иноки печерские как будто-бы во всем искали незабвенный для их сердца образ из заветной Святыни и старались основаться там, где только могли найти что-либо ей подобное⁴⁷. Мы не можем согласиться с этим мнением о после-монгольском основании Святогорского монастыря киевскими иноками. Что после разрушения Киева и Лавры татарами иноки лаврские разошлись по соседним странам и стали основывать там монастыри, – это несомненно. Но удаление их от татарского разгрома Киева в области, ставшие обиталищем татар, мы находим совершенно невероятным. Вся нынешняя Харьковская губерния после татарского нашествия и опустошения всех здесь бывших сторожевых славяно-русских городков и поселений вошла в область постоянных кочевий и наездов татар, иногда предпринимавших даже устройство здесь оседлых своих становищ. Такой же участи подверглись соседние Переяславская и Курская области: Курск, напр. совсем исчезает на время монгольского ига и опять появляется в качестве вновь построенного города только уже в XVI в. В Рыльском княжестве появляются даже две татарские слободы, построенные татарским откупщиком Ахматом в конце XIII в⁴⁸. В после-монгольские времена здесь свободно разгуливали татарские орды, грабя и убывая заходивших сюда русских людей. Проф. Д.И. Багалей в своих очерках по истории колонизации нашего края приводит ряд факторов разбойничьего хозяйничанья здесь татар. В 1495 году на московских людей, шедших в количестве 45 чел. к Азову, напали азовские татары на Северском Донце и убили у них 22 чел., а остальных оставили замертво. В 1486 году люди ордынского царя Муртазы подстерегли московских послов в трех местах на Осколе, Донце и Мерле и затем пограбили людей вел. Кн. На Мерле вблизи Коломака. В 1501 году азовские татары схватили и ограбили на реке Орели великокняжеского посла

47. «Святые горы», изд. 1866 г., с. 23–27.

48. Д.И. Багалей. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. Том.1, Москва, 1887 г. с. 65.

Фед. Ромодановского, крымцы ограбили русских купцов на устье р. Оскола у Донца; они же напали на русских людей на р. После. В 1503 году русское посольство разогнали на р. Осколе ногайские мурзы. Таким образом, местами татарских засад оказываются реки, протекающие в пределах нынешних Харьковской и Полтавской губерний: это были в то время опасные места на «польских» дорогах, как выражается один документ⁴⁹. А. Герберштейн в своих записках о Московии отмечает: «Между Казанью и Астраханью далеко по Волге до самого Борисфена (Днепра) находятся степи, в которых живут татары, не имея никакой оседлости, кроме Азова и города Ахаза, который стоит на Танаисе (Доне) 12 милями выше Азова; сверх того татары, живущие по Донцу, обрабатывают землю и имеют постоянные жилища⁵⁰. Это последнее указание для нас особенно важно. Приняв во внимание, говорит Д.И. Багалея, что центральными пунктами этих татар пахарей были Азов и Ахаз, находившиеся в низовьях Дона, придется признать, что и пашни их были в нижнем течении Донца и едва-ли переходили даже в среднее, туда могли достигать только их кочевья; и действительно мы их видим между Валуем и Донцом. Однако такое заключение проф. Д.И. Багалея надобно теперь принимать в более широком смысле. На основании археологических раскопок последнего времени в Изюмском уезде В.А. Городцев приходит к выводу, что с половины XIII века область р. С. Донца, в пределах Изюмского уезда, была основательно занята татарами, устроившими свою стоянку, по всем признакам пользовавшуюся большим административным и религиозным магометанским значением⁵¹. Здесь было найдено много Золотоордынских монет XIV в.⁵² Правда, как мы указывали выше, находятся следы проживания в полуразрушенных городищах нашего края – остатков Славянского населения вместе с татарским. Но такие обломки бывшего населения могли быть терпимы татарами только

49. Ibid., с. 72

50. «Записки и Московии» Преосв. И.Анонимова. Спб. 18666 г., с. 153.

51. Труды XII Арх. Съезда в Харькове. 1902. Москва 1905 г. т. 1, с. 214.

52. Ibid., с. 397.

в качестве подневольных рабов и пленников, вечно дрожавших за свое существование. По всем этим данным мы с полным основанием должны отнести наш край в XIII–XV вв. к области той «Татарии», куда проникать русским людям, даже облеченным мирными посольскими полномочиями, было чрезвычайно опасно, а тем более с целями поселения здесь хотя бы и в хорошо укрытых и защищенных местах. Невероятно, чтобы киевские иноки, осиротевшие после разгрома Лавры, направились искать себе новых тихих убежищ на берегах Северского Донца и притом же в меловых скалах Святогорья, находившегося, так сказать, у порога Райгородского татарского становища. Таким образом приходится отодвинуть основание Святогорской обители или к более позднему или же к еще более раннему времени – домонгольскому. Здесь остановим свое внимание на следующих выводах по данному вопросу проф. Д.И. Багалея, которое приведем здесь целиком. «Когда получил начало свое монастырь на Святых горах, в точности не известно. Кем был основан он – неизвестно. Приходится, таким образом, делать догадку. Он мог быть основан или московскими, или южнорусскими монахами, вышедшими из Польши. Второе предположение гораздо вероятнее: трудно допустить, чтобы московские монахи добровольно отправились в татарскую степь и вдали от русских украинских городов основали себе обитель». Это могли сделать или монахи южнорусских монастырей, или, что еще вероятнее, какие-нибудь отшельники – выходцы из Малороссии, желавшие найти себе полное уединение для религиозных созерцаний. Быть может их привлекла святость этого места, потому что название «Святые Горы», как нам кажется, древнее XVI в. Московские станичники в начале этого столетия рассказывали о них Герберштейну⁵³ (бывшему в Московии в 1517 и 1526 гг.), что

53. В своих записках о Московии Герберштейн по поводу легенды о языческих жертвенниках по Черному морю у Азова говорит: «Также воины, которых князь каждый год посылает туда для разведывания и отражения татарских набегов, когда я спрашивал их об этом, отвечали, что они никогда не видали и не слыхали ничего такого. Однако они не отрицали, что около устроев малого Танаиса (Донца), в четырех днях от Азова, близ места Великий Перевоз, у Святых гор, они видели статуи и какие то мраморные и каменные

около устьев Малого Танаиса (Донца) в 4 днях от Азова близ места Великий Перевоз, у святых гор они видели статуи и какие-то мраморные изображения. Нет никакого сомнения в том, что здесь дело идет о 5 меловых конусах, которые могли показаться едущим по Донцу какими-то изваяниями. Но из рассказа их видно, что они никогда не всходили на вершину этих меловых конусов, не видели там ни церкви, ни пещер, ни келий. Это значит, что их там еще не было, ибо в противоположном случае они не преминули бы сообщить о них интересовавшемуся этим делом иностранцу. Очевидно, название «Святые Горы» осталось еще от прежнего до монгольского периода. И в этом нет ничего невероятного. Таких названий сохранилось не мало: вырское городище, Донецкое городище, имена рек Донца, Оскола и др. Поселение отшельников – выходцев из Польши можно отнести к концу XVI или началу XVII вв., – правдоподобнее всего, к тому времени, когда в Западной России была введена уже церковная уния. По всей вероятности, первых поселенцев было очень мало, и они сами выбрали себе жилищем Святые Горы. Понятно, следовательно, почему о первых временах существования монастыря не сохранилось никаких письменных свидетельств. Но вот, с течением времени количество монахов стало увеличиваться, – тогда правительство обратило внимание на эту новую обитель, которая давала у себя приют его станичникам, и стало давать ей хлебное жалованье потом земли и всякие угоды, первые же сведения письменных русских источников о Святых горах относятся к 1541 и 1555 годам»⁵⁴. В приведенных рассуждениях профессора является чрезвычайно важным указание на происхождение названия «Святые Горы» от домонгольского периода. По-видимому с этим не согласуется христианское освящение этих гор иночеством в конце XVI или начале XVII вв. Если иночество основано было здесь только в это позднее время то почему же знаменательное название гор

изображения. А Малый Танаис берет начало в Северском княжестве, от чего называется Веверским Донцом, и в трех днях выше Азова впадает в Натаис» *ibid.*, с. 103.

54. *Ibid.*, с. 510–512.

«Святыми» усвоено им было гораздо раньше? Ведь наименование «Святые горы» указывает на христианское их освящение или храмом или подвижничеством. Мы иначе никак не можем объяснить смысл такого названия. Мы естественно приходим к тому логическому и неизбежному выводу, не договоренному, так сказать, профессором Багалеем, что в конце XVI или в начале XVII вв. обитель была не основана здесь, а восстановлена на останках древнейшего прошлого и что первоначально основана она была в до-монгольский период, на какое-либо обстоятельство и указывает до-монгольское усвоение горам наименования «Святых». К этому выводу приводят и археологические наблюдения над типом пещер меловой скалы Святогорья и исторические данные о насаждении иночества вне Киева киево-печерскими иноками.

Родство пещер меловой скалы Святогорья с пещерами Киево-Печерской Лавры и Черниговскими в том виде, как эти последние были ископаны во второй половине XI века, несомненно. В Киеве и Чернигове они были делом рук преп. Антония и Феодосия Печерских и первых учеников их. Под 1069-м годом в летописи Нестора читаем: «Нача гневатися Изяслав на Антония из Всеслава и присла святослав в ночь поя Антония Чернигову. Антоний же, пришед Чернигову, возлюбил Болдины горы. Ископав пещеру, ту ся всели». Преп. Антоний здест основал монастырь, а Святослав построил каменную церковь во имя св. прор. Илии, отчего и Антониевский монастырь в Чернигове стал называться Ильинским. И донныне Ильинская пещеры сохранились почти в первобытном своем виде. В пещерах три церкви: все они обращены алтарем к востоку, не имея ни куполов, ни окон. Чтобы обозреть пещеры, надо спуститься вниз в подземный склеп, откуда ход налево ведет в пещеру с церковью во имя Антония. Длинный ход, постепенно углубляясь, ведет к другой церкви преп. Феодосия. Она углублена ниже Антониевской церкви на два аршина. По своим обширным размерам это единственная в России пещерная церковь, подобной которой нет даже и в Киевских пещерах. Круглая по форме, эта церковь имеет в длину от алтаря до западной стены

6 арш., в ширину 6 арш., вверху она заканчивается не обычным для пещерных храмов сводчатым потолком, а правильно вырытым куполом. Высота храма с куполом более 11 аршин. Алтарь возвышен на три ступени, престол кирпичный; с правой и левой сторон алтаря устроены узкие проходы, заменяющие собою южные и северные двери. С западной стороны к церкви примыкает круглая пещера довольно высокая, с нишами по сторонам, которые служили местами стояния монашествующих во время богослужения. Недалеко от этой церкви находится небольшая круглая с куполообразным потолком пещера, к северной стороне которой примыкает каменная гробница в виде стола: в ней, по преданию, похоронены кости иноков, избивенных татарами в 1239 году. Третья пещерная церковь, очень маленькая, помещается в глубине пещеры; престол ее в честь преп. Николы Святоши, кнызы Черниговского. Близ этой церкви для стола и постели с узким коридором, который оканчивается очагом, где приготавлилась пища. Характерные особенности этих пещер заключаются в устройстве притвора при храме, боковых ниш для стояния, ложь и стола, общей усыпальницы для иноков и жилых приспособлений с очагом. Эти особенности усматриваются также и в пещерах Киево-Печерской лавры. Последние сближаются с святогорскими еще и в том отношении, что к потребностям подвижническим приспособлялись первобытнейшие пещеры доисторического происхождения. Таковых пещер не мало было в киевских приднепровских горах. Здесь у Кирилловского монастыря, в начале девяностых годов XIX в. были найдены пещеры с остатками культуры доисторического человека каменного периода, обследованные и описанные проф. Антоновичем. Быть может существование этих пещер в Киеве поддало мысль киевским подвижникам особенно насадить и организовать здесь не какое либо, а именно пещерное затворническое иночество по образцу афонского и египетского. Главная сеть ближних и дальних пещер киевской лавры была изрыта в XI в.: это сделалось излюбленным трудом ближайших последователей преп. Антония и Феодосия Печерских. Мы имеем свидетельства, что один из них совершал подвижнические

путешествия проторенною дорогою через наш край в древнюю Тмутаракань, насаждая в ней иночество в дух Киево-Печерской обители. Это был преп. Никон Печерский. Нам представляется, что никто другой, как именно он по удобству современных ему исторических обстоятельств и по духу своего подвижничества мог быть изначальным основателем Святогорской обители. На протяжении трех веков, от X по XIII, единственным периодом для усиленной славяно-русской колонизации в направлении к южным степям был XI-й век, а именно, промежуток между разгромом Ярославом Мудрым печенегов и нашествием половцев в самом конце этого века. В это время славяно-русские колонии клином продвинулись далеко на юг по территории нашего края, направляясь с одной стороны из Черниговщины; а с другой – из Переяславщины. Целый ряд городищ, дошедших до нас от того времени, в том числе некоторых с явно обнаруженными славяно-русскими следами, – свидетельствует об этом. Именно в это время летописи отмечают усиленное политико-торговое движение из Чернигово-северского княжества в Тмутараканское: причем и самый расцвет существования этого последнего относится именно ко второй половине XI века. В это же время преп. Никон, ближайший сподвижник преп. Антония Печерского, подвергшись вместе с этим последним опалу великого князя Изяслава (1054–1068), вынужден был оставить Киев и отправился в далекую Тмутаракань. Об этом летопись повествует в таких словах: «Великий же Никон отъиде в остров Тмутороканский, и ту обрете место чисто близ города, и седе на нем и Божию благодатию возрасте место то, и церковь святыя Богородицы възгради на нем. И бысть монастырь славен, иже и донныне есть, приклад же имый в сий печерский монастырь»⁵⁵. По смерти Ростислава Владимировича, князя Тмутаракани, преп. Никон был уполномочен жителями той страны идти к Святославу Ярославичу, князю Черниговскому и просить его, чтобы он отпустил им на престол Тмутараканский сына своего Глеба. Дойдя до города Чернигова и исполнив благополучно

55. Митр. Макарий. История Русской Церкви. Спб. 1857 г., т. II, с. 290. Е. Голубинский. История Русской Церкви. Москва, 1880 г., т. I, с. 563–564.

возложенное на него поручение, преподобный отправился в г. Киев и пришел в монастырь Печерский к преп. Игумену Феодосию для братского свидания после долгой разлуки. Дав обещание по возвращении в Тмутаракань вновь и навсегда уже вернуться в киевский монастырь, преп. Никон отбыл в Тмутаракань. Сюда он прибыл с князем Глебом Святославичем, занявшим престол. Управив монастырь, он возвратился опять в Киев, где после преп. Феодосия был игуменом обители до самой смерти в 1088 году. По ходу этого повествования из наиболее точной редакции жития его видно, что первое его возвращение из Тмутаракани в Чернигов было на чрез Днепре и Киев, а другим путем, по которому велись тогда сношения между этими двумя пунктами, т.е. по Северному Донцу⁵⁶. Этим же путем совершалось без сомнения и его вторичное путешествие в Тмутаракань с новым князем Глебом Святославичем. Основатель и насадитель иночества в Тмутаракани, он не мог не обратить внимания на дивное Святогорье Северского Донца, так напоминающее киево-печерский монастырь и стоящее как бы на перепутьи между Черниговщиной и Тмутараканью. Самое прочное звено на этом пути он заложил здесь в дивной меловой скале, залегши светоч христианского подвижничества и облекши место это на все грядущие века наименованием «Святые Горы». К этому времени может быть отнесено устройство в меловой скале пещерного храма (ныне Иоанно-Предтеченскаго), келий при нем и усыпальницы, а также приспособление трапезной пещеры с очагом для нужд новосозданной обители, первобытное устройство которых по своим характерным признакам так совпадает с пещерами киевскими и черниговскими XI в.

Замечательными вещественными памятниками древнейшего прошлого Святогорья является, кроме описанных нами пещер меловой скалы, сохранившиеся и дошедшие до нас. оловянный протири монастырский Синодик. Здесь мы должны сделать следующую оговорку.

56. См. Е.К. Замысловский «Пути сообщения в России» изд. Под. Редакциею В.П. Семенова, т. VII, с. 219.

Из сохранившихся до наших дней икон прежнего монастыря до его восстановления мы ни одной не можем отнести ко времени ранее конца XVI и нач. XVII в. Древнейшими из них почитаются – чудотворная икона Св. Христова Николая и святогорская икона Божией Матери.

Мы уже выше указывали, что первая из них была обретена когда-то иноками на меловом столбе в той пещере, где был первый самый древний храм обители. В настоящее время эта икона от Св. Пасхи до 1 октября от среднего престола, под сенью, а с 1 октября и до Св. Пасхи – в Покровском храме, в отдельном киоте, близ правого клироса. На ей лик св. Николая написан без митры, а по сторонам изображены Спаситель и Божия Матерь. Живопись потемневшая, но довольно явственная. Фон живописный. Она небольших размеров: 25×30 см., написана масляными красками на липовой доске и на легкой грунтовке. При тщательном изучении живописного стиля ясно открывается южнорусское происхождение иконы: в ней отсутствуют типические черты афонской и тем более древне-византийской иконописи. Живописная, красочная отделка лика и одеяния с художественным пришибом – изобличают работу не ранее XVII в. То же надобно сказать и о второй иконе. Она одна из тех немногих, которые уцелели от общего разграбления монастыря во время его закрытия 1 сентября 1787 года. Она значительных размеров, была «наместною» иконою в главной церкви прежнего монастыря. Рисунком своим напоминает икону Божией Матери «Одигитрии». В художественном стиле ее еще резче выступает работа малороссийского мастера XVII в.

От лет древних в Святогорском монастыре сохранилось два оловянных потира: один из них носит на себе следы глубочайшей древности⁵⁷.

Потир имеет 17 см. высоты, 11 ½ см. в диаметре, подножие его в 10 ½ см. диаметра. Подножие – высокой конусообразной формы, соединяется с чашей маленьким шаром: высота подножия 11 сантим. Низ чаши не имеет никаких изображений. Самая же чаша кругом украшена изображениями. Эти

57. Епарх. Церк.-Арх. Музей, № 224.

последние сделаны гравировкой резцом вглубь. Каждая фигура обведена глубокой пунктирной линией в виде бордюра – подобия жемчужной обниси. Все изображения находятся в медальонах. Посредине – поясное изображение Спасителя благословляющего и с Евангелием в левой руке, раскрытым на словах: «придите...» Благословляющая десница Спасителя – со сложенными по архиерейски перстами. Вокруг лика Спасителя – нимб, крестообразно разделенный с буквами о–ω–н. Тип лика – строго византийский с выдержанием его основных черт – продолговатого овала лица, волнистых волос на двое разделенных, браны без раздвоения. С правой стороны такое же изображение Божией Матери – в одеянии с звездами на плечах и со свитком в левой руке, на свитке начало слова: «Влады...» с левой стороны от Спасителя – изображение Св. Иоанна Крестителя со свитком в правой руке: на свитке надпись: «Се агнец.» Тип лика Крестителя – строго византийский. Около лика надпись: «Иоан». По обеим сторонам этих изображений – две медальонные изображения ангелов с руками простертыми ко Спасителю и с надписью: «Ангели Господни». Между ангелами в медальоне Крест на Голгофе с копием и тростию и с Адамовой головою у подножия и с надписями: IC. XC. KO. TP. NN. ИИ.Р. Б.Г.А. под титлами. Все медальоны вокруг чаши соединены крупным листовым орнаментом. Несмотря на простоту и элементарность работы, эти изображения, однако, в общих контурных своих формах производят впечатления хорошей, привычной работы. Весь потир представляет собою сосуд простой, но в высшей степени изящной формы. В ряду сохранившихся в Харьковской епархии от древних времен оловянных потиров разных форм, работы и величины, собранных в Университетском и Епархиальном музеях, святогорский потир резко выделяется формой и работой своей как единственной, почему взор наблюдается не остановиться на нем с вопросом: что за форма его и от каких времен происходит он. Самое замечательное в нем – малая высота его (он – ниже всех других потиров) и чрезвычайная широта чаши сравнительно с высотой. Самая чаша правильной полукруглой формы, а не в виде

лилии с отгибающимися краями. Теперь научно установлено, что позднейшая форма потиров – высокая лилиеобразная с особенным развитием подножия по его массивности, широте и нарядности. Чем потир древнее, тем он ниже, круглее и шире в верхней части, тем более он приближается к форме греческих кратиров. Образцы протиров такого типа, относящихся к XI–XII вв. и похищены из Константинополя во время Латинской империи венецианцами, ныне имеются в сокровищнице Венецианской церкви святого Марка. Наш потир по характеру своему весьма близко подходит к серебряному потиру XII ризницы собора Переяславля Залесского и к серебряному потиру этого же времени из Киевского клада 1824 года, хотя в подлиннике исчезнувшем, но сохранившемся в довольно точном изображении⁵⁸. Переяславский потир, вся его общая форма, его широкая, низкая чаша, – характерного византийского типа потиров Венецианской сокровищницы, поддон, а главное, стиль медальонов с поясными фигурами и надписей над ними – достаточно подтверждают то, что он относится несомненно к периоду XII–XIII вв. или точнее ко времени до монгольского завоевания и не ранее второй половины XII в. Эта чаша гладкая, работана резцом вглубь. И в Киевском потире мы видим те же медальоны, но их широкие бордюры намечены точками – тоже подобие жемчужной обнизи. И там резцом вглубь начерчены погрудные фигуры Спасителя, Богоматери, Иоанна Предтечи, Иоанна Златоуста; все приемы резьбы, штриховка складок, разделка волос и пр., – все указывает на однородную технику, которая обнаруживала в общем характер ликов и во всех подробностях изображения несомненно древнерусскую работу. Сравнительно с художественной работой Переяславского потира, Святогорский представляет элементарную, ремесленную работу, но с очевидным соблюдением древнего типа. И в нашем потире, как и в Переяславском, конусообразный поддон соединяется с чашей яблоком, хотя весьма малых размеров, самый верх чаши – круглый и широкий сильно развитой сравнительно

58. Русские древности изд. Граф. И. Толстым и Н. Кондаковым, вып. VI, Спб. 1899 г., с. 83–85, и вып. V, Спб. 1897., с. 106–107.

с подножием, – и в общем своем виде он так же широк и низок, как и Переяславский. Все это дает нам основание относить его к древнейшим временам святогорья, близким к XIII в.

Монастырский Синодик представляет собою рукописную книгу в лист малого формата в 215 листов. Значится в главной описи монастыря под № 1-м. Он весь писан полууставом, со многими красными начальными буквами и словами и с различными священными изображениями превосходно сделанными пером. К сожалению, нынешний вид Синодика очень ветхий, переплет его уже значительно устаревший. Видно, что во время последнего переплетания его, края его значительно обрезали. Замечателен первый заглавный лист Синодика, представляющий собою чрезвычайно тщательно, искусно и содержательно написанную картину виньетки. Вверху изображен «Ветхий деньми». В лике его собственно три лика Пресвятые Троицы, искусно расположенные в одной главе. Ветхий деньми в руках держит пред собою треугольник, углы коего представляют собою круги с буквами «О», «С» и «Д», т.е. Отец, Сын и Дух. Эти угловые круги соединены лентами о словами: О (Отец) не есть С (сын), С (сын) не есть Д (Дух), Д (Дух) не есть О (Отец). От угловых же кругов идут слова «есть» к центру треугольника, в круге коего – слово «Бог». В среднем отделении виньетки изображены: Цари Давид, Езекия, Манасия и Иосия в венцах. В середине нижней части этой виньетки находится изображение Успения Богородицы Со Спасителем и Ангелами по сторонам. Между изображениями царей или поминовение всякого чина от века преставившихся отец и братий родителей и сродник. Списася в монастыри Святогорском тщанием В.Г.А.В.В. в року 1710 месяца Июля 29 дня». Искусство переписчика или писателя этого синодика приводит в удивление каждого рассматривающего изображения «Ветхаго деньми» и способом исполнения рисунка, и в виду того, что этот последний сделан обыкновенным гусиным пером и простыми чернилами. На обороте этого листа нарисован герб с короной, с двумя крестами и с ветвью над ними с неясными буквами. На других листах этого Синодика тоже пером и простыми чернилами

изображены Крещение Господне, Распятие на осьмиконечном кресте с предстоящими, Воскресение, Знамение Божией Матери и какого-то архиерея без митры, с омофором, держащего осьмиконечный крест: архиерейская митра помещена тут же на столике. Кроме этих изображений Синодике много рисунков, изображающих разные овальные фигуры с ангелами, держащими архимандритские митры, жезлы и посохи, и все это украшено изображениями листьев, цветов и раковин. Посредине каждой овальной фигуры имеется, так называемый по старинному «упис» имен целых родов и фамилий.

Этот Синодик снабжен нравоучительным предисловием и весьма богатыми заметками, относящимися к разным эпохам из истории этого монастыря.

В самом начале его находится пространное объяснение православного поминовения усопших⁵⁹: «Начало книги сея глаголемыя синодика сложено вкратце святыми славными от двенадцати Апостоле, како достоит усопших души поминати во святой Божией церкви по вселенной, иже утвердися православная истинная христианская вера в поминаниях, чтобы молитвы и милостыня възидоша на память пред Богом. Вже от... Божия руки созданного человека прадеда нашего Адама и его супруги прабабы нашея Евы, от них же народившихся и познавших Тебе Творца и Зиждителя истинного Бога Господа нашего Иисуса Христа и по воли Твоея и в законе и прежде закона и по благодати святого крещения верно послуживших в животе своем и прославивших пречестное и великолепное имя Твое отца и сына и Святаго Дужа Троицу единосущную и нераздельную и вся яже в православной вере иже от века умершая».

Для нас имеет особое значение замечательная летописная запись, помещенная здесь после изложенного предисловия. Мы выше уже привели начало ея, гласящее, что в обители не обретено писания о первоначальном основании монастыря и устройении церкви и келии в горе. Потом излагается в записи царская грамота, заключающая в себе две другие в извлечении, относящиеся к Святогорскому монастырю: «ибо из Царския казны во

59. Орфография подлинника.

оную Святогорскую обитель определенно даяние монахом на пропитание прежде 7132 (1624) лета, а именно о том в грамоте царской 7172 (1664) лета на Валуйску к воеводе Леонтию Кобякову писано сице. Были челом Северского Донца строитель черной поп Гавриил с братиею и по надписной челобитной за пометою думнаго дьяка Дементия Башмакова в прежней грамоте, котора у него святогорскаго монастыря строителя в разряд, а в ней пишется: во 7159 (1651) году на Валуйки к стольнику и воеводе к Михаилу Дмитриеву за прописью дьяка Ивана Северова написана: в прошлом ао 7132 (1624) году по Указу Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Федоровича всея России велено Успения Пресвятыя Богородицы Святогорская монастыря черному попу Семену с братиею или кто по нем в том монастыре игумены будут давать годовые руги в Белгороде, ржи по двенадцати четвертей, овса потому ж, денег по десяти рублей, из белгородских и с таможенных и кабацких доходов, и в прошлом во 7148 (1640) году по челобитию Святогорскго монастыря строителя чернаго попа Кирилла с братиею велено то денежное и хлебное жалование годовую ругу для дальнаго проезда давать на Валуйке, и дана де им была о том грамота, и с той грамоты на Валуйке в приказную избу взят был у них список и пожарное де время на Валуйке в приказной избе сгорела, а подлинную Великаго Государя грамоту на дороге взяли у них воровские черкасы и на Валуйкеде им денежного и хлебного жалованья, годовые руги иматьне почему, и Великий Государь, пожаловал святогорскаго монастыря чернаго попа Игнатия с братиею или хто в то монастыре по нем будет велено им по прежнему указу годовую ругу давать на Валуйке хлеба по двенадцати четвертей ржи, овса потомуж, да с таможенных и кабацких доходов по десяти рублей денег. И по свидетельству оными Царскими Грамотами сия Святогорская Успенская пустынная обитель благоволением Божиим начася прежде или сначала царствования Царя и Великаго Князя Михаила Федоровича от сего прежде сто лет быти». Вся эта запись целиком приведена в «Историко-Статистическом описании

Харьковской Епархии» арх. Филаретом⁶⁰, но без последнего добавления чрезвычайно драгоценного в историческом смысле. В последних словах записи указывается на начало обители «прежде или сначала царствования Царя Михаила Федоровича от сего (1710 г. – времени написания Синодика) прежде ста лет быти», т.е. около 1610 года. Более ранние сведения русских источников о Святогорье относятся к 1541, 1555 и 1571 годам⁶¹, но в них говорится только о Святых горах без упоминания или какого-либо намека об обитании в них иноков, очевидно, потому, что в это время здесь иноческого жительства не было: Святогорье после монгольского разорения оставалось запустевшим. Новое заселение его добровольцами иноками, выходцами из-за Днепровья, начинается, таким образом, с конца XVI и в начале XVII в., на каковое время и указывают последние слова летописной записи Святогорского Синодика. К этому времени может быть относимо принесение сюда древнейшей святыни Святогорья Чудотворного образа Св. Николая и восстановление древнейшего пещерного храма в меловой скале с нахождением здесь столь древнего потира.

За летописною записью в Синодике следует текст молитвенного поминовения всех вообще усопших православных христиан: вселенских патриархов, святейших патриархов Московских, митрополитов Киевских и Московских, великих царей Московских начиная с царя Иоанна IV Васильевича во иноцех Ионы, затем Федора Иоановича и т.д., кончая Петром II и Анны Иоановны. К этому прибавлено поминовение детей Царя

60. Отделение I, Харьков, 1859 г., с. 147–149.

61. Кн. Кашин в 1541 году послал станичника Толмача Гаврилова к святым Горам, но тот встретил большое количество татар у верховьев Северскаго Донца. Под 1555 годом говорится, что к воеводам, отправленным царем против крымцев и подошедшим к верховьям Мжи и Коломака, прибежал из Святых Гор сторож с одним станичником и сообщил, что крымский хан переправился уже через Донец и идет к Рязанским или Тульским украинам». Львов летопись, IV, 144; V, 87. Расписание Донецких сторожей кн. Воротынского 1571 года говорит о стороже святогорской, находившейся по росписи кн. Тюфякина того же 1571 г. на левой стороне против Святых Гор Арх. Филарет. Ист. – Ст. – описи Харьк. епархии отд I, с. 146–147.

и Великого князя Иоанна Васильевича..., детей Царя и Великого князя Михаила Федоровича и детей Царя и в. кн. Алексея Михайловича.

В тексте общего поминовения заключаются строки, чрезвычайно трогательные по воспоминаниям тех опасностей, тревог и тех несчастий, среди которых проходила древняя жизнь этой замечательной обители: «Помяни, Господи, пустынных жителей скончавшихся уединялся в особых местах в горах и вертепах, в столпе и в затворах и пещерах и разселинах камених и в пропастях земных и во всяком ведомом и неведомом месте скончавшихся великою скорбию и теснотою и всякими различными напастями преставившихся от сего света земнаго к Тебе милосердному Богу и Отцу.. Помяни, Господи, души иже в лесах и в болотах и в горах непроходных и в дебрях заблужающих и вертепах и в печерах и в кладехяь и в ров впадших умерших и в пропастях земных во всяких местах ведомо и неведомо скончавшихся и без покаяния умерших... Помяни, Господи, души иже в плене поганым заведены быша в неверныя иноплеменные и безбожныя языки православных христиан и осквернены быша и превращены нуждею и поневоле на иноверие и скончавшихся в неверных языцех изомроша без покаяния... Помяни Господи, души иже от поганых стран избегших православны вся и на пути всячески нуждею смерть приемших...

В дальнейших, помещенных здесь, уписах с именами целых родов и фамилий открывается тесная связь, установившаяся с древнейших времен между этою обителью и слободско-украинским населением. Видно, что обитель святогорская была дорогою святынею для всех в этом крае, начиная от Белградских митрополитов, слободских полковников, сановных людей Украины и кончая простыми лобожанами. Непрерывным рядом следуют здесь поминания «Белградских Архиреев от митрополита Феодосия (1671 г.) и до епископа Агтея, Архиреев Казанских в том числе Лаврентия митрополита, Астраханских архиреев во главе с Иосифом митрополитом убиенным, Архиреев Сибирских и в том числе Корнилия митрополита...

Здесь же вписан «род боярина Петра Матвеевича Апраксина, бывшего с полками во охранении Украины в лето от Рождества Христова 1713 и 1714 гг. Набороте этого «уписа» вкладная грамота собственноручно подписанная Петром Апраксиным: «В святую Святогорскую обитель от боярина Метра Матвеевича Апраксина дано в поминование и на пропитание братии из Украинской местности ево, из слободы Салтовой, по десяти рублей денег да по девяти четвертей московской меры ржи, овса потом же и с сего 1714 году те деньги и хлеб в Салтове имать у приказных людей, по сему даянию при нем Болярине и у наследников ево по вся годы вечно кто тою маетностью Салтовым будет владеть. Болярин Петр Апраксин рукою власною подписался».

За эту записью следует: «род преподобнаго Архимандрита Иоиля Озерянского, преподобнаго Архимандрита Вассиана Василиовскаго монастыря Святогорского, род Господина Полковника Савы Алексеевича Тимашова, 1722 году род Салтовского Коменданта Василия Гаврилова сына Сулаева и жены его Екатерины..., род его милости Пана Полковника Ахтырского Ивана Ивановича, род его милости господина поручика Никиты Каминина 1738 г., род Григория Михайловича Любисткова дому Ея Императорскаго Величества служителя, давшего потир с финифтями и прочие сосуды церковные..., род благороднаго господина Полковника и Белгородской провинции Воеводы Петра Ивановича Лачинова, род Преосвященнаго Мисаила Митрополита Белгородского и Обонянского (1672–1684), род Боярина Бориса Петровича Шереметьева, род Боярина Князя Григория Афанасьевича озловского, род Семена Семенова Сотника Бишкинскаго, род купцов Белгородских Крашенинниковых, род Арзимандритов Святогорских Феодосия, Севастиана Юхновского 1714 г., родство Ивана Гудимова Двора Ея Импер. Величества Церемонейстера Полтавского Округа в месте Решетиловке живущаго 1790 г., род пана Данила Быстрицкого Сотника Гороховацкого, род монаха Генадия полоннаго святогорскаго монастыря, род Флора Минаевича Атамана Великаго войска Донского, род всех

монахов монастыря 1766 года при Архимандрите Севастиане, род Иеродиакона Иакова пороховника, род Славяносербского Гусара Комменды Генерала Майора Шевича 1756 г. Петра Войчина, сей нижеписанный род Всечестного Архимандрита Митрофана Шеинкова и с ним присланный укладу от Его Высокопреподобия тысяща рублей 1752 г., род господина Войска Донского старшины Василия Иванова сына Первикова – за поминование дана лошадь мерен бурой ценой 4 р., род Харьковского полку Господина Сотника Константина Твановича Ковалевского, 1765 г. города Черкаска род полковницы Анна Кодратовой Туроверовой, род Изюмского полка Ротмистра Корнилия Ивановна Капустянского, 1783 г. род войска Донского полковника Дмитрия Мартынова, род Стольника и полковника Андрея Герасимова Сумского 1742 г., род пана сотника Максима Торского, род его милости Стольника и полковника Харьковского Федора Володимировича Шидловского, род его милости пана полковника Григория Ерофеевича Захаревского Харьковского, род его милости пана полковника Изюмского Михаила Константиновича Захаревского. Наконец, в Синодике помещены малочисленные мелкие «уписы» казаков жителей Каменской станицы, Луганских, станицы Краснянской, Кременной слободы 1758 г., станицы Торской, жителей Бахмутских, Гундоровских казаков, Маяцких, Боровской станицы, Донских и Запорожских казаков, Балаклеевских, Изюмских, Кабаньских, Радьковских, Печенежских, Дуванских, Славяносербских 1755 г., Сватолуцких, Мурафанских, Нежегольских, Хотомлянских, Уразовских, полку Азовского (крепости Св. Анна) и Курских купцов.

Между «уписами» помещены замечательные летописные заметки о морах, постигавших Святогорье и окружные страны: «лета от Рождества Христова 1718 в сей стране грехов ради наших попущением Божиим мор велик начался перве в Бахмуте и в Тору, потом и в Изюме. Тоже и во окрестных градах и селех. Во время же онаго страшного гнева Божия мнози правовернии христиане ихже имена в сей синодике вписашася желающи получитьи от Создателя своего спасение душам своим дадоша от имений своих елико кто возможе во святую обитель сию

святогорскую, дабы поминовение творили по чину яковый содержит церковь.... (следуют имена)».

«1738 г. в сей стране грех ради наших попущением Божиим мор начался перви в Изюме от июня и в прочих градах от августа, без знаков, до месяца октября 28 числа. А от октября 28 числа из опасных болезней много братий монашеского чина и белцев померло до месяца Ноемврия 10-го. От Ноемврия Божиим милосердием и Ея Богоматере прстало. И мы обще по благословению всечесного Отца нашего Фаддея Архимандрита Святогорского Успенского уписали братию и послушников труждающихся не точию тех, что чрез многие лета, но и тех, что приходом и в един день сподобились Божиею благодатию во святей обители сей от сего временного жития погребены и во вечное поминовение в синодике вписаны в прибытие пречестного отца нашего Архимандрита вышеименного»...

Не представляя здесь последовательной истории Святогорской обители, которая довольно обстоятельно изображена в историко-статистическом очерке Архиеп. Филарета⁶², мы остановили свое внимание исключительно на вещественных памятниках старины Святогорья. Мы устраиваем в них с одной стороны убедительное доказательство домонгольского происхождения обители, о чем Архиеп. Филарет высказывает только догадку, а с другой – свидетельство о восстановлении этой обители иноками Киевского Заднепровья в конце XVI и в начале XVII веков. С этого именно времени и до половины XVIII в. Святогорская обитель принимает характер сторожевой крепости Русского Государства, выдвинувшейся против крымских татар на самый южный пункт слободско-украинской крепостной линии. Пещерные коридоры ее выводятся далеко в сторону к Антоние-Феодосиевской церкви, прорубается тайный выход к реке, у жилых келий первого этажа устраивается наружный сторожевой балкон, на так называемом Святом месте возводятся укрепления: рвы и валы с бойницами и пушками, а внутри меловой скалы жилые келии, трапезная усыпальницы и речной тайный выход приспособляются для долговременного

62. Ibid, отд. I, с. 144–190.

и обеспеченного укрывательства здесь во время нападений хищных и жестоких крымцев. Святым подвижничеством, горячими молитвами и беззаветною самоотверженною любовью с мужеством и терпением насельники этого Святогорья отстаивали Русскую землю против «зверонравных и буиих» татар. В этом вечная заслуга пред родиною этой древнейшей в нашем крае обители.

IV

Великороссийская колонизация края и церковно-архитектурные влияния XVI–XVIII вв.

Харьковский край в послемонгольский период не был пустынею. Население обитало, хотя изредка, в местностях прилегавших к Полтавщине и Черниговщине, составляя неразрывные части их. По крайней мере имеются положительные данные в пользу того, что нынешняя огромнейшая в нашем крае слобода Котельва, Ахтырского уезда была обитаема задолго до XVII в.: это – одно из древнейших поселений. По остальной территории края уже с XIV в. существовала сеть московских сторожевых пунктов. Сторожевая линия в разные периоды видоизменялась, то вдвигаясь далеко вглубь татарских степей, то отодвигаясь назад, то сплетаясь с густою сетью сторожей, то редая.

С конца же XVI в. наш край начинает подвергаться усиленной колонизации: эта последняя шла из двух противоположных сторон: с севера из Московского государства и с юго-запада из правобережной приднепровской Малороссии. Сперва на древних городищах, занимавших обыкновенно самые лучшие стратегические места, а потом и по богатым природою берегам больших рек устраивались крепости, городки, селения, хутора и одиночные заимки, мельницы, рыболовни и т.д.

Оседавшее в нашем крае население, не смотря на все опасности и тревоги от постоянных нашествий сюда татар все-таки упорно держалось занятых мест и постепенно превращало край в культурную область русского государства, прививая здесь общие культурно-русские формы быта и создавая – местные, оригинальные.

В нашу задачу не входит подробное изображение этой истории колонизации нашего края. Об этом имеются специальные научные исследования во главе с трудами проф. Багалея. Мы здесь остановим свое внимание главным образом на тех культурно-бытовых течениях, которые вместе

с колониционным движением, начиная с конца XVI в., влияли на церковное строительство в крае и на характер дошедших до нас церковных памятников. Московское правительство с целью укрепить окраинную сторожу против татар строит здесь целый ряд городков-крепостей, а потом создает и сеть поселений, которые колонизирует своими «боярскими детьми», посадскими крестьянами и разными «сведенцами».

Одним из древнейших московских городов был Можеский острог или Валки: упоминания о нем, как о сторожевом укреплении, относятся к очень раннему времени, – еще к 1571 году. Первым же крепостным городом, далеко выдвинутым в степь против татар, был Цареборисов, устроенный царем Борисом Годуновым в 1599 году почти при впадении реки Оскола в реку С.-Донец. Московское правительство особенно усердно устраивает здесь свои городки с половины XVII века, то создавая их вновь на древних городищах по своей инициативе, то занимая своими гарнизонами города, перешедшие к Москве от Польши, то наконец, устраивая их совместно с пришлыми черкасами. Таковыми были кроме упомянутых, Лосицкий Острожек, Колонтаев, Бобрик, Ахтырка, Алешня, Каменный, Вольный, Недригайлов, Чугуев, Тор или Славянск, Маяцк, а также Харьков, Салтов, Змиев, Сумы, Краснополье и Белополье. Самым обширным великорусским округом стал Чугуевский уезд, о котором еще в царствование Михаила Федоровича говорили как об исконной принадлежности Московского государя. Здесь в 1710 году мы находим великорусские селения. Каменную Яругу, Кочеток или Бабку, Песчаное, Введенское, Терновое, Пятницкое, Васищево, Тетлегу, Зарожное и Шубино. Первоначальное заселение этих мест относится к очень давним временам: земли здешним великорусским поселенцам были отведены большею частью в 1647 году. На все вышеуказанные города были колонизированы сплошным великорусским населением. В некоторых из них это последнее представлялось только служилым классом, который впоследствии или исчезал в волнах новых черкасских поселенцев, или же переводился на другие места. Но за то тем интереснее для нас города с наиболее долго

державшимся великорусским населением, передавшим потомкам оригинальные и ценные памятники своего религиозного быта. Наиболее устойчиво сохранился великорусский элемент в селениях. Одни из этих последних получили свое начало еще в XVII в. и расположены вблизи городов, обязанных своим происхождением великорусской колонизации – Вольнаго, Чугуева и др.; основание остальных относится к первой половине XVIII в. и стоит в связи с построением так называемой Украинской линии и образованием Ландмилицких полков. Таковы в Белгородском, ныне Харьковском уезде, были сел. Русская Лозовая, Проходы, Русские Тишки и Борщевое, основанные еще ранее половины XVII в. белгородскими служилыми людьми, детьми боярскими, солдатами и т.п. В Вольновском, ныне Богодуховском уезде, в 1711 году были селения: Славгородок, Верхопожня, Пожня, Дерновое, Обротеница, Люджа, Верховлюджа, Тарасовка, Станичная, Порозок, Поляная, Печины, Крамская, Солдатская, Ницаха, Каменицкое, Катанская, а также Уды, ныне Харьк. у. Большинство из них с великороссийским населением упоминаются уже во второй половине XVII в. В Лебединском уезде уже в 1647 году были селения с великороссийским элементом: Чупаховка, Боровенька, Мартиновицы и Ясеновое. Самое древнее и коренное великороссийское население сохранилось до наших дней главным образом в Чугуевском округе, нынешнем Змиевском уезде, и Харьковском. Что же касается распространенного ныне великороссийского населения в Волчанском, Купянском и Старобельском уездах, то это размножившиеся потомки крепостных крестьян, переселенных сюда в XVIII в. русскими вельможами. Великоруссы же Змиевского уезда представляют из себя потомков однодворцев, т.е. служилых людей древнего Чугуевского уезда. Их предки еще при царе Михаиле Федоровиче заняли Чугуевский уезд и с этого времени составляли в нем преобладающую группу населения.⁶³

63. В данном случае речь следует вести об однодворцах, которые несли службу на Старо-украинской оборонительной линии с 1731 года, а первые поселения на ней появились только после указа 1775 г. (Прим. редколлегии).

Московское правительство при устройении здесь крепостных городов и селений заботилось не только о том, чтобы создать из них надежные оборонительные пункты против татар. Однако при этом принимало все меры к тому, чтобы водворяемое здесь население обставить возможно лучше со стороны внешнего и внутреннего его быта. Для нас в этом отношении особенно важно то, что правительство считало себя обязанным обеспечить вполне это население в удовлетворении его благочестивых церковных потребностей. В этом деле правительство имело уже большой и давний опыт. В Москве в XVI–XVII вв. широко процветало церковно-строительное ремесло по изготовлению всего потребного для устройства на окраинах в новоосновываемых поселениях церквей и монастырей. Отправляя в нашу Украину своих служилых людей с воеводами, правительство давало этим последним так называемые «строительные указы»: как, что и в каком размере делать при устройстве новых городов и поселений, и при этом обильно снабжало их военными, крепостными приписами, а также массой церковно-богослужебных предметов московской работы для церквей. Вместе с служилыми людьми правительство препровожало сюда и наряды духовных лиц. Вот в этом и открывается тот источник, из которого в наш край были привнесены многочисленные памятники древне-московского стиля. Подробности московского церковного строительства мы находим в «строельных» книгах, касающихся как соседних к нам окраин – курско-воронежских, так и наших. В строельной книге города Валук 1599 года мы читаем: «Да с воеводою со князем Володимером с Кольцовым с Мосальским да с головою с Судаком Мясными послано церковное строенье – Образ Преч. Богородицы Владимирской месной, после того образ великих страстотерпцев Христовых Бориса и Глеба втуж меру на золоте, Деисус стоячей, Крест за престольный, образ Преч. Богородицы Запрестольной, двери царские с столбцы и с сеньми, 30 образов Господских праздников и Пресв. Богородицы и Николы Чудотворца и иных великих избранных святых мученицы на золоте, двери северные, крест воздвигальной, сосуды церковные, срачица на престоле, 2 литона,

сорочка на жертвенник, завесы к церковным дверям, сундук на церковные сосуды, 3 блюда дарных, блюдо оловянное, 2 ризы, 2 стихаря подризные, 2 поручей, 2 пояса, 2 потрахили, дьяконский стихарь с улярем (sik!), 5 ф. ладону, 10 ф. темьяну, евангелие, апостол, устав, 2 триоди цветная да посная, октоих 8 гласов, трифолой, миная общая, псалтырь, часовник, 2 служебника поповские, дьяконник, свечей месных по полпуду, пуд свеч восковых мелких, на просвири 3 чети муки пшеничные, паниадило медное, налой медной, чаша медная в чем воду святить да к церкви ж 2 колокола один в 3 п., а другой в 4 п., колокол вестовой 50 пуд..., 2 попов и дьякон, дьячок, проскурница, а запас им давать мысячной на месяц человеку по осьмине сухарей да на 10 осьмину круп да осьмину толокна»...⁶⁴. Новые подробности этого московского церковного строения на Украине мы находим в Строительной книге г. Усерда 1637 –1638 гг.: «А в городе строенья государево богомолье соборная церковь Происхождение чесного и животворящего креста Господня да в пределе страстотерпец Христов Георгий, церковь деревянная с трапезою и с папертьми и с лесницы покрыта тесом и в церкви и в пределе образы и царские двери и деисусы и сосуды церковные и книги и ризы и колокола строенья государево; у соборные церкви два попа устроены государевым жалованьем – ругою... Да за городом за усердцкими ворота вниз по реке Сосне к устереки Усерду устроена слобода козачья а в ней церковь страстотерпец Христов Георгий, деревянная, а в церкви образы и книги и ризы строенья государево, а к церкви дано земли вдоль 30-ть сажен, поперек 20 сажен, а у церкви поп приходной, а земли ему дано под двор вдоль 10 сажень, поперек 8 сажень»...⁶⁵

В Строительной книге г. Хотмыжска 1640 г. указано воеводе В.И. Толстому, чтобы он «в остроге-ж поставил соборную церковь Воскресения Христова и оземную трапеза между углов 3 сажени с полусаженью, церковь меж углов 3 сажени, а верх церковь под крестом клецки», и далее указан целый ряж церковных

64. Д.И. Багалей. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ. Том 2-й Харьков, 1890, с. 2-3.

65. Ibid., с. 23

принадлежностей, подобных вышеуказанным, присланных из Москвы⁶⁶. Таковую же заботливость и щедрость московское правительство проявляло в церковном строении городов и нашего края. Так в наказе воеводам Богд. Бельскому и Сем. Алферову о постройке города Царевборисова 1600 года было сказано: «да дать тому городу имя Царев Борисов город да поставить им в городе где пригож церкви Пресв. И Живоначальные Троицы а другой храм святых великих страстотерпцев Бориса и Глеба, а церковное строенье образы и книги послано а зделав те церкви велети попам и дяконам освятить а попы и дяконы с ними посланы и приказать им чтоб в большой церкви обедня была по вся дни а в другой бы церкви Бориса и Глеба обедня была по субботам да по неделям да по праздникам а служили б попы в большой церкви по неделям переменясь»...⁶⁷ В 1640 г., в одно и то же время, как воевода Василий Толстой занимался построением города Хотмыжска, товарищ его Гаврило Бокин строил город на Вольном Кургане и вооружил его 9-ю пушками. На построение города была отпущена огромная сумма по тогдашнему времени. Тогда же в смысле наказа, данному В. Толстому, «в г. Вольном церковь Соборная Успения Пр. Богородицы была построена Государевым коштом. Она были на руге государевой с 169 (1661 г.) г.; по грамоте вел. Государя Царя и Вел. Кн. Алексея Михайловича определено было тоя церкви Священнику Герасиму Андрееву жалованья по 5 р., по 7 четв. Ржи, овса тож, из государьевых житниц». После уступки Польшею России в 1647 г. Недригайлова Царь Михаил Федорович повелел превратить Недригайлов в русский город-крепость. В утешение оставшихся здесь казаков Царь поспешил поставить православный Покровский Собор в крепости и к нему назначил попа Алексея из Брянска. В 1648 году Царь обогатил этот храм всеми священными принадлежностями, необходимыми для богослужения. Богатые царские дары перечисляет роспись 1677 года в следующих словах:

66. Ibid., с. 28

67. Д.И. Багалей. Материалы из истории колонизации и быта степной окраины Московского Государства. Том 1. Харьков, 1886 г. с. 9-я.

«Роспись, что в прошлом 156 году по указу великого Государя, послано с Москвы в Недригайлов в Покровскую церковь образов и церковные утвари всякие: одиннадцать икон, двери царские, св. евангелия листы, образ местной Покрова Пресв. Богородицы на престоле, двери северные, крест осеняльный, хоругв и образов различных праздников святых, две свечи поставные деревянные с насвечники, писаны золотом, сосуды церковные оловянные, чаша водосвятная, кадило медное, укропник, два колокола весом в два пуда семнадцать гривенок, книг печатных, евангелие на престольное обложенное бархатом, апостол, потребник, служебник, триоди постная и цветная и меньшая, часовник, ризы миткальные, стихарь полотняный, поручи, на сосуды церковные воздух, индития, срачица, царских дверей запона, 5 фунтов ладану, ведро вина церковного, для миропомазания масло деревянное»⁶⁸.

Драгоценные и многочисленные следы такого государственного церковного строения мы находим почти во всех древнейших городах нашего края. В грамоте от 9 февраля 1641 года Царь писал: «По нашему указу послано на Чугуево в Соборную церковь Преображения Господня, да в приделе Ангела нашего Михаила Малеина книг печатных: Устав, два Октоиха, евангелие толковое, четыре книги Трефолои, Потребник, Служебник, Псалтырь рядовая». В грамоте от 28 января 1644 года царь писал к воеводе Ушакову, что с боярским сыном Быкиным послал в Чугуев вестовой колокол в 22 пуда⁶⁹. Из выписи строенных книг 1751 года мы узнаем также, что по повелению Царя Алексея Михайловича в 1660 г. был основан и устроен в Чугуеве Успенский монастырь и в нем в 1662 г. 26 Октября была закончена постройка храма Успения Пресв. Богородицы. На монастырь были отведены обширные земельные угодья и к нему же была приписана по повелению Государеву Аркадиевская Пустынь на р. Донце.

В описании Харькова 1663 года сказано: «в городе соборная церковь во имя Успения Пречистые Богородицы а в той

68. Архиеп. Филарет, *ibid*, III, с. 512–513.

69. Арх. Филарет, *Историко-Статист. Описание Харьков. епархии*, отд. IV, с. 9.

соборной церкви церковного строения царского жалования образ Успения Пресвятыя Богородицы шести листовою на нем два венца серебряных позлачены на престольная Богородица благословенный крест царские двери из столпцами да книг Евангилья на престольная шестодневи апостол псалтырь следованьем кадило медное»...⁷⁰. Московские государи XVII в. с благочестивым усердием одаряли ценными приношениями слободско-украинские святыни и монастыри. Так, напр. высоким благотворителем древнего Соборного Балаклейского храма был Царский дом Петра Великого. По описи 1823 года к царским дарам в Балаклейском Успенском Соборе принадлежат: а) Евангелие малого формата, печатанное по повелению Вел. Государей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича в 1685 г.; б) Священническая риза золото-серебряной парчи с шитым по бархату оплечьем, на котором изображены Спаситель и Апостолы и которое украшено жемчугом; в) таковые же воздухи с вышитыми серафимами и г) колокол с следующей надписью: 191 (1683) г. Июля 9 по указу Великих Государей из разряду вестовой колокол, веса 10 пуд, послан в Балаклею. По свидетельству описи Евангелие и риза подарены Петром Великим «во время путешествия» из Азова через Изюм и Балаклею в Полтаву. Этот же Великий Государь имел благоговейное усердие к прославленной тогда в нашем крае Чудотворной Каплуновской иконе Божией Матери. Отправляясь к Полтаве, он взял с собою и эту святыню, которая оставалась при нем в армии до совершенного окончания войны с Карлом XII. Возвращая св. икону в Каплуновскую церковь, он украсил ее серебро-вызлащенною шатою с драгоценными камнями, а для сохранного доставления ее на место он вложил ее в серебровызлащенный ковчег. В Каплуновском храме имеется еще, как памятник благочестивого усердия Петра Великого к местной святыне. Евангелие, им пожертвованное в серебровызлащенной оправе и с надписью: «1705 года Февраля в 25 день по Указу Великого Государя построено сие святое Евангелие Ингерманландской Канцелярии на Государевы деньги Ахтырского уезда в село Каплуновки в церковь Преосв.

70. Д.И. Багалей. Материалы *ibid*, т. I, с. 40.

Богородицы, весом серебра пятнадцать фунтов двадцать четыре золотника, а на позолоту тридцать пять червонцев». Мы имеем свидетельство, что московские государи XVII в. одаряли слободско-украинские монастыри не только священными предметами, но и орудиями защиты от неприятельских нашествий. Так, в описанной книге Змиевского Никольского Казацкого монастыря 1702 года сказано: «а на колокольне государева жалованья колокол, а в нем весу десяти пуд да два колокола малых в полтора пуда да подле тех проезжих ворот великого государя жалованье – пушка железная на станку к ней 30 ядер, зелья пушечного 8 п., свинцу 3 п., другая пушка турецкая небольшая государева жалованья...»⁷¹.

Кроме царских жалований в наш край в XVII веке во множестве приносились разнообразные церковно-богослужебные предметы царскими служилыми людьми и поселяемыми здесь великороссийскими посадскими и крестьянами. Отправляясь сюда на станичную службу и для образования новых, а также привозили из Московских областей дары для новоустроенных здесь храмов. Несмотря на многочисленные пожары и опустошения великороссийских поселений и первых городов, когда гибли св. храмы и святыни частных лиц, тем не менее дошло до нас не мало церковных памятников от XVII в. московского мастерства. Здесь на первом месте мы должны поставить многочисленные родовые иконы с изображениями в их рамах святых, имена коих носили главы семейств. Он – шаблонной московской работы этого века, но для своего времени совершенно типичные, явно носящие на себе господствовавший тогда иконный московский стиль. Чрезвычайно были распространены также иконы, как особенно любимые, с изображением в середине Воскресения Христова, а кругом всех двенадцятих праздников. Из святынь домашнего и личного обихода дошло до нас множество складней путевого типа и «тельников» с разнообразными священными изображениями. Все они московского мастерства: больших размеров для употребления в путешествиях – из дерева и реже

71. Д.И. Багaley. Материалы, т. I. стр. 274–275.

из меди, тельники же – миниатюрных размеров в большинстве в синей эмали. Московские люди слободско-украинских поселений любили снабжать свои храмы богослужебными книгами и особенно Св. Евангелиями московской печати, из коих не мало сохранилось до настоящего времени. Наконец, ценными и типичными памятниками московского благочестия являлись в наших древних храмах св. кресты престольные и молебные.

Усердие московских служилых людей к своим храмам простиралось до того, что драгоценные фамильные реликвии – Царские пожалования – после своей смерти передавали в храмы. Едва ли не самым замечательным памятником этого рода является серебряный ковш XVII в., пожалованный Царем Федором Алексеевичем арзамасцу Ивану Елисееву Сальникову «за службу царю головою», и им переданный потом в церковь села Старого, Сумского уезда. Этот ковш больших размеров имеет вид длинной широкополой ладьи с дугообразной ручкой, на дне которой государственный герб, а на носу ладьи изящно сделанная голова воина в шлеме; снаружи кругом ковша густою искусною вязью сделана надпись: «Божиею Милостию Государь и Царь и Великий Князь Федор Алексеевич всея Великие и Малые и Белые России и Самодержец... арзамасец Иван Елисеев Сальников пожалован сим ковшом за службу и за прибор что был головою»⁷².

Таким образом, московское церковное строительство в XVII в. в начале колонизации нашего края было довольно значительным: оно внесло сюда множество церковных памятников московского мастерства. Далеко не все из этого богатства дошло до нас. Здесь прежде всего с грустью нужно отметить то, что из древних московских храмов нашего края ни один не сохранился до наших дней: татарские погромы сметали их с лица земли. Но что печальнее всего, это – отсутствие в сохранившихся письменных документах более или менее подробного описания их, по коим можно было бы воспроизвести первых и самых древних храмов нашего края. Одно несомненно, что они были деревянные и небольших размеров, напр.

72. Епарх. Ц. – арх. Музей, № 379.

в Хотмыжске соборная церковь имела с трапезою вдоль «меж углов 6 сажений с полусаженью». В большинстве каждый из этих храмов состоял из трапезной части и собственно церкви. Эта последняя возвышалась над трапезною квадратною клетью с шатровым верхом и крестом. В строельной книге г. Усерда 1637–1638 г. указывается, что снаружи к трапезной части храма пристраивалась крытая паперть с лестницами. Храм во всех своих частях покрывался тесом. Наружный вид храма, насколько можно судить по указанным данным, воспроизводил самый обычный тогда в Великороссии тип малых церквей, постройка коих была крайне незамысловата, могла быть произведена немногим силам и быстро, что вполне соответствовало тогдашней беспокойной и тревожной службе московских пограничных людей. Все богатство и красоту этих храмов составлял внутренний храмовый иконостас, установленный иконами «государеваго жалованья» с царскими и боковыми вратами искуснаго и наряднаго московского мастерства. Как видно из вышеприведенных документов, в наших первых городах московское правительство и служилые люди устраивали по несколько храмов, между которыми был несомненно собор о нескольких приделах и с несколькими священниками, правившими ежедневно службу.

Ко всему сказанному о московском церковном строительстве у нас в XVII в. надобно прибавить, что насаждавшийся здесь московский стиль деревянных храмов не оказал в дальнейшем никакого влияния на местную архитектуру деревянных храмов. Эта последняя, как увидим ниже, явилась в наш край с мощным притоком черкасского населения как вполне сложившаяся в правобережной приднепровской Малороссии и здесь так широко и настойчиво прививалась, что совершенно заслонила и привела к забвению древнюю московскую структуру первых наших храмов. Не так дело обстояло с столкновением у нас этих двух церковно-архитектурных течений в XVIII веке.

В после-петровскую эпоху, в XVIII в., в Харьковском крае проводниками европейско-русских церковно-архитектурных течений были Императрица Елисавета Петровна, лично участвовавшая в создании известного Ахтырского храма,

и служилое и вельможное дворянство, обладавшее здесь обширными и богатыми поместьями и устраивавшее храмы в деревнях, городах и монастырях. Со времени Петра Великого в наш край начинает проникать из Москвы и Петербурга тот церковно-архитектурный стиль, который известен под именем «барокко». До Елисаветинский, так называемый ранний стиль, барокко у нас отразился в целом ряде храмов городских, монастырских и сельских-помещичьих, из коих сохранились до нашего времени лишь немногие, как напр. Успенская церковь г. Ахтырки, устр. в 1743 г., Успенская церковь сл. Рубежной, Волч. у., устр. в 1769 г., колокольня церкви с. Кочетка, Змиевского у., устр. в 1757 г., остаток бывшей Владимирской пустыни и др. Растреллиевский же стиль барокко у нас особенно распространяется со времени постройки Ахтырского собора.

Участие Императрицы Елисаветы Петровны в устройстве Соборного Ахтырского храма связано с явлением и прославлением св. чудотворной Ахтырской иконы Божией Матери. 22-го июня 1751 г. последовал Указ Ея императорского Величества из Св. Синода, которым повелено «святую икону Богоматери, явленную в г. Ахтырке, иметь и почитать за Чудотворную». С этого времени и начинается история Ахтырского Покровского Собора. Храмоиздательницею Собора изволила наименовать себя Благодетельнейшая Государыня императрица Елисавета Петровна. Несомненно, что она, на возвратном пути из Киева в Петербург, была в г. Ахтырке еще в Сентябре месяце 1744 года. В сказании об Ахтырской иконе изложено, что в конце сентября 1744 г. пробыла в Ахтырку на поклонение новоявленной иконе знаменитая особа под именем придворной дамы Марфы Егоровны Шуваловой, супруги графа Петра Ивановича Шувалова. Полковое начальство встретило и проводило эту особу с отличными церемониалами и пушечной пальбой. На второй день по прибытии в Ахтырку эта особа в сопровождении одной дамы и чиновника еще до рассвета явилась в Покровскую церковь, долго молилась пред Св. иконой, приложилась к ней и вышла из храма. В сумерки того же дня она осматривала место явления иконы, затем вошла

в церковь и выслушала молебен, совершенный пред св. иконой. По окончании молебна, при необычайном стечении народа, особа эта отправилась в дальнейший путь. Тогда не только полковое начальство, тайно извещенное о высокой посетительнице, но и простой народ знали, что Именитая особа, посетившая Ахтырку, была сама Государыня императрица Елисавета Петровна, а с ней придворная дама – графиня Марфа Егоровна Шувалова. Быть может, осматривая место явления Ахтырской иконы, Царственная посетительница подала первую мысль о сооружении на сем месте храма, достойного имени Божией Матери, но весьма возможно, что мысль эта была высказана Императрице Ахтырским полковником Ф.И. Каченовским и Ею была одобрена. Во всяком случае не подлежит ни малейшему сомнению, что благочестивая Государыня принимала самое живое участие в созидании величественного Ахтырского Собора и инициалы Царственного имени Ее, украшающие внутренние стены храма, служат наглядным доказательством близости Ея к делу создания храма. Лишь только Св. Синод признал Ахтырскую икону Чудотворной, Ахтырский полковник Ф.И. Каченовский изготовитель просительную книгу с воззванием ко всем благочестивым христианам России и прежде всего явился с этой книгой к императрице⁷³. Благочестивая государыня, радуясь милости Божией, явленной в даровании в годы царствования Ея новой российской святыни, повелела своему зодчему графу В.В. де Растрелли (род. В 1700 г. ум. в 1771 г.) начертать план и фасад храма и благоволила пожертвовать н сооружение его из своих личных средств 2000 рублей, собственноручно вписав эту жертву в просительную книгу. Заведывание сбором доходов и сооружением храма, по желанию Императрицы, было возложено на Ахтырскую Полковую Канцелярию в лице ея старшины Ахтырских полковников. Свят. Иоасаф Белгородский благословил игумену Ахтырского Св.–Троицкого монастыря совершить закладку храма, каковая и была совершена 25 апр. 1753 года. В этом же году умер полковник Каченовский. Именным высочайшим указом от 5 февр. 1754 г. заведывание

73. Текст воззвания и самая книга хранятся при Соборе.

и присмотр за постройкой храма было поручено полковнику Константину Лесевецкому. Сначала постройку церкви производил подрядчик Ярославской губернии и уезда генерльши Стрешневой крестьянин Георгий Зайцев. Но заложенные им столбы оказались не соответствующими высоте храма, своды арок дали трещины и угрожали падением, а, по преданию народному, и совсем обрушились. Когда об этом узнала Государыня, то, по Высочайшему повелению ея, для постройки храма прислан был из Москвы «искуснейший» архитектор капитан Стефан Исаев Дудинский, который в 1768 году закончил постройку храма. В таком виде дело постройки этого храма излагается в летописи соборной. Мы подробно излагаем историю этого храма в виду того, что архитектурный стиль оказал громадное влияние на характер многочисленных других церковных построек нашего края, для которых он сделался образцом: ему начинают подражать при устройстве не только каменных монументальных храмов, но даже и деревянных, а стиль иконостасов и киотов Ахтырского собора делается господствующим в наших храмах второй половины XVIII века.

В самом ли деле Ахтырский Собор представляет собою подлинное архитектурное создание знаменитого зодчего елисаветинского времени графа В.В. де-Растрелли – сына? Этот архитектор довел у нас в России давно уже развивавшийся под влиянием Запада стиль «барокко» до изумительной высоты и совершенства. По силе художественного вдохновения, по исключительному дару острой «выдумки» он не уступает никому из современников. В области наружной архитектуры он единственный мастер-властелин форм, не знающий ни одного соперника, самый обаятельный из всех «зодчих живописцев». Самые лучшие и совершенные его создания в Петербурге Смольный собор и в Киеве Андреевский Собор. Тридцатилетняя непрерывная деятельность такого огромного художника, каким был Растрелли, не могла не отразиться на всем современном ему русском зодчеств. Яркий выразитель эпохи, он наложил печать своего личного вкуса на все творчество его сверстников и учеников. Из отдельных приемов мастера, часто менявшихся

и всегда разнообразных, была создана целая система, вылившаяся в настоящую «школу Растрелли». Все, что он изобретал и применял в Петербурге и его окрестностях, с необычайной быстротой распространялось по всей России, переходя из города в город, перекидываясь с одного монастыря на другой, с одной колокольни на десятки других, с ближайшей усадьбы на сотни отдаленнейших. В огромном большинстве случаев все это было неизмеримо ниже Петербургских первообразов и имеет значение разве только иллюстрации к законам отражения, преломления и вырождения художественных форм⁷⁴. К этому надобно прибавить и то, что в то время первоначальные архитектурные проекты больших мастеров при исполнении на местах искажались до неузнаваемости. В период славы знаменитого Растрелли, не было в России такого богача, которому не хотелось бы построить либо дом, либо церковь у себя в поместье по его проекту. Удовлетворять всех желающих Растрелли не мог, и проекты составлялись по известному шаблону в его огромной чертежной, при которой состоял многочисленный штат помощников и чертежников. Такой, подписанный Растрелли, проект в случаях более или менее официальных, восходивших на рассмотрение самой императрицы, отправлялся затем «в команду князя Ухтомского» в Москву, так как при гигантской строительной работе, не прекращавшейся в Петербурге во все время царствования Императрицы Елисаветы Растрелли не только не мог отпускать в провинцию своих помощников, но сам то и дело забирал к себе разных учеников Ухтомского. Последний вел переговоры с заказчиком или обыкновенно с заказчицами, так как чаще всего это бывали разные общества, дворянские, купеческие, или прихожане церкви, а иногда и монастыри. В зависимости от этих переговоров многое в проекте менялось, и затем откомандировывался какой-нибудь «архитектурный газель» или «команды архитектуры подполковника князя Ухтомского поручика», который начинал постройку и довольно скоро сдавал ее местному подрядчику, а сам снова уезжал в Москву по экстренному вызову Ухтомского. Когда чрез

74. И. Грабарь. История Русского искусства. Москва 1912 г., вып. 15, с. 229.

несколько лет он опять отправлялся на место для проверки работ, то оказывалось, что все сделано не по чертежам, а так, – «на глаз» и на вкус подрядчика.

К сожалению именно так произошло и с знаменитым собором в г. Ахтырке, как это открывается из справок по подлинным документам. Он строился: «для лучшего порядку подведомств Ахтырской полковой канцелярии, почему исполнением учинений исначала тому церковному строению был старанием умершей брегадир Федор Иванович Коченовский которого трудами посочиненным придворе Ея Императорскаго Величества абрисам та каменная церковь здвумя пределы заложена истроение подьего смотрением производилось азоумертвеем егобрегадира Коченовского пообъявленному в 1754 году Февраля 25 дня чрез нарочно присланнаго от двора полковника Якова Алексеевича Шубского изустному именному Е.И.В. указу» проч... руководство постройки перешло к другому лицу (Дела архитектора князя Ухтомского, вязка 12, дело 6, л. 5). Церковь грозила рухнуть по указу Сената Ухтомский отправил в 1757 г. в Ахтырку архитектуры газеля Степана Дудинского, который в Апреле 1758 г. доносил в Москву, что здание вчерне уже окончено, но построено совсем не по имевшимся чертежам. «Над алтарем сводинадонным лантерник совсем вчерне окончен токмо надлежало оному лантернику быть по фасаду и профилю осмерником а оной нерадением подрядчика сделан квадратной» и т.д. (Ibid., л. 39). От подлинного Растреллиевского проекта, таким образом, мало что осталось в возведенной постройке. При ближайшем изучении этой постройки открываются следы несомненного извращения первоначального плана в смысле приспособления ко вкусам местного зодчества. Так, расположение трех глав по продольной линии – совершенно чуждо Растреллиевского стилю и составляет упорную особенность украинского зодчества. Малые главы в количестве четырех назначались ближе к центральной – по углам усеченной серединой квадратуры. При переделке основных столбов очевидно и была изменена первобытная конструкция храма с отнесением двух меньших глав по продольной линии на значительное расстояние от середины. Теперь это сооружение по

внешней своей архитектуре явно ничего общего с этим большим мастером не имеет⁷⁵. Но зато внутреннее украшение храма во многих своих деталях носит следы подлинного мастерства де-Растрелли. Это особенно надобно сказать о бесподобном киоте для чудотворного образа: колонны, волнистые карнизы, вазы, кронштейны наверху, поддерживающие подушку с Императорской короной, испещренные всею роскошью барочной резьбы, – все это соединяется в блестящую, величественную и царственную сень над чудотворным образом и с первого же взгляда напоминает стол своеобразный и типичный стиль Растреллиевских работ.

Как бы то ни было, Ахтырский собор стал в нашем крае первым опытом насаждения блестящего церковного стиля елисаветинских времен. Этот опыт был во многих отношениях неудачен: но при всем этом он был толчком к дальнейшему у нас распространению и развитию этого стиля в духе вышеуказанной нами Растреллиевской школы. Не останавливаясь здесь на всех подобного рода архитектурных опытах в нашем крае, дошедших до нас, мы скажем несколько слов об одной такой постройке, отчасти связанной с историей создания Ахтырского собора.

Привезший в Ахтырку Указ императрицы Елисаветы Петровны о назначении новых руководителей постройки собора – полковник Яков Алексеев Шубский был именно в это время ктиторм и строителем Сумского Успенского монастыря. Это лицо замечательное. Уроженец сл. Белка, Ахтырского полка, из духовного звания, он в детском возрасте взят был в придворную капеллу. Когда же лишился голоса, то, будучи известен добрым поведением и умом, сделан был чтецом, а потом и ктиторм придворной церкви. Благочестивая императрица Елисавета любила его и пожаловала ему чин полковника. Ему же она поручила упорядочить дело постройки Ахтырского собора. В то же время в широких размерах он вел постройку храмов и других зданий Сумского Успенского монастыря, где в это время находился его отец иеромонах Арсений. Он не жалел средств на благоукрашение этой обители. Видно, что он истратил на

75. «Старые годы» 1910 г. 5-6 кн., с. 13 по 31–32.

нее огромное состояние. В течение 1750–1760 годов он устроил в этом монастыре громадный каменный соборный храм Успения Богоматери с пределом Вознесения Господня на хорах, каменный трапезный храм в честь Архистр. Михаила и такой же над св. вратами во имя Всех Святых, обнесен монастырь каменной оградой с башнями, напротив соборно церкви с западной стороны воздвиг величественную колокольню в виде крепостной боевой башни. Благодаря его щедротам и усердию в храмах были сооружены прекрасные стильные иконостасы, при чем в соборной церкви – иконостас огромных размеров в 9 ярусов. Многие иконы были украшены серебро-позлащенными ризами, пред иконами висели дорогие лампы искусной работы, в храмах расставлены были деревянные с изящной резьбой вызолоченные подсвечники и аналогии. О былом великолепии этих сооружений Шубского теперь свидетельствуют сохранившееся, после закрытия и уничтожения монастырских построек в 1788 г., колокольня и надвратная церковь во всем своим внутренним убранством. Строитель монастыря Я.А. Шубский после смерти Императрицы Елисаветы Петровны навсегда оставил Петербург и поселился в своем Сумском монастыре, где скончался и отец его иеромонах Арсений, и здесь он принял монашество. Трагичны и безрадостны были последние дни жизни Шубского. Этому самоотверженному строителю обители суждено было видеть при закрытии ее уничтожение почти всех плодов рук своих. После рассеяния отсюда иноков, среди развалин монастырских возле оставшейся только надвратной церкви доживать век свой в убогой келии Иаков Шубский: здесь в глубокой бедности и скончался он в 1790 году.

Оставшаяся часть монастыря надвратная церковь представляет собою безусловно более совершенное произведение Растреллиевского стиля, нежели Ахтырский собор. Правда, он не может быть сравниваем с монументальными подлинными созданиями де-Растрелли, но как опыт стиля его школы, – он весьма примечателен. Крестообразный с закруглениями корпус его украшен поверх карнизов с четырех сторон изящными кокошниками полуциркульных тимпанов. Цокольный этаж

его разделан очень типичною рустировкой. Храм пилястрами разделен на отдельные части и чрезвычайно пропорционален в горизонтальных членениях. Ионические капители пилястров нежного рисунка, выполнены с изящною тонкостью и украшены гирляндами. Корпус с полуовальной крышей переходит в восьмигранный барабан с такими же пилястрами и капителями и с четырех сторон с аркообразным карнизом, барабан покрыт полуовальным куполом, а поверх его двухярусный осьмигранный фонарь с изящною круглою главою. Этот храм производит впечатление чрезвычайно изящного, стройного и легкого здания. Общий характер его почти тождественен с знаменитым Собором в г. Козельце, выстроенном в 1748-1757 годах лучшим учеником де-Растрелли Андреем Квасовым. Тип надвратного храма дает нам основание предположить, что и остальные, когда-то бывшие в этом монастыре, храмы были устроены Шубским по планам лучших учеников де-Растрелли, если не самого А. Квасова. А в таком случае, мысленно воссоздавая образ бывшего сумского Успенского монастыря, мы можем представить, как был он красив, величествен, богат и архитектурно изящен. В XVIII в. он, несомненно, был в нашем крае самым лучшим и в этом смысле единственным памятником стиля барокко Растреллиевской школы.

До конца XVIII в. стиль барокко в нашем крае оказывал широкое влияние на церковное строительство. Впрочем мы здесь говорим о широте этого влияния на столько, на сколько оно шло через привилегированные классы нашего населения – вельможных людей и дворян помещиков, не касаясь господствующей массы населения – черкас. Этот стиль отражался в сооружаемых ими иконостасах, киотах, окладах, свящ. сосудах, утвари церковной и даже свящ. облачениях. Замечательный иконостас этого рода мы видим в Харьковском кафедральном соборе. Он был сооружен в 1783 году. Рисунок его несомненно вышел из школ Растреллиевской, но уже позднейшего времени, когда в этом стиле стали заметно пробиваться классические формы. Легкий и смелый подъем кверху, типичная резьба в форме раковин, вазы с цветами, гармония общего рисунка,

мастерское расчленение целого колоннами, мягкими во всю высоту выступами и незаметными углублениями, – на всем лежит печать высокого барочного стиля, ровные же и спокойные горизонтальные карнизы и обилие гладких коринфских колон отзывается уже духом екатерининского классицизма, уже в ту пору начавшего вытеснять прежний стиль барокко. Дух барокко сказывается в иконописной манере изображать священных лиц в искусственной аффектации и позировке. Свящ. сосуды, иконные оклады и утварь церковная воспроизводят излюбленные барочные мотивы и орнаментацию. Свящ. облачения нередко делались в то время из драгоценных и нарядных одежд вельмож, внося в обстановку храмовую и богослужебную ту же цветистость, яркость красок и пышность мелкой орнаментации, коими обставлялась роскошная жизнь вельмож.

В это же время, в Россию, в область церковного строительства проникает, кроме стиля барокко, еще и другой – стиль нового классицизма, значительно отразившийся и на храмах нашего края второй половины этого века. Этот стиль на западе возник давно, еще в XVI в., пережил в разных странах разные видоизменения, пока наконец к половине XVIII в. не остановился на строгом воспроизведении классических типов – эллинских храмов Пестума и Римского Пантеона. С запозданием против других стран этот стиль распространяется во второй половине XVIII в. и у нас. Самой характерной чертой в архитектуре этого стиля была страсть к колоннам. «Уже Бернини, один из величайших мастеров барокко, был заражен этой «благородной страстью» и создал знаменитую «рощу колон» пред собором св. Петра в Риме, но тогда это было скорее исключением, чем правилом, теперь же колонна становится таким же центром композиции, каким была у греков и римлян. Увлечение колоннадами временами бывало похоже на какое то опьянение, на прямую иступленность и своего апогея достигло в конце XVIII века. Последняя четверть этого века была в архитектуре сплошным гимном колонне, и без колон никто не мог себе вообразить прекрасного здания. Чем великолепнее здание, тем больше должно было быть колон, которые часто считались уже не

десятками и не сотнями, а тысячами»⁷⁶. В церковных постройках стали стремиться связать колоннадную систему с купольной Пантеонной формой, вследствие чего этот стиль вылился в этой области во всевозможных типах, начиная от простейших и маленьких храмов квадратной формы с колонным фронтоном и с низким плоским куполом почти без подкупольного барабана и кончая величественными базиликами с продольными рядами колонн внутри. Во второй половине XVIII в. знаменитыми зодчими этого стиля А.Ф. Кокоринов, В. Деламот (здание Академии художеств, Воскресенская ц. в Почепе, Чернигов. г.), А. Ринальди (Ямбургский собор), Ю. Фельтен (немецкая церковь св. Анны в С-Петербурге). В. Баженов, И. Старов (церковь в с. Никольском, Моск. г. и собор А. Невской Лавры в С.-Петербурге), Ч. Камерон (церковь в Софии около Царского Села) и Д. Кваренги (церковь на Казанском кладбище в Царском Селе) и Н.А. Львов (Иосифовский собор в Могилеве и собор Борисоглебского монастыря в Торжке). Этот Екатерининский стиль церковных построек чрезвычайно широко отразился на постройке храмов в это время и в нашем крае. Почти все типы этого стиля имеются у нас своих представителей. Главным образом любили храмы этого стиля дворяне-помещики. Во множестве бывших и дошедших до наших дней помещичьих имений и доселе сохраняются храмы этого рода. Хотя многие из них были впоследствии видоизменены постройкой колоколен с удлинением трапезной части и расширением боковых сторон, но при ясной конструкции храмов, этого стиля легко воспроизвести первоначальный их вид. Мы не будем здесь пока останавливаться на детальном разборе разнообразных типов храмов этого стиля, отметим только пышный расцвет его в нашем крае в лице знаменитого Рождество-Богородичного храма в с. Каплуновке, Богодуховского уезда. Он был основан в 1788 и освящен в 1798 году. Главными его строителями были тогдашний владелец Каплуновки Иеремия Васильевич Перекрестов-Осипов, а по смерти его супруга Елисавета Степановна – урожденная Коновницына, и ее отец граф Петр

76. И. Грабарь. Ibid. Вып. XV, с. 261–262.

Петрович Коновницын, употреблявшие громадные средства свои на этот храм. Построение его происходило под особым наблюдением Св. Синода, который выдавал от себя книгу для собора подаяний. Ахтырский протоиерей Максим Яновский определен был в попечители о построении храма. В старинных церковных летописях сказано, что архитектором этого храма был итальянец Манижиотти. В истории церковно-русского зодчества имя его осталось неизвестным⁷⁷. Можно предполагать, что он был ближайшим исполнителем архитектурных зданий другого зодчего, наложившего печать своего большого мастерства на эту постройку. Храм по первоначальной постройке своей вполне достойный имени Богоматери, но ныне, к сожалению, довольно много утративший из своей прежней славы. Храм поражает огромными своими размерами. Он стоит отдельно от колокольни, почему красота его вида волне открыта со всех сторон. Это – квадратное равностороннее здание с величественными фронтонами на колоннах по всем четырем сторонам. Корпус здания увенчивается громадным центральным куполом на невысоком барабане, прорезанным двадцатью окнами. По размеру своего диаметра и смелости своего размаха это – единственный купол в церквях нашего края. Четыре малые купола стоят как бы на страже по сторонам большого. Наружный вид при все простоте своей конструкции – чрезвычайно пропорционален и дивно величествен. Колонные фронтоны придают ему строгую и спокойную классическую красоту. Еще лучше внутренний вид. Обширность его размеров поразительна: в нем свободно может поместиться свыше 2000 человек. Благодаря счастливому расположению основных столпов и массе окон в центральном и малых куполах храм залит морем света. В нем ныне, кроме главного престола, два придельные: южный во имя Св. Петра митр. Киевского; северный в честь пр. Иеремии и прав. Елисаветы, а прежде был еще престол во имя св. Николая в верхней галерее, который уничтожен по случаю оказавшейся трещины в боковых стенах храма. Между северным приделом

77. В Николаевские времена был известен придворный архитектор Монигети. Не он ли под названием «Монижиотти» был строителем нашей церкви?...

и главным престолом впереди соли воздвигнут величественный киот – сень для чудотворного Каплуновского образа Божией Матери. Он представляет собою прекрасную копию Ахтырского киота Растреллиевского стиля, но больше поднят в высоту и поставлен на высоком подножии. Весь облитый светом сверху, изящный и величественный, он производит даже более сильное впечатление, чем Ахтырский его первообраз. Величественность внутреннего вида усугубляется грандиозным иконостасом стиля барокко, перенесенным сюда из упраздненного Успенского Сумского монастыря, о коем мы говорили выше.

Каплуновский храм, освященный почти на рубеже XIX в. представляет собою блестящее завершение в нашем крае Екатерининского классицизма, отразившегося во множестве других, хотя и не столь величественных храмах, созданных благочестивым усердием передовых классов местного населения. Как стиль барокко, так и этот, проявился в нашем крае во всех многочисленных деталях храмовой обстановки: в иконостасах, свящ. сосудах и утвари.

Такова в общих чертах история церковно-архитектурных влияний, проникавших и распространявшихся в нашем крае вместе с первоначальной московской колонизацией и утверждением здесь вслед затем культурных общерусских бытовых форм. Но в том, как от XVI в. слагалась жизнь нашего края, – это только одна сторона дела. Мы указали пока только одно культурное течение, направлявшееся в наш край, – северное, общегосударственное. Обратимся теперь к другой стороне дела, к истории черкасской, массовой, малороссийской колонизации края и к истории народного уклада жизни и посмотрим, какие отсюда вытекали церковно-культурные влияния, отразившиеся на многочисленных и также замечательных церковных памятниках, дошедших до наших дней. Мы уже указывали, что северное культурное течение XVIII в. создавшее у нас свои типичные церковные памятники, не осталось без влияния на это последнее. Это влияние двух течений в области церковного строительства в нашем крае XVIII в. повело к созданию чрезвычайно оригинальных смешанных типов как

архитектурных, так и художественных. Но чтобы выделить в народном творчестве самобытное от привнесенного, необходимо прежде всего ясно определить и уяснить культурный характер основного этнографического ядра, а таковым в нашем крае стали черкасы-малороссы, выходцы из правобережного приднепровья.

V

Черкасские церковные памятники заднепровского происхождения

Положение православно-русского населения юго-западной России под гнетом поляков с XVI в. стало невыносимым. Лишение государственно-социальных прав, обезземеление народа и закрепощение его у шляхты, подавление национальных стремлений и народного духа, стремление ополячить русских и, наконец, провозглашение Брестской унии и гонения на народную веру и православную церковь, – все эти бедствия делали жизнь малороссов в пределах Польского королевства бесконечно тяжелой. Ища выхода из создавшегося положения, малороссы поднимают во главе с запорожскими казаками восстания против поляков, одно ожесточеннее другого. Но видя безрезультатность самостоятельной борьбы с невзгодами, малороссы инстинктивно начинают искать помощи и опоры в единоверном единоплеменном Московско-Российском Государстве. Предупреждая политическое объединение с ним, малороссы уже с начала XVII в. стихийно из пределов правобережного заднепровья в Слободскую Украину, тогда усиленно колонизируемую московским правительством. История отмечает целый ряд таких массовых переселений малороссов в наш Харьковский край в течении всего XVII и начала XVIII вв.: в 1617, 1638, 1645–1647, 1650–1651, 1659 1675 и 1711–1715 гг. Эти переселенцы получают тогда название «черкас».

Не входя в подробности черкасской колонизации нашего края, достаточно уже обследованной⁷⁸, мы остановим свое внимание на церковно-бытовой ее стороне, насколько она могла отразиться на церковном строительстве черкас в нашем крае и на дошедших до нас религиозных памятниках.

78. Мы уже указывали на обширное исследование проф. Д.И. Багалея, нами многократно цитируемое, «Очерки из истории колонизации и быта степной Украины Московского государства», Москва, 1887 г.

С каким церковно-культурным богатством шли в наш край черкасы, откуда и какие именно особенности религиозно-бытовые несли они сюда, какие среди них были главные факторы развившегося здесь церковного строительства, – вот вопросы, решение которых должно уяснить церковно-археологическое богатство, оставленное ими в наследство последующим поколениям.

После провозглашения Брестской церковной унии, когда особенно усилилось гонение поляков на православных малороссов, народный религиозный дух, однако, не только не был подавлен, но вспыхнул с еще большею силой. Теперь православие, хотя и лишенное своего митрополита и многих епископов, государственного покровительства и богатых имуществ, развернуло особенную энергию: точно все, чего оно лишилось, было лишь негодным наростом, истощавшим его силы, и горячее нравственное убеждение, оставшееся теперь его единственной опорой, подняло уровень православной среды южнорусского общества на небывалую высоту. Диакон Павел Алеппский, сопровождавший антиохийского патриарха Макария и оставивший в высшей степени интересное описание своего путешествия, летом 1654 года проезжал через Рашков, Умань и Киев, видел тогдашнюю церковно-бытовую жизнь малороссов и особливое свое внимание останавливал на несомненных и ярких симптомах духовной культурности украинской массы. Всюду в своем описании он отмечает глубочайшее усердие казаков к вере и своим храмам. «Усердие их к вере приводило нас в изумление. Представь себе читатель: они стоят от начала службы до конца неподвижно, как камни, беспрестанно кладут заемные поклоны и все вместе, как бы из одних уст, поют молитвы; и всего удивительнее, что во всем этом принимают участие и маленькие дети. О Боже! Как долго тянутся у них молитвы, пение и литургия. Но ничто так не удивляло нас, как красота маленьких «мальчиков и их пение, исполняемое от всего сердца, в гармонии со старшими». Помимо церковного благолепия, свидетельствующего «о набожности, богобоязненности, благочестии, приводящих ум в изумление», Павел указывает

на шпитали или странноприимные дома, которые «во всей стране казаков, в каждой улице и в каждой деревне, выстроены для их бедняков и сирот, при конце мостов или внутри города, служащие им убежищем, на них снаружи множество образов; то к ним заходит, дает им милостыню». Но, конечно, самое ценное из всех указаний, какие дал нам любознательный диакон, есть, то, какое он оставил на счет развития грамотности в украинском народе времен Хмельницкого «По все земле казаков мы заметили возбуждающую наше удивление прекрасную черту, – говорит Павел, – все они, за исключением немногих, даже большинство их жен и детей, умеют читать и знают порядок церковных служб и церковные напевы; кроме того, священники обучают сирот и не оставляют их шататься по улицам невеждами; после освобождения люди предались с большею страстью учению, чтению и церковному пению»⁷⁹... Все эти факты, отмеченные очевидцем, и притом человеком совершенно посторонним, убеждают нас в том, что в лице малороссов XVII в. мы имеем дело с народом способным к здоровому и сильному развитию.

Для нас представляют особый интерес многочисленные описания Павла Алеппского вещественных памятников православной религиозности малороссов XVII в. Так, в местечке Орадковке он видел великую церковь во имя Св. Михаила: «до сих пор мы не видели в земле казаков подобной ей по высоте и величественности ея пяти куполов. Решетка галереи, окружающей церковь, вся точеная, и колокольня над ее воротами также имеет решетку»⁸⁰. В м. Умани, говорит он, «нас привели в величественную высокую церковь с железным куполом красивого зеленого цвета. Она очень обширна, вся расписана и построена из дерева. Ея серебряные лампы со свечами прекрасного зеленого цвета многочисленны. Над нарфексом красивая звонница. В нем есть высокая решетка, обращенная к хоросу; за нею стоят певчие и поют по своим нотным

79. «Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским» перевод с арабского Г. Муркоса. Москва. Вып. II., 1897 г., с. 2-3.

80. Ibid., с. 20.

книгам: голоса их раздаются подобно грому. В городе девять великолепных церквей с высокими куполами»⁸¹... Еще более подробно он описывает церковь в м. Маньковке: «Мы пошли к великой церкви, что пред крепостью, во имя Св. Николая: так ее называли теперь казаки. В настоящее время они работают над ее куполами. Она из числа самых великолепных церквей по своей архитектуре, величественности высоте и размерам. Внутри ее есть отгороженные места на подобие креста, т.е. оба клироса находятся в углублении. Алтарь благолепный, большой: в нем там, где кафедра (горнее место), стоят четыре огромные деревянные колонны, с резьбой и раскраской, все в позолоте ничем не отливающиеся от кованных (из золота); над ними возвышается род купола. Что касается тябла (иконостаса), то его делают вновь. На обоих клиросах есть места, где стоят священники и певчие: они остались со времен ляхов. Все колонны и деревянные части церкви, а также аналои, на которые кладут книги, покрыты резьбой и позолотой. Над большим нарфехсом есть место с решетками, выходящее на хорос: там стоят певчие и поют с органом. Высота лестницы, ведущей в это место, очень велика. За церковными воротами находится колокольня. Церковный двор окружен деревянной стеной и садиками»⁸². Около м. Лисянки он видел монастырь во имя Св. Троицы: «в его церкви мы видели икону Владычицы в образе увенчаной невесты. По всей же дороге сюда мы видали Ее изображение в виде девственницы, непорочной девы с розовыми щеками. В этой церкви висит также люстра из оленьих рогов»⁸³... В м. Триполье «нас повели, говорит Павел, к находящейся в нем церкви в честь Преображения Господня, великолепной, большой, пространной, и красивой, превосходящей своею красотой, размерами и обилием окон все церкви стран казацких, ибо, когда мы вошли в нее, наши умы были поражены изумлением.

81. Ibid., с. 22. Мы при этом опускаем подробности его описания богослужения в казацких церквах; в них он отмечает чрезвычайное благоговение и молитвенное искреннее усердие молящихся казаков.

82. Ibid., с. 27.

83. Ibid., с. 29-30.

Она очень высока, с двумя входами, с большими стеклянными окнами кругом; имеет купол весьма высокий, широкий, пространный, круглый на восьмигранном основании, на подобие куполов нашей страны, покрытый блестящей жемчужной. Над апсидой алтаря есть другой красивый купол, и еще купол с тремя крестами над дверьми. Что касается божественного алтаря, то он великолепен: тьябла (иконостас) приводят ум в изумление своей высотой и блеском, образами и позолотой. Впрочем, в этой стране не так заботятся о величине распятия (на иконостасе), как греки, но оно превосходно: изображения Иоанна и Богородицы по сторонам его стоят отдельно, под ними не видать досок, и они имеют подобие цельной человеческой фигуры. Двери алтаря великолепные, большие, с сквозной резьбой и позолотой. В этой стране такое обыкновение, что непременно бывает икона Нерукотворенного Образа и всегда над царскими воротами. Над нею постоянно бывает образ Господа в полной фигуре сидящего на троне, в великолепном саккосе и митре: по сторонам Его Иоанн Креститель и Владычица, справа от Него Петр с ключами и пять содрузгов его, а слева Павел с мечом и пять его содрузгов, ибо на всех иконостасах в этой стране их изображают не иначе, как в таком виде, и непременно, из числа двадцати апостолов, Павел изображается перед Петром. Посредине хороса находится деревянный круг с двумя ступенями, покрытый красным сукном; на нем дьякон говорит ектению и читает евангелие. Пол в церкви весь из каменных плит. Она выстроена из сосновых бревен, связанных удивительно искусно. Снаружи кругом нея идет весьма изящный навес с точеною решеткой, с высокими куполами над каждой из двух ее дверей»⁸⁴.

Поражала Павла Алеппского и черкасская иконопись, лучшие образцы которой он увидел в церкви г. Василькова. «Это церковь красивая, высокая; иконостас ее очень велик, подобно иконостасам греческим, но икона Владычицы там большая, великолепная, поражает удивлением умы; подобной мы раньше не видавали и после никогда не видали. Богоматерь так прекрасно написана, что как будто говорит; риза Ея как бы

84. Ibid., с. 38–39.

темно-красный блестящий бархат, – мы никогда не видывали подобного изделия – фон темный, а складки светлые, как складки настоящего бархата. Что касается убруса, который покрывает Ея чело и ниспадает вниз, то тебе кажется, как будто он переливается и колеблется. Ее лик и уста приводят в изумление своею прелестью: им не хватает только слова. Мир Божий над ними! Господь, сидящий на Ея лоне, прекрасен в высшей степени: Он как будто говорит. Как уже упомянутого, я много видал икон, начиная с греческих стран до сих мест и отсюда до Москвы, но нигде не видал подобного или равного этому образу. Казацкие живописцы заимствовали красоты живописи лиц и цвета одежд от франкских и ляшских живописцев-художников и теперь пишут православные образа, будучи обученными и искусными. Они обладают большою ловкостью в изображении человеческих лиц с совершенным сходством, как это мы видели на портретах Феофана, патриарха иерусалимского и других»⁸⁵...Центр черкасской иконописи Павел Алеппский указывает в Киеве: «в этом городе, говорит он, среди казацких живописцев есть много искусных мастеров, которые обладают большею изобразительностью ума в изображении людей, как они есть, также в изображении всех страстей Господних с их подробностями». Икону свободной художественной композиции этих мастеров он видел в иконостасе Киево-Софийского Собора: «по левую сторону от иконы Господа стоит икона Св. Софии, работы мудрого и искусного мастера: в середине иконы церковь с колоннами, при основании которой кругом род свода; над церковью Христос и Его Дух Святой нисходит на нее в сиянии; внизу изображение геенны; кашидьяри (бес) с очень большим носом держит в руке лук и стрелы, подле него множество персиян в кисейных тюрбанах с луками и стрелами стреляют в церковь; толпа франков в своих шляпах и костюмах с ружьями и пушками, из которых они стреляют; все ведут брань против нея»⁸⁶. Иконы подобного же характера усмотрены были Павлом в иконостасе

85. Ibid., с. 41.

86. Ibid., с. 71.

трапезной церкви Киево-Братского монастыря: они изображали страсти Господни⁸⁷.

Как бы в заключение своего обозрения церковно-архитектурных богатств Малороссии Павел Алеппский описывает общий вид одной из лучших церквей края – Св.-Троицкой Густынского монастыря: «Куполов на святой церкви пять: они стоят вместе, в виде креста, средний больше других. Кругом церкви идет навес с решеткой и тремя дверями, над которыми три купола, расположенные параллельно... Ея. Куполы из блестящей жести, и позлащенные кресты испускают светлые лучи. Церковь имеет три внутренних двери, кроме трех дверей внешних. Когда войдешь в большую западную дверь, то церковь представляется в виде закругленного креста: нарфекс внутри его, алтарь насупротив, оба клироса, подобно алтарю, в нишах. По окружности церкви идут формы. Оба клироса четырехугольные с формами, отделенными от других; они стоят посредине и вокруг них два прохода. Архиерейское место, весьма изящное, находится подле правого клироса, а также близ церковной двери в нарфексе есть другое архиерейское место, подобное первому. С края обоих клиросов есть еще два возвышенных места, а в хоросе восьмиугольный помост, покрытый красивым сукном. Место органа, где стоят певчие, очень высоко и красиво и обнесено решеткою. Иконостас и тябла услаждают взоры и изумляют смотрящего. Доселе мы не видели им подобных и равных: ни один человек не в силах описать этот иконостас, его громадность, высоту и обилие его позолоты, вид и блеск. Он поднимается от земли до верхней части большого купола: святые иконы весьма больших размеров, являют крайний предел совершенства: они углублены в ниши, дабы лучше обнаруживалась красота и зеркальный блеск их позолоты. Над нами находится удивительно блестящая рама, в виде карниза, большого размера, так что к ней привешены на блоках лампы. При благолепных иконах Господа и Владычицы есть весьма большие, высокие, толстые колонны с резьбой, которые внутри помы, но кажутся цельными, будучи спаяны с тонким искусством. Их обвивают лозы: золотые ветви с листьями поднимаются вверх,

87. . Ibid., с. 79.

гроздья, одни – красивые и блестящие, другие – незрелые, зеленые, свешиваются, как будто они неподдельное творение Божие; фон гладкий. Колоны возвышаются от земли на высоты роста. Под иконой Господа есть также изображение Его и Его учеников отчетливой работы: Он несет на раменах заблудшего от стада ягненка, а за Ним следует великое множество овец, перед коими пастух, входящий в дверь овечьего загона». В ряду икон этого иконостаса он отличает особенно выдающиеся: «Успения Богородицы, благолепную, позолоченную и новую, Св. Николая Преславного, благолепную, большую, чудеснейшую, работы весьма искусного мастера, который писал эти образа, изумляющие зрителя жизненностью лиц, из цветом и очертанием, как будто это живопись Критских греков. Подле этой святой иконы стоит икона Антония и Феодосия, между коими изображено подобие здания Печерского монастыря, а под ними изображение Св. Девы среди леса в огненном сиянии. Над образом Господа образ Св. Девы, именуемой Платитера (пространнейшей): сын на лоне Ея: Он внутри круга, среди солнечных лучей из золота с выступающими краями, лучи деревянные, но ничем не отличаются от златокованных. Направо и налево от Владичицы ряд двенадцати пророков, кои прорекли о Ней. Над Нею изображение Распятия. Наверху купола написан Господь в Троице, окруженный ангелами и святыми... Резьба царских врат удивительна, позолота роскошная; они сработаны со всевозможным искусством и ничем не отличаются от златокованных, как молния. Кругом их рамы изображены диаконы в стихарях с кадильницами и священники в фелонях. Высота этих дверей и других двух семь локтей. Алтарь, божественная трапеза и ризница весьма обширны и чисты. В алтаре, в церкви и куполе 20 больших окон с превосходными стеклами»⁸⁸.

В таких чертах Павел Алеппский изображает лучшие и выдающиеся памятники тогдашнего религиозно-художественного творчества заднепровских черкас. Несомненно, сельские и бедные храмы у них повторяли тот же тип только в меньших и судных формах.

88. Ibid., с. 88-89.

Эти чрезвычайно интересные и ценные описания воспроизводят пред нами церковно-культурный быт заднеровских малороссов – черкас, составлявших хотя и главенствующий, но еще не полный контингент, колонизовавший в XVII в. наш край. Павел Алеппский не упоминает о Запорожских казаках, которые также крупными массами заселяли Слободскую Украину, внося в нее и свое церковно-культурное богатство. У себя, в своих знаменитых Свечах, они еще интенсивнее проявляли обще-черкасское религиозное одушевление и преданность православно-народной вере.

По словам известного исследователя Запорожья Д.И. Эварницкого богослужение у запорожских казаков совершалось каждый день «неотменно» по монашескому чину восточной православной церкви. Церковь, по крайней мере, Сечева, всегда отличалась благолепием, дорогою ризницею и богатеишею церковною утварью, превосходнее которой, по замечанию очевидца, во всей тогдашней России едва-ли можно было встретить. И точно: царские врата в церкви последней сечи были вылиты из чистого серебра, иконы горели золотыми шатами, а лики икон писаны были лучшими византийскими художниками, священнические ризы кованы чистейшим золотом, священные книги обложены массивнейшим серебром с драгоценными камнями⁸⁹. Во время богослужения запорожцы держали себя в высшей степени чинно и благопристойно: чтобы не нарушать тишины, войдя в церковь, они размещались соответственно чинам, по разным местам, т.е. кошевой атаман, судья, писарь, есаул и несколько почтенных стариков за особыми местами, так называемыми, бокунами или стасидиями, великолепной резной работы, окрашенными ярко зеленой краской, стоявшими с обеих сторон у стены, разделявшей церковь на две половины. При чтении евангелия все казаки приходили в движение, стройно выпрямлялись во весь рост, брались за эфесы и вынимали лезвия до половины из ножен, в знак готовности защищать оружием Слово Божие от врагов Христовой веры. При богослужении

89. Д.И. Эварницкий. Запорожье в остатках старины. СПб. 1888 г. I-85, II-48-51, 191-113.

запорожцы особенно любили пышность и торжественность, для чего содержали целый хор певчих, как старшего возраста, так и младшего. У запорожских казаков, как людей воинского звания, известные святые и праздники пользовались особым уважением пред прочими; таковы: Покров пресв. Богородицы, Архистр. Михаил и Николай Чудотворец.

Своеобразны были у них памятники церковного зодчества, начиная от походных церквей, малых и убогих и кончая великолепнейшими храмами с легендарной славой. Так, на Романковом кургане в 1740 году была выстроена первая церковь во имя св. Николая: она сделана была на колесах, могла передвигаться с места на место и по внешнему виду походила «на хливynu». Вторая церковь была построена здесь же из соснового дерева, покрыта гонтом, на вид была очень низка, «прысадкувата, печерычкою», с некрашеными стенами, одним куполом; при ней стояла деревянная колокольня до 15 сажень высоты, с пятью башнями, крыта гонтом, также некрашенная. На каждой из четырех сторон колокольни стоял ангел на жестяном с петлями, как бывает в дверях, прут, с трубой, вставленной в левую руку ангела и приложенной ко рту. На средней башне поставлен был апостол Андрей с крестом в правой и со свитком в левой руке, на котором сделана была надпись: «на сих горах процветает благодать Божия». При движении ветра все четыре ангела поворачивались из стороны в сторону, отчего трубы их издавали звуки: «витер двери ганяе, а воно й грае».

В Камянке же, напротив Новаго-Кодака, была устроена церковь во имя Преображения Господня. По отзыву современников она была «как снесарко гарно отделана, так и малярско иконами богато украшена; при ней было четыре священника и два диакона». Первая церковь в г. Самаре (теперь Новомосковск) была построена скоро после того, «как запорожские казаки вернулись из-под тур-царя», т.е. после 1734 г. Это была небольшая деревянная церковка, переделанная из простой хаты с выведенным на ней вторым верхом, крытая камышем

и увенчанная простым железным крестом⁹⁰. Великолепнейшая же казацкая церковь устроена здесь была в 1778 г. во имя св. Троицы; по красоте обширности и своеобразию считалась она чудом на все Запорожье. Свои храмы запорожцы одаряли драгоценными дарами, в том числе для церковных покровов казацкими поясами красного персидского сырца⁹¹. Особенную черту у казаков составляла их постоянная любовь и тяготение к монастырям. Запорожцы находились в живой связи с Киево-Межигорским монастырем: оттуда они получали в Запорожье иноков священнослужителей, туда же посылали богатые жертвы. Наконец в конце XVI в. они устроили свой Запорожский монастырь под именем Самарского Пустынно-Николаевского, сделавшийся любимую святынею Запорожья и желанным местом убежища от мира на старости лет.

Во время усилившегося после Богдана Хмельницкого стихийного движения черкас и запорожских казаков в Слободскую Украину все богатство их самобытно-культурной жизни переносилось на новую родину, насколько это возможно было по условиям тогдашнего бедственного для Заднепровья времени. Они шли в наш край не с пустыми руками, но со всем тем добром, какое могли захватить с собою. Среди бедствий, раздиравших тогда Заднепровье, «в городах правобережных счетом люди остались, толпами бегут пешие на левую сторону в наши города», читаем мы в одном донесении. Из больших и малых городков, из сел и деревень шли обозы с возами, нагруженными прочанами (так назывались переселенцы), их семьями и пожитками. По расспросу казака нежинского полка Гаврила Тимофеева «в Каневе, Черкасах и в других местах на перевозах беспрестанно идут люди с той стороны Днепра на эту с женами и детьми на жительство к Ахтырским и Сумским слободам и к другим лесным местам»⁹². Однажды Дорошенко встретил более 10.000 прочан, направлявшихся из Побужья и Поднестровья обозом на левый

90. Д.И. Эварницкий. История запорожских казаков. Москва. 1900 г., с. 371, 381, 386.

91. Ibid., с. 376–377.

92. Акты Ю. И З. России, XI, 656.

берег Днепра. Стремление к выселению из-за Днепра было так сильно, что даже польская военная сила не могла его сдерживать: переселенцы двигались также вооруженные и отбиваясь от жолнеров ружьями и даже пушками, пробивали себе путь в новое отечество. Театром опустошительных походов в то бурное время была главным образом Киевщина, а также Побужье. Оттуда именно и шли главные массы переселенцев в Слободскую Украину. Гетман Самойлович доносил Московскому правительству: «все жители ржищевские, каневские, корсунские, стороборские, мошенские, грабовские, белозерские, тегановские, дробовские, черкасские согнаны на его сторону (в левобережную Украину) и от неприятеля отстранены, а города и села и местечки и деревни их, где они прежде жили, на той стороне все без остатка выжжены»⁹³. Они составили главный контингент поселенцев в нашем крае. Рядом с этим в наш край направлялись переселения и из других, даже отдаленных пределов Речи Посполитой, напр. из Варшавского повета, Киевского Полесья и Западно-Русской Вильны. Наконец третья волна переселенцев двигалась в наш край из гетманщины-Черниговщины. Отсюда черкасы шли в наш край, прельщаемые свободными и привольными заимками. Во главе прочан шли на заселение нашего края казацкие полковники и старшины, знатные дворянско-малороссийские фамилии Захаржевских, Кондратьевых, Лесевицких и многих других, духовные лица и иноки «которые не заместившиеся у малой России, и далее за границу, у великую Россию пустивши, многие пустые земли, даже за р. Донец и Дон великими городами и селами густо населили; которых Царское Величество разделил на пять полков и поставил полковников в Сумах, Ахтырке, Харькове, Изюме и Рыбном, позволивши им судится своими правам и надал волности яко и войску Запорожскому, и так небы муром (стеною) оградил против татар людом довольно звичайным и военным»⁹⁴. Московское правительство охотно и с радостью принимало на свою окраину новое население; щедро одаряло его землями и угодьями, правами самоуправления на

93. Д.И. Багалей. Очерки по истории

94. Архиеп. Филарет. Истор. ст. опис. I, с. 7.

началах казачества и даже оказывало ему в весьма многих случаях материальную помощь для первого обзаведения. Правительство требовало от черкас только вооруженной защиты окраины против крымских татар.

Не последнюю роль в колонизации нашего края играли черкасские священники, часто становившиеся во главе переселенцев и с усердием обстраивавшие новые селения храмами Божиими. Таков был в половине XVII в. священник Чижевский, который вместе с своими черкасами вышел из-за Днепра, населил часть г. Лебедина и был строителем самого древнего в нашем крае и сохранившегося до наших дней св. Николаевского храма. Одним из первых «осадчих» в прежнем городе Алешне во второй половине XVII в. был священник Петр Андреев из местечка Польской стороны Браилова: он бежал оттуда из-за гонения униатского, забравши с собою приходские святыни.

В конце XVII в. некий священник Склобинский из-за Днепра привел черкас и поселился с ними в Ольшаной (Харьк. у.) и был строителем здесь одной из древнейшей в крае Николаевской церкви.

В Феврале 1747 года священник Григорий Зиновьев писал к архипастырю: «1728 г. Января 9 рукоположением первые Далматии и св. горы Афонские Просвященного Хрисанфа епископа, посвящен я в Белоцерковский уезд в местность пана Станислава Яблонского в село Качальник к церкви св. мученицы Параскевы и служил я до 9 Дек. 1745 г. и от нестерпимого гонения от тамошних униатов, что учили принуждать меня к своей уницкой вере, которой принять я не пожелал, за что они униаты, отобрав все мои пожитки, хотели меня убить до смерти, а попадью и детей позабирать в Польшу; я видя таковую похвальбу принужден оставя ту Пятницкую церковь и дом свой, в ночи тайно с попадею и детьми бежал в Россию, где господин караульный капитан дал мне билет Ахтыр. полку села Писаровки в местности Бунчуковаго товарища Василия Ивановича Кобеляцкаго, обыватели атаман Семен с прочими просят меня к их церкви св. Иоанна Воина для служения»...

В 1686 году Дергачевский поп Иаков подавал челобитную о даровании ему руги, в коей писал: «в прошлых годах был он в Чигирине у соборные церкви чудотворца Николая в верхнем замке протопопом. И как Чигирин город разорился, и он после того разорения для покормленья бил челом в Белгороде преосвященному Мисаилу митрополиту, чтоб отвел место, где построить церковь. И он вновь церковь построил во имя Рождества Пресв. Богородицы. А ружного жалованья и по се число не давно»... Главная роль священника в построении первых церквей в колонизационный период доказывается свидетельством церковных летописей о многих храмах, что они «построения попова».

Переселялись в наш край и иноки Заднепровские. Так, Иоанникий, игумен Троицкого монастыря, прибыл из-за Днепра в Ахтырку со всею братиею своею в числе 40 человек, с утварью церковною, с книгами и даже колоколами. Лебединский монастырь их за Днепром был сожжен; уния и иезуиты гнали детей православия в гроб. Оставалось бежать, куда только можно было бежать. Бедные странники по царской воле получили для основания обители прекрасную гору Ахтырь с прилегающими к ней пустошными землями. Это было в 1654 г.

Черкасы – колонизаторы приносили из своей прежней родины в наш край самые разнообразные и многочисленные памятники своей церковно-культурной жизни, и прежде всего свои семейные святыни и лучшие принадлежности своих прежних храмов. Следы и остатки этих занесенных в наш край религиозных сокровищ мы находим повсюду в храмах и у частных лиц. К числу их, несомненно, принадлежат пользующиеся местным почитанием Ченстоховские иконы Божией Матери. Одна из них составляет древнюю святыню Вознесенского Хорошева монастыря. Она значительных размеров, древнего письма с подписью на славянском языке. Принесена она была первым поселенцами села Хорошева – черкасами – выходцами из Варшавского повета. Другая такая-же икона находится в Успенской церкви сл. Верхней Сыроватки, Сумского уезда. По своему письму она очень древней работы. При основании

этого села она была принесена в бывшую старую деревянную церковь одним польским шляхтичем по имени и фамилии неизвестным, из Ченстохова. Особенно много было принесено в XVII в. в наш край чтимых икон Божией Матери и Св. Николая Чудотворца, слывших потом в храмах главными святынями. Замечательнейшая из них в Успенской церкви сл. Балаклеи, Змиевского уезда – икона Божией Матери Кипрской (в местном наречии Скифской). Она малорусско-греческого письма на золоте, по всем деталям изображения и характеру работы должна быть относима к XVI в.: в Балаклею принесена из-за Днепровья черкасами в первой половине XVII в. Первыми черкасскими иноками бывшей в XVII–XVIII вв. Аркадиевской пустыни (Волчанского уезда) была принесена Аркадиевская икона Божией Матери и весьма редкая по письму икона св. Николая Чудотворца писанная на камне.

Величайшая святыня Харьковского края Озерянская икона Божией Матери, по предложению Архиеп. Филарета, также Заднепровского происхождения. «Она, по его словам, писана на холсте кистью древнего малороссийского художника; на холсте приметны еще складки – следы путевого хранения святыни. Все эти особенности подают мысль, что святая икона писана одним из страдальцев православия, орошавшим слезами молитвы изображаемый им лик Богоматери и взывавшим о помощи небесной для гонимых чад православия, и что она принесена была из-за Днепра»⁹⁵. Проф. Е.К. Редин не находит достаточных данных для этого последнего заключения. Мы же полагаем, что заднепровское происхождение иконы доказывается древнейшими копиями ее, одна из коих имеется в Епархиальном Церк.-Арх. музее⁹⁶, в которых отмечается характер украино-молдавской иконописи.

В сл. Андреевку, Змиевского уезда, в половине XVII в. была принесена для храма черкасами характерная для южно-русского иконописного мастерства икона Благовещения. На ней Богородица изображена сидящею на троне. У нее

95. Архиеп. Филарет. Ист. Стат. Опис. Харьк. епархии.

96. № 427.

округлое красивое лицо. Голова Ее покрыта белым покрывалом, спускающимся на плечи и идущим вокруг шеи. Одета Она в красивый зитон препоясанный и в голубой гиматий. Сзади нее балдахин с красивым верхом и зелеными завесами. Пред Богородицей стол, на котором сосуд с букетом цветов и книга, раскрытая на словах: «Величит душа моя Господа возрадовася дух мой»... Слева Архангел Гавриил, на котором, как на диаконах западных икон, три одежды: нижняя длинная зеленая, верхняя короткая желтая и поверх малиновая с золотыми обшивками по краям, сдерживаемая на груди фибулой. Правую руку он поднимает вверх, а в левой держит лилию. Верхняя часть иконы окрашена в желтый цвет. На ней Бог Отец и Св. Дух в виде голубя. По обеим сторонам по паре херувимских головок на облаках⁹⁷. По характеру работы (замечательная выписка всех деталей, правильность фигур), по композиции, по особенностям костюмов и другим некоторым деталям – икона совершенно в духе древне-немецких картин XVI–XVII в. В действительности же она, вероятно, представляет подражание таким иконам и писана, как полагает проф. Е.К. Редин в XVII в. Мы отметили в подробностях особенный характер этой занесенной к нам иконы в виду того, что она, как и другие подобные, создавали у нас, среди слободских черкасов, вкус к подобного рода творчеству и давали направление работам местных иконописцев. Из-за Днепровья же проникает в наш край и становится здесь очень распространенной икона Лоретской Божией Матери. Русские могли познакомиться с этим католическим образом не раньше XVI в. Впервые они, по-видимому, узнают о Лоретском храме и его святыне после 1524 г. при папе Клименте VII, который рекомендовал московским послам проехать в Лорету и осмотреть дивный храм. Тот же папа, по предположению проф. А.И. Кирпичникова, позаботился о том, чтобы им передана была его чудесная история, которую послы записали и привезли на Русь, где она и начала бродить по сборникам XVI–XVII в.⁹⁸. В Слободской Украине эта икона

97. Университетский Музей. Отдел церк. Древностей, №109.

98. Е.К. Редин. Каталог выставки XII Арх. Съезда в г. Харьове. Отделе церк. Древностей. Харьков. 1902., с. 35 примеч. 1.

распространилась непосредственно чрез Польшу, как на то указывает живописный стиль списков ее. Она в древнейшие времена имелась в церквах сл. Котельвы, Млинках, Ахтырского уезда, Лихачевки, Богодух. у., Алешни, Лебед.у. и др. Чрезвычайно ценными памятниками являются иконостасные и главным образом «местные» иконы, во множестве принесенные в наш край черкасами из прежней своей родины. Не имея возможности забирать с собою на новое поселение громоздкие иконостасы, черкасы часто перевозили с собою лучшие, художественнейшие и драгоценнейшие иконы первого яруса – Спасителя, Божией Матери, престольную и чтимого святого. Установленные в новом храме нашего края, они с первых же времен и до настоящих дней пользовались среди населения славой «прадедовских», «казацких» – принесенных из-за Днепра. Из числа многих таковых укажем на некоторые. Первое основание Георгиевскому храму г. Валок положили в половине XVII в. казаки, пришедшие из Мошурова рога, что при Днестре, принесшие с собою утварь церковную, ризницу и четыре главных иконы из иконостаса своей прежней церкви. Иконы на золотом рельефном фоне чистого украинского типа киевской иконописи тогдашнего времени. Теперь они находятся в храме этого же имени, но позднейшей постройки (1797 г.) и на другом месте. Как заветная старины почтенной, они помещены в храме на особо почетном месте – в алтаре за престолом в особых киотах. Несомненно заднепровского происхождения четыре иконы «местные» имеются в Николаевском храме сл. Ольшаной, Харьковского уезда, – это образа Спасителя, Божией Матери, Св. Николая Чудотворца и Св. Вм. Варвары. Они написаны на липовых досках по золотому рельефному фону. Поясные изображения на них почти в натуральную величину. Характер работы поражает тщательностью, отделанностью и пышным нарядным убранством. Техника иконы носит явно черкасский стиль. Однако в манере изображения ликов, одеяний и в собственности наряда великомуч. Варвары сильно сказывается католическое влияние. Сравнительно с этими иконами Валковские более выдерживают строгий стиль традиции. При подробнейшем

анализе древнейшей черкасской иконописи в нашем крае можно усмотреть наибольшую стойкость в сохранении иконописных традиций у Запорожских казаков, а наибольшее уклонение от них у рядовой массы черкас. Это основные принесенные к нам иконописные течения потом сказались и в направлении местной слободско-украинской иконописи.

Вместе с отдельными иконами черкасы привозили в наш край даже целые иконостасы, если таковые были небольших размеров. Так в 1732 году Грайворонский священник Прокопий писал, что его отец служил в Золочеве сперва при Троицкой, а потом при Богоявленской церкви, и что заботливостью отца его приобретены для церкви 4 колокола, а пятый привез он с собою из г. Машурова, и еще привез иконостас, напрестольную сень и богослужебные книги⁹⁹. Как из данного документа, так и из других источников видно, что в то время привозилось черкасами немало церковных колоколов, конечно, небольших размеров. Так, в старинной описи Николаевской церкви сл. Синолицевки, Харьк. у., упоминаются 4 колокола старо черкасские: все с деревянными колодками железом окованными, заднепровского происхождения.

Кроме вышеуказанных предметов, черкасы привозили в наш край из прежних своих храмов весьма много крестов металлических и кипарисовых, напрестольных и молебных и священных сосудов, из коих некоторые были изделиями высокохудожественного мастерства. Едва ли не самым древним из этих предметов является замечательный серебряный крест, очень значительной длины, по надписи устроенный в 1546 году и принадлежавший знаменитому Черниговскому полковнику, впоследствии гетману, Павлу Полуботку, и им «наданный» в Рождество-Богородичную церковь с. Михайловки, Лебед. у. Из множества других таких крестов, сохранившихся до наших дней, упомянем о кресте Троицкой церкви сл. Котельвы. Он четырехконечный, серебрянный, позлащенный, прекрасной работы XVII в., несомненно, по западным образцам. Вывезен из-за Днепровья, где принадлежал какой-то церкви Успения.

99. Архиеп. Филарет, *Ibid.*, II, 134–135.

Изображения сделаны гравировкой по серебру. На одной стороне изображен Христос, стоящий в реке со сложенными на груди на крест руками. У Христа небольшая остроконечная раздвоенная борода. По концам перекрестья с одной стороны Св. Иоанн Предтеча, с другой Архангел Михаил с ветвью в руке. Над Христом рельефное изображение Св. Духа в виде голубя. Надписи такого содержания: «Дх Сты крещается Исоус мой во иорданстей реце леге, просвещая всю тварь»; над Предтечей: «стый Иоан предтеча креститель гдн раба»; над Ангелами: «Арханге Михаил»; в нижней части креста: «нада сей крест раб божий Григорий Попович до храму Оупсения Прстой Бцы за отпущение грехов». На оборотной стороне тем же способом изображено Распятие Христа на семиконечном кресте; в верхней части креста Успение Богородицы, в обычном переводе, в нижней части головка Херувимская, в перекрестье, по сторонам креста Богородица и Иоанн печалующийся. Каждый конец креста заканчивается тремя полукругами. Ручка креста вставляется в основание подножия серебряного, на котором орнамент в виде медальончиков¹⁰⁰. Крест с древних времен хранился в Троицкой церкви сл. Котельвы, Ахтырского у. Предание говорит, что крест поступил из дому гетманского. Из гетманов Поповичем назывался несчастный гетман Самуилович. Сын его Григорий, полковник Черниговский и герой отчизны, по проискам Мазепы, заклятого врага его, лишен был головы в Путивле; а жене и сестрам его дозволено было жить в Малороссии. По Предположению Архиеп. Филарета эта-то несчастная, осиротелая семья подала крест с молитвою за раба Божия Григория.

Из дошедших до нас древних свящ. сосудов потиров и дарохранительниц многие носят признаки Заднепровского своего происхождения: из таковых потиров одни древнейшей и примитивной формы XVI–XVII вв., а другие позднейшего мастерства западноевропейского. К числу первых надобно отнести оловянный массивный потир, принесенный некогда в Преображенскую церковь г. Белополья¹⁰¹. Первобытная

100. Епарх. Церк. Арх. Музей, № 96-й.

101. Епарх. Ц.-арх. Музей, № 107.

примитивность его выражается в гладком поддоне, ровной массивной ручке и в большой воронкообразной глубокой чаше. В коллекции потиров Университетского и Епархиального Музеев это экземпляр единственный по типу и грубой простой работе. Привезен был черкасами из-за Днепровья в с. Юнаковку, Сум. у., оловянный потир, обыкновенной формы, но больших размеров: выс. 15 ½ см., диаметр чаши – 13 см., основания – 13 см. По стенкам сосуда в медальонах и гравировкой, покрытой черной краской: Христос Вседержитель, Иоанн Предтеча, восьмиконечный крест. Между медальоном Херувимские головки, звезды. Низ подножия медный, как и средняя часть ручки. По верхнему бордюру чаши: «имя гдне призову чашу спасения приму». Несомненно вывезен был в XVII в. из-за Днепра. Потир, находящийся в настоящее время в Соборной церкви г. Изюма. Это – сосуд серебрянный, весь позолоченный, оригинальной формы католических церквей. Сама чаша продолговатой формы. Ручка небольшая. На ней, как и на противоположном цилиндре, орнамент словно выгравирован, вернее вычеканен. Характерен орнамент по подножию, представляющему собою блюдце в обернутом положении, состоящий из Херувимских головок с широко распростертыми крыльями, и цветочных рельефных гирлянд. По бокам сосуда изображения также католического характера, – гравировкой в медальонах: 1) крест восьмиконечный с копьем и губкой, венцом теновым, петухом на колонне и видом города, 2) Христос в бассейне, прикрытый лишь по чреслу; из рук и из ребра течет кров: лицо грубоватое, 3) Богородица на луне со скрещенными на груди руками: Ее грудь пронзена семью мечами. По бордюру надпись: «Сей путир ко чтному и животворящему кресту Христову тело Христово примете источника безсмертнаго вкусете алуя».

К числу привезенных из гетманщины исторических реликвий принадлежит также еще и другой драгоценный памятник, связанный с именем знаменитого гетмана Полуботки. Это – серебрянный позолоченный потир оригинальной формы. Самый сосуд продолговатой формы соединен с подножием при посредстве шести металлических полукруглый завитков,

передняя сторона которых украшена литыми человеческими фигурами в бюст. По стенкам сосуда снаружи прорезной цветочный орнамент с четырьмя выпуклыми медальонами, на которых гравировкой сделаны весьма мелкие изображения: Поклонение волхвов, положение Христа во гроб, Воскресение Христово, Преображение; между медальонами среди прорезного орнамента различные орудия страстей. Подножие украшено рельефным орнаментом в виде завитков аканта и шестью Херувимскими головками. По бордюру подножия гравировкой вырезана следующая надпись: «Сей келих справлен коштом Его милости пана Павла Полуботки Полковника войска Его Царскаго Пресветлаго Величества Запорожского Чернеговского...И надан до храму Вознесения Господня церкви Застри...женско Чернеговской року 1713 месяца апреля 4 дня». В настоящее время эта историческая и художественная драгоценность находится в ц. Сл. Михайловки Лебединского у., поступившая сюда из семейства гр. Капнист.

Значительное церковное богатство, привезенное из за Днепровья, составляли также многочисленные старопечатные богослужебные книги, как-то: Библии, напрестольные Евангелия, Требники, триоди и трифологии и проч. Евангелия были в разнообразных окладах металлических и бархатных. На многих и этих книг имеются по листам внизу длинные дарственные записи, связанные с заднепровьем. В этом отношении чрезвычайно интересно Евангелие Львовской печати 1636 г., находящееся в Харьковском кафедральном соборе. Начиная со 2-го листа Евангелия по низу его идет следующая сделанная от руки надпись, немного поврежденная обрезом переплета: (Молитвами) Преблагословенной владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии и всех святых. Аминь. Сию книгу рекома Евангелие напрестольное... Борзенский обыватель Плисецкий до Храму святого архистратига Михаила церкви Плисецкой в Маестности... старосты Рожанского хоружного Коронного надворно кроля его милости отменил за отпущение грехов своих жонке своей на имя Екатерины и дочки его Пелагеи и всех родичов его имае лежати на трапези Господне

не порушна...1648 месяца февруария господня двадцать третьяго дня на святого Священномученника Поликарпа». Дальнейшая другая надпись гласит, что после погребения Арх.-Михайловского храма в селе Плиссках это евангелие отдано в церковь Успения в 1659 году «при Тимофее атамане Харьковском». Звезденные книги – различных изданий, времен и типографий. Имеются даже редкие издания Уневские, Острожские и Михаила Слезки. Наибольшую библиографическую ценность представляют экземпляры Библии Острожского издания 1581 г. (в Покровском монастыре г. Харькова, сл. Ольшаной Харьк. у., и в др.).

Наконец, к числу церковных памятников старочеркасских времен, явившихся из Малороссии в наш край в эпоху его заселения, надобно отнести во 1-х дарованные гетманами свящ. облачения и во 2-х покрывала заднепровского происхождения. Сохранились до наших дней великолепные дары гетмана Ивана Мазепы: это – в церкви сл. Каплуновки, Богодух. у., священническая риза зеленого бархата с вышитым золотым оплечьем и епитрахиль красного бархата с таким же шитьем и в бывшей Николаевской церкви зашт. г. Недригайлова – плащаница на синем шелку, обшитая в последнее время коричневой шелковой каймой¹⁰². По обычаю запорожских казаков и слободские первые черкасы жертвовали в свои храмы покрывала из материй вывезенных из-за Днепровья. Так, в Рождество-Богородичной церкви сл. Юнаковки, Сум. у. сохранились покрывала для аналогиев из полущелку, расцвеченного полосами голубыми между красно-желтыми. Подобные ткани делались в Луцке Волынской г. и служили национальными поясами. По мнению проф. Е.К. Редина, пелены оттуда вывезены черкасами, заселившими Юнаковку¹⁰³. На покрывала же жертвовались черкасами и татарские пояса, добытые ими по всей вероятности в боях. Так, в Николаевской церкви сл. Спесивки, Изюмского уезда, сохранилось от первых времен заселения края три пояса великолепного персидского шелка: малинового, желтого и красно-желтого цветов, при чем

102. Епарх. Церк.-Арх. Музей, № 245.

103. Университет. Музей. Церк. Отдел, № 558.

последний с мелкими восточными рисунками, составленными из звездочек черных, красных и голубых и напоминающими персидские инкрустацию и кафельные изразцы¹⁰⁴.

Из всего вышеприведенного видно, что Юго-Западная, заднепровская церковь наложила резкую печать на церковно-общественную жизнь Слободской Украины. Это влияние оказалось столь сильным и прочным, что просуществовало 2 ½ века и многие пережитки его можно наблюдать еще даже и теперь. По словам проф. Д.И. Багаля, выходцы из правобережной Малороссии приносили с собою на слободы свои «старочеркасские обыкности», т.е. старинные малороссийские обычаи в числе их видное место занимали их церковные особенности. Среди же этих последних на первом месте следует поставить живое участие мирян в церковных делах, нашедшее себе выражение в выборе прихожанами священно и церковнослужителей и в учреждении братств, школ и шпиталей (т.е. богаделен). Все это было перенесено и на новые места их жительства и заботливо охранялось ими в качестве старинного дедовского и прадедовского церковного обычая. Как мы видели выше, черкасы переселялись в наш край вместе со своими прежними священниками и дьячками. Да и на первых порах приходы приглашали к своим новым церквям священно церковнослужителей исключительно «малороссийской породы». А эти последние, конечно, были самыми верными и строгими проводниками церковно-народных традиций. У Заднепровских черкас церковно-художественная культура представляла собою вполне уже выработанный и установившийся тип с задатками дальнейшего развития. Этот церковно-культурный дух черкасов отразился на всех сторонах новоустроенной их жизни в Слободской Украине.

Конечно, наиболее интенсивно он выразился прежде всего в построении церквей в новых черкасских поселениях нашего края и во всем связанном с этим строительством: в самом архитектурном плане церквей, в характере живописи украшавшей их, в иконах, иконостасах, и вообще в многочисленных предметах

104. Епак. Церк.-Арх. Музей, № 352–354.

церковного ритуала, религиозного искусства и художественной индустрии.

VI

Памятники церковного строительства слободских черкас XVII–XVIII вв.

Черкасы быстро заселил Харьковский край. Главные пункты скоро превратившиеся в города были ими заселены в половине XVII в. Кроме городов, обязанных своим возникновением Московской колонизации, хотя вскоре и занятых исключительно черкасским элементом, – Чугуева, Цареборисова, Алешни, Валок, Вольного, и Недригайлова, – остальные были устроены и заселены черкасами в следующие годы: Харьков – в 1654–1655 под предводительством первого осадчаго Ивана Каркача¹⁰⁵, Изюм – в 1663, Змиев – в 1683–1657, Богодухов в 1654–1667,¹⁰⁶ Лебедин – в 1658, Сумы – в 1652, Ахтырка – в 1654, Купянск – в 1662,¹⁰⁷ Волчанск – в 1654, Белополье – в 1671, Славянск (Тор) в 1676 и Старобельск – в 1686 г. В это же время вокруг их быстро расселялись черкасы, занимая свободные земли «заимками» и устраивая слободы и хутора. Окончательно черкасы колонизовали край в период времени с 1652 по 1712 год.

Местность Слободской Украины, где поселились черкасы, была открыта для татарских набегов. Это обстоятельство заставляло переселенцев спешить с постройкою хоть каких-нибудь укреплений. Иногда поэтому должны были возникать у черкас временные ограды. Постройка настоящего города и городских укреплений далеко не всегда совпадает с появлением в том или ином урочище малороссиян. Постройка города и укреплений обыкновенно происходила под руководством

105. Имя этого человека даже не упоминается в переписи харьковских жителей 1655 г. Зато значится атаман Кривошлык, который и был осадчим города Харькова. (Прим. редколлегии).

106. Богодухов основан 4 апреля 1666 г. жителем г. Ахтырка Карпом Борзиленко (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. Ед. хр. 599. Лл. 745-749. Прим. редколлегии).

107. Купянск основан черкашенином Иваном Трофимовым в 1675 г. (РГАДА Ф. 210. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. Ед. хр. 1530. Л.96. Прим. редколлегии).

присланного воеводы – иногда трудами и иждивением одних переселенцев, а иногда при содействии других слободских казаков или великорусских служилых людей. Слободы обыкновенно устраивались одними черкасами. На первых порах, как полагает проф. Д.И. Багaley, воевода считался необходимым представителем центральной власти и руководителем в деле постройки укреплений. Впоследствии же роль воевод начинают играть представители местного казачьего управления – полковники. Фактически же заведовали постройкой и заселением новых городов и слобод всегда «осадчие». Несомненно, что такие осадчие были в каждом вновь возникающем городе или слободе. Большое значение осадчих рельефно проявляется, напр., в разрешительном письме, данном на имя Волчанского осадчего Старочудного. Ему было разрешено «построить город, заселить слободы, села и деревни, учинить крепости около города от прихода воинских людей и по причинным местам сторожи»¹⁰⁸.

Из первых черкасских осадчих нам известны некоторые обширную свою колонизаторскую деятельностью на значительной территории. Замечательны были труды в этом отношении Балаклеяского полковника Якова Черниговца, Харьковского полковника Григория Донец-Захаржевского, Сумского полковника Герасима Кондратьева и Изюмского полковника Федора Шидловского. Устраивая города, заселяя урочища вызываемыми переселенцами, они всюду в основу новых поселений создавали храмы Божии. Конечно, главными строителями храмов они были прежде всего в своих собственных обширнейших владениях. Очень рельефно изображена колонизаторская деятельность полковника Герасима Кондратьева в прошении сумских старшин на Высочайшее имя в 1731 году: «В прошлых годах Герасим Кондратьев пришел из-за днепровских городов под Высокодержавную руку блажения и вечно достойные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея великие и малые и белые России Самодержца и осел жить на пустом месте промеж Белгородской и Путивльской чертежи над рекою Сумкою, которыми местами

108. Д.И. Багaley. Очерки по истории колонизации, с. 442–443.

хожевали крымские и нагайские татары под украинские и великорусские города для разорения и призвал он Герасим Кондратьев дедов и отцов и родственников наших и других многое число из Заднепровских и из гетманских городов жителей по верности Российскому государству и населил первые город Сумы, а потом к городу сумам многие города и села и деревни и устроил полки и монастыри и церкви Божия; и за то он Герасим Кондратьев в том городе Сумах полковником»¹⁰⁹...Усердие его в устройстве храмов было чрезвычайно. Так, он основал и обстроил под г. Сумами два монастыря: мужской Успенский (ныне с. Малая Чернетчина) и женский Иоанно-Предтеченский (сл. Лука), в городе Сумах устроил Преображенский Соборный и Николаевский храмы, а также в своих владениях – в селах: Старом, Хотени, Локне и Вирах. Ревностным храмоздателем был и Харьковский полковник во второй половине XVII в. Григорий Иерофеевич Донец-Захаржевский: ему обязаны возникновением Куряжский монастырь и первые храмы в селах его владений – Должике, Рогозянке, Новой Водолаге, Малой Водолажке, Старой Водолаге и Песочине. Изюмский полковник Ф.В. Шидловский был строителем каменного соборного храма в 1678 г. в Святогорском монастыре, а также храмов в с. Гнилице (Ивановке), Старом Мерчике и др.

Благочестивые и преданные своей вере черкасы при устройстве своих новых поселений также проявляли интенсивную деятельность в храмоиздательстве: в этом деле во главе их стояли осадчие, старшины, сотники и особенно, как мы уже говорили, Заднепровские священники. Поселяясь возле укрепленных городков, большею частью на так называемых «подолах», они одновременно с крепостными храмами возводили свои подгородные, посвящая их тем святым, в честь которых были их Заднепровские храмы. Таким образом уже при первом устройстве в нашем крае городов появлялось в них сразу три, пять и больше храмов. В Харькове, основанном в 1654 году, уже в 1659 – существуют кроме Соборного Успенского храма еще Благовещенский и Троицкий, а в 1663 – Михайловский,

109. Харьк. истор. архив, Дело Малорос. Коллегии № 12224.

Рождественский и Николаевский. В то тревожное время безопасность таких храмов обеспечивалась крепостными силами этих городов. Но черкасы не боялись возводить храмы и во всех своих селениях, хотя бы удаленных на значительное расстояние от укрепленных городов и стоявших на татарских сакмах: эти свои селения черкасы превращали в малые крепостицы, придавая защитный и боевой характер даже своим церквям и особенно колокольням. Бывало иногда, что черкасы свое сельбище с первого занятого места потом переносили на место удобнеее и защищенное лучше прежнего. Частые набеги и пожары заставляли их вновь обстраиваться. Храмы нередко в то время страдали и от ударов молнии. Все эти обстоятельства были причиною чрезвычайного развития тогда у слободских черкас строительской деятельности и строительного искусства. Этому помогало обилие великолепного строительного материала в виде дремучих лесов по берегам рек Слободской Украины с самою разнообразною решительностью. Черкасы без затруднений и без всяких трат брали из своих лесных заимков вековые дубы и сосны для личных построек и храмов, а мощные липы для всевозможных работ: домашних хозяйственных предметов и в особенности церковных украшений. Резьба из липового дерева достигала у них изумительного совершенства. Об этом свидетельствуют некоторые дошедшие до наших дней иконостасы в целом или частях, киоты, аналои, рамы, кресты, блюда и даже чаши. Сравнивая иконостасную резьбу XVII в., сохранившуюся в нашем крае, с резьбой иконостаса Козелецкого собора, Черниговской губернии, заграничной работы половины XVIII в., невольно отдаешь преимущество первой по чистоте и мастерству в воспроизведении красот растительных узоров: лиственных и фруктовых. Эти же обстоятельства именно в нашем крае создавали среди простонародных строителей удивительных зодчих – самородков. Уже в Черкасском Заднепровьи был выработан народным творчеством свой излюбленный тип храмов, иконописи и орнаментальной резьбы, как об этом свидетельствует диакон Павел Алеппский. Это народное, черкасское церковное искусство нашло свое выражение главным образом в устройстве

деревянных храмов и в нашем крае. Имена зодчих, строивших здесь первые деревянные храмы, остались для нас неизвестными, за исключением одного из них, слава о котором распространилась далеко за пределами нашего края. Это Яким Погребняк, уроженец села Новой Водолаги, Валковского уезда. Правда, он жил в XVIII в. Но в нем, так сказать, исторически сконцентрировалось то зодческое творчество, которое долгим временем уже до него накапливалось в строительстве черкас нашего края. С его именем связана постройка замечательного храма у Запорожских казаков в г. Самаре (ныне Новомосковске), Екатеринославской губернии. Историю этой постройки, косвенно характерной и для нашего края, передадим словами исследователя Запорожья Д.И. Эварницкого.

«О построении новой церкви в г. Самаре сохранились и письменные данные, и изустные предания. Предания говорят, что, решив построить вместо старой новую церковь, запорожские казаки вместе с тем решили, что в сооружаемом храме не должно быть ни одного железного гвоздя, потому что «не годится в храме Спасителя, распятого на кресте и прибитого к нему железными гвоздями вбивать в дерево железные гвозди, а нужно в бревна вставлять деревянные тыбли и на них крепить основу церкви». Вслед за тем те же предания рассказывают, как происходил совет и построение новой церкви. Дело было в летней воскресный день, после обедни: у ктитора Якова Легкого собрались в саду под развесистой яблоней паланочный сердюк, асаул, подъясаулий, писарь, подписарий, шафир самарского перевоза, протопоп города, несколько священников, начальник Самарско-Николаевского монастыря и несколько почетных обывателей города. На ряду приглашен был мастер Яким Погребняк. Почетные «батьки» сперва недоверчиво отнеслись к мастеру, который был человек непоказанный и вдобавок рыжий. Но потом, когда мастер «намалювал» в самом саду на дорожке фигуру церкви, «батьки» поверили его опытность и решив строить храм «на девять башт или куполов, на три башты в ряду со всех четырех сторон»; при чем однако «батьки» долго не могли понять того, что хотя верх церкви будет из четырех сторон и на каждой

стороне по три башты, но всех башт выйдет на 12, а 9; «батьки» забывали, что четвертая сторона входила в счет башт, бывших в счету в трех первых сторонах, отчего и выходило всех башт не 12, и 9. Когда, в конце концов, это было понятно, то «батьки» заключили с мастером контракт, на основании которого он обязывался устроить в Самаре деревянный собор о девяти баштах кругом, за что паланка должны была выдать ему 2000 рублей. После совершения контракта мастер из договорной суммы добровольно уступил 24 рубля на помин собственной души. Уже было заключено условие, уже прошло несколько времени, уже приближалась пора и приступить к постройке собора, как вдруг мастер усомнился в собственном искусстве и убежал в Самарские камыши. Там он скрывался до тех пор, пока однажды, во сне, не явился ему седой старичек, Св. Николай Чудотворец, и не показал на деле, как нужно строить задуманный храм. Мастер очнулся от своего видения, тот же час сделал из «оситнягу» модель церкви, потом явился в город, рассказал «батькам» о своем видении и после того приступил к постройке церкви. Вся церковь, кроме каменного фундамента, сооружена была из дубового и соснового леса, доставленного из соседнего самарского леса и сложенного при помощи тыблей, т.е. шипов между бревнами, и замков, т.е. особо вырезанных связей по концам бревен. Храм окончен был в 1778 г. Общая стоимость постройки собора, кроме колокольни, обошлась в 16.785 рублей и 71 к. Самарский собор, по красоте, великолепию и «смелой до дерзости» постановке считался у казаков чудом на все Запорожье. Архитектура его, однако, проста: мастер не дал ей ни колонн, ни нынешних украшений. Снаружи он обшил ее шелевкой и по шелевке побелил белой краской; купол окрасил зеленою ярью, внутри расписал стены и своды картинами религиозного содержания, а иконостас возвел до сводов и украсил его великолепной резьбой с разными фестонами и завитками и превосходною живописью в византийском академическом стиле XVI и XVII веков, а также некоторыми экземплярами голландской и фламандской кисти, местами наложив на него серебряные, позлащенные шаты,

местами же отделав тончайшею икрустацией. Высота храма 31 сажень, объем 58 сажень.

За постройку грандиозного храма мастеру Якиму Погребняку выдан был Самарским Запорожским старшиною аттестат, хранящий и по ныне в том же храме Новомосковска; тут же находилась и первоначальная модель его из «оситнягу» только недавно распавшаяся от времени¹¹⁰.

В сл. Новой Водолаге, Валк. у., среди поселян и доселе распространена фамилия Погребняков, имеются отрасли рода, из которого происходит Яким Погребняк, а предания о нем, как о прославленном церковном мастере, передаются из поколения в поколение. По местным сказаниям Я. Погребняк, до постройки Самарского собора, выстроил несколько церквей в Слободской Украине – трехглавых и пятиглавых. При дальнейшем рассмотрении типа наших древнейших деревянных храмов мы увидим, что некоторые из них близко стоят к Самарскому, как подготовительные образцы, а может быть и собственные опыты Погребняка. Для нас важным обстоятельством является то, что к постройке самарского собора применено было искусство, опытно выработавшееся в церковных постройках нашего края XVII и первой половины XVIII вв.

Первые черкасские храмы половины XVII в. в нашем крае были все деревянные. Положительно можно утверждать, что каменные храмы черкасской постройки появляются только в конце этого века. Строятся они в главных городах края, хорошо защищенных от нападений и разорений татарских. Впрочем их было немного: таковы Покровский и Успенский соборный в Харькове, Георгиевский в Куряжском монастыре, Преображенский в Изюме, Успенский в Святогорском монастыре и Воскресенский в Сумах, – все они выстроены в период времени с 1689 по 1709 годы. В характере постройки их отразились все основные черты черкасского зодчества, общие и для деревянных храмов. Каменные храмы – совершенно воспроизводили структуру этих последних. Излюбленный черкасами стиль

110. Д.И. Эварницкий. История Запорожских казаков. Т.1, Москва, 1900 г. с. 387–389.

строго выдерживался во всех деревянных и во многих каменных храмах в течение всего дальнейшего XVIII века. Он в большинстве случаев определялся не столько вкусами мастеров, сколько архитектурными заданиями заказчиков – черкас. Нечто подобное, что было пред постройкой Самарского собора, происходило и у нас в сговорах черкасских громад с мастерами. В этом отношении любопытен сохранившийся до наших дней текст контракта прихожан Ворожбы, Лебединского уезда, с Григорием Дедашенко относительно постройки у них храма во имя Преображения Господня. «1769 г. июня 14 д. мы нижеподписавшиеся Сумской провинции Государственной Войсковой слободы Сумской Ворожбы Покровской и Николаевской церкви священники и ктитория и прихожане тояж провинции города Сум жителю Григорию Ильину сыну Дедашенку дали сей контракт в том, что приговорили мы его Дедашенка разобрать нашу Ворожбянскую церковь до основания и из того разобранныго дерева на новых подвалинах построить вновь церковь кряжовую (крестообразную) на пять верхов самым крепким, гладким и чистым мастерством; средний сруб заломя склеп сделать два полубанна; а на олтаре и других трех по одному и три бабинца; которую все церковь и бабинец побит гонтою и шелевкою ошелевать, как надлежит; а строить оную в вышину в настоящую пропорцию; ту же нашу церковь закладывать тебе Дедашеву по получении от его Преосвященства по указу и прибыт в Ворожбу по требованию нашему немедля ни где ни одного часа, приездить в Ворожбу без всяких отговорок; а строить оную церковь предбудущаго 1770 г. после светлаго Воскресения Христова чрез одну неделю и в деле своем имети прилежность неленостную и от работников из Ворожбы без ведома нашего никуда не отлучаться; ежели за нерадением и несмотрением твоим в строении той нашей церкви учится от тебе или от работников твоих какая порча и неисправность, то должен ты Дедашев то все поисправить своим коштом без отречения и за ту сделку показанной нашей церкви должны дать тебе как деньги, так и хлеба и прочаго. Присем сообщаем реэстр, а получать тебе деньги от нас в задачу 20 рублей и в предбудущий 1770 г. при

зачатии работы 80 р., а последние три приема получать по сто рублей, только последние сто по совершении сделки церкви; в чем тебе Дедашеву сей контракт за руками нашими даем. К сему контракту священник Мартин Старостин подписался».

Замечательными памятниками черкасского церковного строительства были в нашем крае монастыри. Некоторые из них были основаны уже одновременно с первым заселением края. Мы уже говорили о восстановлении Святогорской обители первыми черкасскими иноками в конце XVI и нач. XVII в. Другие учреждались и обстраивались не только полковниками, как вышеупомянутые Сумские и Куряжский, но и отдельными лицами и казацкими громадами.

В половине XVII в. на древнем Хорошевом городище возник Хорошевский Вознесенский женский монастырь. Можно предполагать, что здесь уже в XII в. жили христиане и имели свой православный храм. Архиеп. Филарет находит это несомненным в виду того, что город Донец и Хорошев город в XII в. были Русскими городами, как это известно по истории кн. Игоря Святославовича. «Был ли, говорит он, в XII в. монастырь в Хорошем городке, – не знаем. Дикие татары обширную полосу земли русской превратили в степь дикую. Удивительно ли, что ими истреблены памятники древнего Русского христианства?» Во всяком случае Хорошев и Харьков населены страдальцами Унии в одно и то же время в 1654 г., и, несомненно, что первая строительница монастыря игумения Александра перенесла с собою монашество из-за Днепра и обитель ее устроилась усердием черкас, заселивших тогда же Хорошево городище. По преданию первоначально обитель возникла не на теперешнем месте Хорошева городища, а вблизи его, к западу за глубоким оврагом, на выступе острой горы, покрытой дремучим лесом, но во второй половине XVII в. она была уже переведена на нынешнее место, укреплена против набегов татар и снабжена подземным ходом за ограду с железными дверями. Все первые постройки монастыря были деревянные, в том числе и Вознесенский храм. В Архиерейской грамоте 1742 г. на имя игумении Афанасии сказано: «в оном монастыре в давних годах построена церковь

во имя Вознесения Господня, под которою через долгое время подвалины и крыша огнили», а потому игуменья просила позволения «оную церковь подважить и покрыть», на что ей и дано позволение. Из этих первых построек ничего до нас не дошло. В 1759 г. здесь был выстроен прекрасный большой каменный Вознесенский храм с тремя главами по продольной линии, сохранившейся до наших дней, но с пристройками с северной, южной и западной стороны, давшими ему форму черкасского пятикупольного здания.

Архитектурные сооружения Святогорского монастыря XVII и XVIII вв. до нас не дошли, за исключением одной Св.-Николаевской церкви на меловой скале. После закрытия монастыря в 1787 году оставался еще Успенский собор, построенный полк. Ф.В. Шидловским, и возле него надвратная колокольня. Но за ветхостью и эти здания в 1867 году были разобраны для возведения вместо них ныне существующих Собора и колокольни. Таким образом, единственным памятником древнего монастырского зодчества здесь теперь остается Св. Николаевский храм. Судя потому, что в описи монастыря 1758 года он не упоминается¹¹¹, а в протоколах закрытия монастыря 1787 года¹¹² он значится высеченным в меловой скале и достроенным кирпичом, можно считать несомненным постройку его во второй половине XVIII в. между означенными годами. Как современный его вид, так в особенности изображение его на старинных гравюрах убеждают в том, что при сооружении его был выдержан украинский характер даже в большей степени, чем в других современных черкасских храмах нашего края. Это тем более знаменательно, что возведение его на вершине меловой скалы не могло не связывать техническими затруднениями архитектурный вкус строителей.

Мы уже говорили об основании заднепровскими монахами в 1654 году Ахтырского монастыря. Первые сооружения у этого монастыря были деревянные, которые вскоре затем стали

111. Архиеп. Филарет, *Ibid*, отд. I, с. 272, примеч. 78.

112. Изюмского Дух. Правления 19 февр. 1827 г. сообщение Изюм. Исправнику № 200-й (Архив монастыря).

заменять каменными. Ревностным устройтелем монастыря был духовник Петра I, протоиерей Тимофей Васильевич Надаржинский, под конец жизни поселившийся здесь и принявший схиму, здесь же и скончавшийся в 1729 году. Он соорудил здесь каменный храм Св. Троицы и обнес монастырь оградой, а сын его, Осип Надаржинский, построил каменную трапезу с колокольнею, больницу и в ней храм во имя св. Петра и Павла. Из всех этих богатых сооружений монастыря до нас дошли только соборный храм Св. Троицы и башня колокольни. Они также запечатлены характером старочеркасских построек.

В основном в 1663 году полк. Г.И. Донец-Захаржевским Куряжском монастыре главным храмом всегда был храм Преображения Господня, сначала деревянный, а с 1762 года каменный, сохранившийся донне. Взамен деревянного Св. Георгиевского храма, устроенного еще при основании монастыря, в 1709 г. был возведен каменный того же имени с трапезным корпусом, существующий и в настоящее время. В 1753 году построена была каменная церковь во имя преп. Онуфрия в монастырском скиту, внизу под город, с колодцами в алтаре и посредине храма. Первый и последний храмы вполне сохранились до наших дней свой первоначальный архитектурный вид. Георгиевский же при недавнем капитальном ремонте был лишен своих наружных характерных украшений, воспроизводивших тип старо-черкасских каменных построек.

К великому сожалению, от других бывших когда-то в нашем крае старо-черкасских монастырей, упраздненных в 1787 году, мало что осталось.

От Сумского Успенского монастыря остались только надвратная Всехсвятская церковь и колокольня-башня. На месте монастыря теперь только кучи щебня. Кирпич главной церкви продан был для церкви сл. Верхней Сыроватки, железо для Сумской Воскресенской, а железные двери для Сумской Николаевской. Иконостас передан в Каплуновскую церковь. Архангельский храм поступил на постройку колокольни Сумской Покровской церкви, а иконостасом его, бывший еще в первой деревянном храме, был передан в церковь с. Бездрика, Сумск.

у, где сохраняется и в настоящее время. По работе и общему стилю своему он представляет замечательное произведение старо-черкасского мастерства. Каменная ограда продана для Богословской церкви Большой Чернетчины. Деревянные келии проданы сумским жителям. В прочие постройки перешли монастырские крестьяне и составили приход бывшей монастырской Всехсвятской церкви. Куда девались дорогие ризы, бывшие на иконах, книги, утварь – неизвестно. От другого Сумского женского Предтеченского монастыря оставался только деревянный сволок бывшей Предтеченской церкви монастыря с вырезанною на нем надписью о времени устройства храма: эта печальная реликвия хранилась во времена Архиеп. Филарета в доме г. Линтварева. По закрытии монастыря, утварь и различные вещи храмов Предтечева монастыря были переданы в Харьковский Покровский монастырь, где некоторые из них и ныне целы.

Михайловская Предтеченская пустынь находилась в 12 верстах от г. Лебедина в чрезвычайно красивой местности. Она стояла на скале, покрытой вековыми дубами, направо и налево шли горы полукругом; внизу быстрый Псел; за ним – равнина, покрытая бархатною зеленью лугов. Основана она была во времена гетманщины Афонскими иноками. Обстроена же была племянником гетмана Самойловича – Михаилом Васильевичем, от имени коего получила свое название (1680–1685 гг.). После Самойловича пустынь была взysкиваема щедротами Полуботок и Коробовских. Обитель была небольшая и не богатая. По закрытии Богородичный храм с трапезою был отдан на построение вместо погоревшей в г. Лебедине Воскресенской церкви. Давно ветхий перенесенный сюда из Сумского монастыря в 1750 г. деревянный Предтеченский храм теперь был разобран, а все священные принадлежности перенесены в Богородичный храм с. Михайловки, за исключением двух колоколов, которые из комиссии были переданы в Харьковский Покровский монастырь.

На месте обретения Озерянской иконы Божией матери в с. Озерянка, в 3 верстах от ст. Мереры, была основана в семидесятих годах XVIII в. Святогорским наместником

Севастьяном Юхновским Озерянская Богородичная пустынь с двумя храмами Пресв. Богородицы и по закрытии пустыни главный ее храм был перенесен в Мерефу, где и сгорел в восьмидесятых годах XIX в. Из иконостаса его сохранились и ныне хранятся в Университетском музее иконы своеобразного характера как бы особой иконописной школы¹¹³ и царские врата прекрасной резьбы, дающие представление о характере всего иконостаса¹¹⁴.

Краснокутский Петропавловский монастырь находился на правом берегу р. Мерла в 3 верстах от заштат. гор. Краснокутска. Он построен в 1673–1675 гг. вышедшим из-за Днепра прежней службы полковником Иваном Штепою: в этом монастыре был он игуменом с именем Иоанникия, а после его смерти сын его – игумен Мартиниан. В обители было два деревянных храма – главный во имя св. Петра и Павла и трапезный в честь Рождества Богородицы. По упразднении монастыря Петропавловский храм с иконостасом превосходной иконописи был перенесен в Краснокутск, где и доселе стоит.

Сеннянский Покровский монастырь, бывший в 7 верстах от с. Сенного, Богодух. у., был основан и устроен Сеннянским сотником Василием Григорьевым не позже 1683 г. Здесь набожный сотник устроил два храма – главный в честь Покрова богоматери, а другой в честь св. Апостолов Петра и Павла. Храмы были деревянные. Строитель поручил заведование монастырем Киево-Печерской Лавре, конечно по тому благоговейному уважению, какое имели все казаки к обители преп. Антония и Феодосия Печерских. В 1788 г. он перешел в ведение Белгородского духовного правления. По упразднении монастыря храм его был обращен в приходской с. Малой Писаревки: до наших дней не сохранился.

От Вольновского Троицкого монастыря, основанного около 1684 года в 6 верстах от бывшего г. Вольного, дошел до наших дней каменный храм, освященный в 1745 г. довольно

113. Церковный Отдел, №№ 152–168.

114. №№ 223–224.

величественный, превращенный по закрытии монастыря в приходский для деревни Поповки.

Черкасам обязана своим происхождением Аркадьевская Богородичная пустынь, находившаяся на левом берегу Донца вблизи с. Мартовой, Волч. у. и занимавшая одно из самых живописных мест Украины. Эта пустынь, после Святогорской, первая по древности своей в крае. Очень вероятно, что она населена была черкасскими иноками вместе с первыми поселенцами этого края в начале XVII в. В ней было два храма: холодный во имя Св. Троицы с приделом Свят Николая и теплый трапезный в честь Рождества Пресв. Богородицы. До наших дней храмы не сохранились. По закрытии пустыни, утварь ее и древняя чтимая икона Божией Матери были переданы в церковь сл. Мартыновой, Волч. у. На месте престола главного храма бывшей пустыни в 1848 г. была каплица, а в пяти саженьях от нее колодец, возобновленный усердием благочестивого населения.

В 1660 году в Чугуеве был основан по воле царской Успенский монастырь. Но в 1724 году за укрывательство раскольников был упразднен. Монастырский Успенский храм после этого превращен был в приходский и назывался Подгорным, так как стоял в Подгорной слободе. До наших дней он не сохранился.

В с. Кочетке некогда находилась Чугуевская пустынь с весьма чтимой Владимирскою иконою Божией Матери. Основана она была около 1700 г. и приписана была к Харьковскому училищному монастырю. В 1757 г. здесь был освящен каменный храм с великолепной колокольней. По закрытии пустыни храм остался в качестве приходского. В 1854 г. он был разобран, а на место его устроен новый, приделанный к древней колокольне. Эта последняя, сохранившаяся в своем начальном виде, дает представление об архитектурном типе древних построек пустыни.

На правом берегу р. Оскола при подошве скал Гороховатских некогда находилась Богородичная Гороховатская пустынь, в 1760 году перенесенная на левый берег реки. В ведомости 1784 года так описана эта пустынь «лежит на левом берегу Оскола при озерах Пещаном и двух безименных: она сверху штата, вокруг ее ограда с двумя башнями; в той ограде церковь

во имя Рождества пресв. Богородицы; строительские и братские кельи деревянные». Основана она ранее 1698 года. По закрытии пустыни главный ее храм превращен был в приходской для с. Борового, Куп. у. и в 1904 году был разобран.

Особенно любимым народно-черкасским монастырем в эпоху колонизации края был Змиевский Николаевский монастырь, ныне не существующий. Он находился в 8 верстах от г. Змиева и в 5 от устья Гомольши на правом берегу р. Донца. И поныне, писал Архиеп. Филарет, место, где стоял монастырь, есть одно из самых прелестных мест благодатной Украйны. Горы, покрытые вековым лесом, отодвинувшись от Донца, оставляют на берегу его неширокую, но довольно длинную долину. И на краю долины, так, где горы подходят к самому Донцу, под навесом скал и дубов столетних, стоял монастырь, от которого ныне остался только щебень.

Впервые в древних документах он упоминается под 1668 годом, как уже существующий. В каком году он был основан, – остается неизвестным. Несомненно только, что он основан был черкасскими казаками, потому и в актах назывался «козацким» «косацким» Змиевским монастырем. Первоначально устроен он был на вершине горы и первый главный храм в нем был во имя Св. Николая Чудотворца. В половине XVIII в. он был перенесен под горы, и здесь в нем стал главным храмом Преображенский, почему с этого времени он начинает называться Преображенским Николаевским. Чрезвычайно интересным является описание этого монастыря в описной книге 1702 года, дословно приведенное, хотя и не все целиком, проф. Д.И. Багалеем, в его «Материалах по истории колонизации и быта степной окраины Московского государства» (т. I)¹¹⁵. Это описание относится к монастырю, находившемуся еще на вершине горы.

В монастыре вели святые врата с надвратною церковью во имя Преображения Господня и колокольной церковью. Церковь была деревянная об одной главе. Изнутри монастыря в эту церковь вела особая паперт, «В той церкви простие гладкие царские двери; местные иконы, образ Спасов (над царскими дверями) черкасской

115. Стр.174–178.

работы на золоте листовом». При местных образах «вибойчатая полосатая пелена ветхая». Образ Пресв. Богородицы «вызолочен серебром листовым», выше образа Спасова над царскими дверями икона Воскресения Христова «в легком окладе». Над образом Св. Николая Чудотворца «дорогой желтый завес». Вместо северных дверей – «завес дорогий, пестрий ветхий». Пред иконостасом две лампы «медные долгие резание». В алтар при царских дверях катапетасма «вибойчатая красная ветхая». На престоле две срачицы, верхняя кумачная красная. Престол резной кипарисовый, а поверх него покров «донской шитий разных шолков». На жертвеннике одежда из ветхой рябой вибойки. На колокольне висели колокола государева жалованья. У самых проезжих форот стояли на станках жалованные государем: железная с ядрами, свинцом и порохом и пушка турецкая. Да притом имелось еще 10 мушкетов.

В середине монастыря находилась двухэтажная церковь: нижняя во имя Свят. Николая, а верхняя в честь Благовещения Пресв. Богородицы. В нижней церкви в иконостасе царские двери и местные иконы «гладкой работы визолочении листовим золотом и серебром», да две лампы медные желтые. И здесь катапетасма была «кумачная рабая». На престоле евангелие обложено зеленым бархатом «в окладе под серебром визолочено», «гробница сребная, а в той гробници ложица сребная».

В верхней Благовещенской церкви в притворе по правой стороне икона Спасителя, по левой – Богоматери, а над ними посредине образ Преображения Господня: «тии иконы черкасской работы визолочены двойником и серебром», «да пред теми иконами две лампы малых сребрных и лампада медная визолоченая». Посредине церкви висело паникадило медное желтое о 16 свечах весом в 4 п. «В той же церкви царские двери краской резбывизолочение листовим золотом и двойником и серебром и разцвечени всякими красками». В иконостасе в первом ряду с правой стороны иконы Спасителя и Благовещения, а с левой – Богоматери и св. Николая. Сверху царских врат одна над другой – икона Нерукотворенного Образа, Архиерея, Воплощение и Богоотца и Распятие. А с обеих сторон

– праздники, апостолы, святители и пророки. Эти иконы сделаны «резьбою и листовым золотом, двойником и серебром и разными красками расцветено майстерством против (подобно) царских дверей, и в тех икон прикладов, винцов червоных золотых никаких нет». Пред местными иконами висели 4 лампы медных «желтых резаных, а пред архиереем лампада серебряная».

В алтаре жертвенник облачен был в кумачную красную одежду. Здесь находились 2 серебряных позолоченных протира и 2 таких же диска и звезды, 3 ложки серебряных. К этим сосудам принадлежали четыре пары новых покровцев, а пятая повседневная: «аир и 2 воздуха на красном обире обложены строкою золотом и серебром; а на большом воздухе вышит крест золотом и серебром; а другой воздух и покровца белие луданье обложены луданым красным. А государева жалованья воздух и покровцы обяринные красные, опушка, оберу стручковатого желтого воздуха и покровцы разных азарбатов обложены камкою рудожелтою травчатою, воздух и покровцы старые повседневные атласу рудожелтого и бархату красного полусастаго обложены тафтою зеленою». На престоле «евангелий две одно под красным бархатом другое под зеленым бархатом в окладе серебряном вызолочение обе московской печати».

На престоле же находилась «гробница большая о 5 главах серебряная позолоченная; да в ней два ящика визолоченных, а та гробница мастерства шлионского (силезского – немецкого). За престолом ковер турецкий прибитый к стене. На жертвеннике же еще находились 2 медных желтых креста и 2 серебрянополащенных. В алтаре находились серебряные, медные и оловянные блюда и кувшины, а также 2 кадила медных и 2 серебряных.

Затем следует такое же подробное описание образов в алтаре, разной церковной утвари в ризнице, риз – азарбатных, атласных, камчатных, тафьяных, луданных, бархатных, кумачных, подризников, епитрахилей, дьяконских стихарей, орарей, поручей, поясов, пелен.

В монастыре имелось много книг богослужебных и учительных московской печати, киевской, виленской и острожской печати (библия и книга Василия В.).

Из этой же описи видно, что Змиевской монастырь развил до очень широких размеров сельскохозяйственную и промышленную деятельность: ему принадлежало значительное количество земель и особенно угодий (рыбных ловлей, пасек и т.п.); в г.г. Змиев, Изюме, Балаклее и с. Мохначах у него были дворы с разными хозяйственными заведениями (мельницами, амбарами для хранения рыбы и т. п.); он вел довольно значительное скотоводство. Особенно замечательны были его склады. В конце XVIII в. их было 17, в том числе 1 виноградный в 4 десятины. Во второй половине XVIII в. монастырь был обнесен каменной стеною.

От всего этого былого благоденствия казацкого монастыря не осталось и камня на камне. По закрытии его храмы и ограда были разобраны. Иконостас главной церкви продан был в Воскресенский храм сл. Новой Водолаги, целый доселе, а иконостас Николаевского храма продан в церковь с. Водяного, Змиев. у., сохранившийся вместе с иконами до наших дней и представляющий в нашем крае самый ценный и художественный памятник черкасского мастерства. Ризница и все церковные вещи монастыря были взяты в Белгородскую соборную ризницу. Дальнейшая их судьба осталась неизвестной.

Из приведенных кратких данных по истории черкасских монастырей в нашем крае видно, сколько усердия и любви черкасы влагали в создание их не смотря на все тревоги и опасности тогдашнего времени. Также усердны были они и в устройстве городских и сельских церквей. Не считаясь с количеством населения, они строили их столько, сколько было у них средств и ревности к этому делу. В больших своих поселках и городках они выстраивали церкви, при сравнительно меньшем населении чем теперь, столько же или даже гораздо большее количество, чем сколько находим их в наше время. В этом отношении интересны сведения, даваемые о количестве церквей слободской Украины в «Описании городов и знатных местечек в провинциях Слободской губернии в 1767 году». В это время, напр., значилось в г. Харькове при 4000 ч. окладного населения 6 каменных церквей и 7 деревянных, в м. Липцах

3 деревянных, в слоб. Ольшаной, Харьк. у., 4 деревянных, в сл. Мерефе – 3 деревянных (теперь две), в г. Ахтырке – 2 каменных и 6 деревянных = 8; в гор. Сумах – 1 каменная и 6 деревянных = 7; в г. Лебедине 13 деревянных (теперь 9); в Межириче – 8 деревянных и 9-я деревянная же строящаяся (теперь 4); в г. Изюме – 1 каменная и 4 деревянных (теперь 3); в г. Валках – 5 деревянных и в Люботине – 2 деревянных (теперь 1). В остальных же городах и селениях, существовавших тогда с незначительным населением, было столько же церквей как и теперь при значительно увеличившемся населении¹¹⁶.

Как в постройке храмов черкасы обходились своими местными мастерами, хорошо знавшими черкасский церковно-архитектурный тип, так и в украшении их иконописью и иконостасами они пользовались искусством местных иконописцев-художников. История сохранила нам имена и некоторые, хотя и краткие сведения об источниках их образования и их работах. Так в начале XVIII в. в знаменитой Сумской мужской обители имелись свои живописцы, работавшие для монастыря и окрестных храмов. Об их образовании и успехе их трудов особенно заботился игумен Иаков Жданович (1710–1715 гг.). Из этих живописцев известен иеромонах Илия, который пред посвящением во иеромонаха в 1742 году показывал о себе: «родом он малороссиянин, 70 лет, родился в Лебедине... по изучении грамоты учился в Киеве у иконописца, в Сумском монастыре спустя полгода искуса пострижен в мантию игуменом Ждановичем». Работы этого иконописца являлись, таким образом, связью нашего местного мастерства с Киевом, как с своим источником. Почти одновременно с иер. Илиею в Куряжском монастыре подвизался другой иконописец, некто Ефрем Черкасский, в монастырских заметках называвшийся иконописцем, конечно потому, что употреблял кисть для украшения храмов обители. Его искусству приписывают в обители 11 икон с изображением Святителей в рост, на холсте и 6 икон с изображением преподобных. Здесь

116. Д.И. Багалей. Материалы для истории колонизации Харьк. г., т. II, Харьков, 1890 г. с. 236–294.

же в семидесятых годах XVIII в. был известен иконописец иеромонах Ферапонт, «в хорошем искусстве живописи весьма умеющий». Он написал иконы для иконостаса Онуфриевской церкви и других церквей монастыря. С иконописью иконостаса древнего Успенского храма в Ахтырке связано имя третьего Украинского живописца Владимира Дмитриева. Живопись икон этого иконостаса в греческом вкусе и правильная, дышит жизнью и величием, носит характер высокого мастерства: видно, что художник Владимир Дмитриев, писавший эти иконы, был не простой ремесленник. Таким именно он и оказывается по тем биографическим сведениям, какие сохранились о нем. Он был уроженец г. Харькова, сын живописца, до 1734 года жил в Харькове, а потом до 1744 года в Киево-Печерской Лавре и в Свенском монастыре, а в 1744 г. во время пребывания Императрицы в Киеве вызван был ко двору, где оставался о 1747 г. В этом же году согласно Высочайшею волею, Св. Синод предписал дать ему по его желанию причетническое место при Харьковской Рождественской церкви для покоя и пропитания. Но здесь он пробыл недолго. Хотя из Петербурга отпущен он был по слабости зрения, но страсть к живописи не давала ему покоя. В начале 1748 года он по его желанию уволен был в Брянск «для живописного мастерства» где оставался два года. Остальные дни жизни его неизвестны. Академический пошиб его живописи служит указателем связи его искусства через Петербург с западноевропейским.

Наконец имя пятого живописца XVIII в. связано с храмом сл. Малиновой, Змиев у. и с Святогорской пустынью. Это Василий Рудецкий. По преданию старожилов, в древней Малиновский храм иконостас был своеручно и безмездно написан жителем сл. Малиновой Василием Рудецким. В теперешнем храме этой слободы имеется икона с изображением св. Ап. Андрея, трех Святителей и муч. Татьяны. На середине иконы укреплен серебряный ковчежец со св. мощами. На серебряной шате сделана надпись: «сии части св. мощей даны мне, Василию Рудецкому, в благословение от игумена Святогорскаго Сильвестра Кияновскаго и мною же грешным принесены в сей храм

Св. Архистр. Михаила 1767 г. июня 24 дня». Это благословение Рудецкий заслужил частым и долговременным по своему живописному искусству безмездным трудом в Святогорском монастыре.

При дальнейшем рассмотрении характера работ этих мастеров мы увидим отличие их мастерства от старочеркасских икон XVII в. Эти последние имели свои особенные традиции и источники. К сожалению, в настоящее время мы не располагаем никакими сведениями о тех иконописцах, которые в нашем крае в начальную колонизационную эпоху создавали столь чудные и оригинальные образа, стяжавшие славу особым так называемых «черкасских икон».

Местный художественный характер черкасской работы налагался и на все принадлежности храмов: сосуды, облачения, покровы и шитье. Особенно это надобно сказать о всех храмах XVII века и сельских черкасских храмах XVII в.

Остались ли в каком виде дошли до нас памятники этого старо-черкасского зодчества? Мы уже во введении говорили о том, как много из этого церковно-художественного богатства погибло, и как, все-таки, не мало драгоценных остатков уцелело до наших дней. Из истории наших монастырей, когда то бывших и упраздненных, мы узнаем, какой был учинен разгром их святыням, художественным сокровищам, архитектурным сооружениям и хозяйственным богатствам. От них сохранились только: два каменных храма и две каменных колокольни да кое где рассеянные их иконостасы и кое какие церковные принадлежности. Гораздо больше памятников сохранилось в монастырях не подвергавшихся упразднению.

Из старинных приходских деревянных храмов XVII в. ни один не сохранился до наших дней. От разных годов XVIII в. дошло до нас их всех 126. Самые древнейшие из них, как напр. Арх.-Михайловский храм с. Журавного, Ахт. у. устроенный в 1722 г., Троицкий Кладбищенский, сл. Новой Водолаги, Валк. у., устр. в 1728 г., Троицкий сл. Михайловки, Змиев. у., устр. в 1736 г. Петро-Павловский сл. Заводы, Изюм. у. устр. в 1721 г., Покровский, сл. Дмитровка, Изюм. у., устр. в 1732 г.,

Николаевский, сл. Бобрового, Лебед. у., устр. в 1730 г., Крестовоздвиженский, сл. Межирича, Лебед. у., устр. в 1744 г. и Преображенский, той же слободы, устр. в 1745 г. – в позднейшее время были переделаны с совершенной утратой для них первобытного старо-черкасского стиля. Но за то многие из остальных, устроенных в период времени от пятидесятих годов и до конца XVIII в., сохранили свой прекрасный и своеобразный украинский стиль. В совершенно неповрежденном виде сохранились до нашего времени – древнейшие их этого периода деревянные храмы: Николаевский сл. Ольшаной, Харьк. у., (1753 г.), Введенский сл. Артемовки, Харьк. у. (1761 г.), Троицкий сл. Черкасского Бишкиня, Змиев. у. (1751) и Георгиевский г. Лебедина (1765 г.).

К счастью при этом сохранились и имеются в Университетском и Епархиальном музеях и в картинах художника С. Васильковского многочисленные снимки древних наших деревянных церквей черкасского стиля, не существующих уже ныне. Из них особенно ценны для уяснения особенностей черкасской церковной архитектуры снимки: церквей сл. Мереры и Сватовой Лучки, Успенской церкви г. Золочева, Иоанна-Милостивого ц. сл. Рубцовой, Изюм. у., Иоанно-Богосл. ц. сл. Гомольши, Змиев. у.

Старинных каменных церквей XVII и XVIII вв. сохранилось, за исключением упомянутых монастырских, всего 55. Из них 36 имеют явно отмеченные в своей конструкции черты украинского стиля. Наиболее древние из них, возникшие между концом XVII и семидесятыми годами XVIII в., следующие: Покровский г. Харькова (устр. в 1689 г.), Преображенский собор г. Изюма (устр. в 1689 г.), Воскресенская ц. г. Сум (1708 г.), Успенская ц. г. Ахтырки (1737 г.) с влиянием стиля барокко, Троицкая ц. сл. Поповки, Богод.у. (1745 г.), Владимирско-Богородичная ц. сл. Должика, Харьк. у. (1747 г.), Благовещенская ц. сл. Тростянца, Ахт. У. (1750 г.), Николаевская ц. сл. Старого, Сум. у. (1753 г.), Покровская ц. сл. Писаревки, Сум. у. (1755 г.), Преображенская ц. сл. Марковки, Староб. у. (1765 г.), Покровская ц. сл. Ольшаной, Харьк. у. (1769 г.) и Успенский собор гор.

Лебедин (1770 г.). К сожалению не все из них дошли до нас в своем первоначальном виде. Особенно печальной участи в этом отношении подвергся лучший памятник старочеркасских времен в нашем крае Преображенский собор г. Изюма. По сохранившимся снимкам до последней переделки его в 1902–1903 годах видно, что он был совершенно одинакового типа с Покровским храмом Харьковского Покровского монастыря, только обширнее его и крестообразной пятикупольной конструкции. По плану, внешнему виду, деталям наружной орнаментации, характеру прекрасного своего иконостаса – это был образец черкасского храма XVII в., повелительно обязавший мастеров при возможных ремонтах и переделках сохранять и восстанавливать с математической точностью черты его стиля. И однако же лица, взявшиеся за его ремонт в вышеозначенные годы и непосредственно стоявшие у дела, обнаружили совершенно непонимание его архитектурной ценности и, оставляя в нем пятикупольную крестовидную конструкцию, облекли его в неумелой и грубо сделанный московский архитектурный наряд, будто бы XVII в., навсегда изуродовав этот лучший памятник древности в нашем крае.

Подвергся изменению и прекраснейший по своей архитектуре Воскресенский храм в г. Сумах. В недавние годы при нем уничтожена была изящнейшая звонница, придавшая ему своеобразный характер неподдельной старины.

Был значительно изменен внешний вид и Лебединского собора, лишенного при недавнем ремонте характерных деталей своих наружных украшений. Покровская церковь сл. Ольшаной по архитектурному своему типу весьма близко подходит к Покровскому храму Харьковского монастыря. Однако наружный наряд ее подкупольного этажа был недавно заделан грубой железной листовой обшивкой, закрывшей изящные зубчатые карнизы, фронтальные оконные наличники, угловые колонки и квадратные панели.

Впрочем, сохранившиеся от этого периода неповрежденными храмы, а равно и фотографические снимки бывшей в г. Харькове Николаевской церкви, устроенной в 1764 г., и Лебединского

собора до его последнего ремонта дают возможность представить себе во всех подробностях архитектуру наших первых каменных храмов любимого тогда черкасского типа.

Наконец, памятниками церковного строительства черкас XVII и XVIII вв. являются все те древности, которые в виде драгоценных, как то уцелевших остатков старины наполняют церковный отдел Университетского музея и Епархиальный музей: это – остатки иконостасов, царские двери, киоты, аналои, иконы, сосуды, кресты, дарохранительницы, дароносицы, крестильницы, плащаницы, покровы, одежды, евангелия, антиминсы, богослужebные книги, картины религиозного содержания и деревянная скульптура.

Весь этот обильный материал, оставленный нам в наследие наши благочестивыми предками – черкасами, вместе со всем археологическим богатством сохраняющихся еще старинных церквей позволяет делать посильную попытку выяснить древнейший тип как старочеркасских храмов нашего края, так и их главнейших принадлежностей: иконостасов, икон и свящ. сосудов.

Это дает нам возможность отметить при этом и те своеобразные комбинации, какие получились от столкновения этого типа с вышеуказанными нами церковно-архитектурными влияниями XVIII в.

VII

Древнейший тип деревянных «черкасских» храмов

Черкасы, заселяя Харьковский край, сначала строили исключительно деревянные храмы. Каменные же появляются у них только с восьмидесятых годов XVII в. Первые храмы совершенно воспроизводили архитектурный тип украинских храмов правобережного Заднепровья в разнообразных видоизменениях. Как наши, так и те – это одна группа памятников южнорусского церковного зодчества.

Они представляют собой чрезвычайно своеобразное явление, в целом и деталях совершенно отличное от типа древнейших северно-русских храмов. Индивидуальные особенности южнорусского церковного зодчества заметны с первого взгляда. Только недостаток внимания и скудность исследованного материала в этой области были причиной того, что это зодчество долго не представлялось особым архитектурным типом, достойным тщательного изучения и охранения. К счастью, археологические ученые пытливость в последнее время обращается и в эту сторону и путем постепенного изучения и обследования памятников правобережного Заднепровья приходит, наконец, к совершенному установлению его научной ценности и глубокого интереса.

Значительный вклад в уяснение этого староукраинского зодчества, несомненно, должны внести и древнейшие черкасские храмы Харьковского края.

Для правильного понимания древнейшего типа наших храмов необходимо хотя вкратце уже определившихся теперь результатов научно-археологического исследования украинских храмов правобережного Заднепровья – Киевской, Волынской и Подольской губерний.

Уже путешественник по этой области в половине XVII в., сирийский диакон Павел Алеппский (1654 г.), с глубоким изумлением отмечал своеобразие и прелесть украинских храмов: их изящное, трехкупольное и пятикупольное многоглавие,

стройность, грациозное устремление к небу, живую иконопись с западноевропейским влиянием, роскошные иконостасы с поразительной резьбой и блестящей позолотой, красивые звонницы и крытые навесы вокруг храмов с решетками и точеными столбами. Впоследствии же, как только появились первые попытки обследования этих храмов, оригинальность их типа стала выступать с еще большей ясностью. Правда, только в настоящее время положено начало научно-систематического изучения украинских художественных древностей. Плодом этого явились исследования, которые выдвинули на сцену новую, до сих пор мало известную, украинскую церковную архитектуру¹¹⁷. Вопрос об этом зодчестве начинает обсуждаться в ученых докладах на периодических Археологических Съездах: по мере накопления обследованного материала по этой части высказывается целый ряд ученых выводов и заключений об особенностях этого церковно-архитектурного типа и об его отношении к другим архитектурным типам.

Так, на уже II Археологическом Съезде гр. А.С. Уваров указывает на богатство и оригинальность украинской церковной архитектуры и видел прототип ее в храмах Галицийских. Основываясь на докладе гр. А.С. Уварова, В.В. Суслов в своих «Очерках по истории древнерусского зодчества» (С-Петербург, 1889 г.) усматривал в образовании этого архитектурного типа влияние Запада. Однако, при дальнейших успехах в изучении церковных древностей Украины явилась возможность установить уже полную индивидуальность и самобытность этого архитектурного типа. Главное значение в этом отношении имеют труды и исследования проф. Киевского университета Г.Г. Павлуцкого. В своем сочинении, изданном в 1905 году, к Екатеринославскому Археологическому Съезду, «Древности Украины», он определенно высказался в пользу совершенной

117. Главнейшие работы по вопросу о южнорусском церковном зодчестве указаны в брошюре прот. Е. Сецинского «Южнорусское церковное зодчество» Каменец –Под. 1907 г., а также в издании Игоря Грабаря «История русского искусства», вып. VIII-й (деревянное церковное зодчество на Украине), примеч. 2.

независимости южнорусского деревянного зодчества от сторонних влияний.

Проф. Г.Г. Павлуцкий отличает следующие основные черты церковного зодчества правобережного Заднепровья. Там храмы по форме бывают трехкупольные, пятикупольные, девятикупольные и менее сложные – однокупольные. Самая типичная и наиболее распространенная форма – трехкупольная церковь. Она состоит из трех прямоугольных срубов, расположенных в одну линию, по направлению от востока к западу, при чем средний сруб значительно преобладает над двумя остальными шириной и высотой. Весь храм делится на три части: алтарь, место для молящихся и притвор или «бабинец». Эти три части символизируют св. Троицу, идея которой воспроизводится также в трех куполах, так как каждая часть храма имеет свой особый купол, и они также расположены на прямой линии от востока к западу. В смежных стенах срубов внутри храма вырезаны арки для свободного прохода из одной части храма в другую; алтарная арка закрывается высоким иконостасом. На западной стороне храма всегда находится паперт с двускатной крышей или небольшое крыльцо, а к алтарю пристроена – часто только впоследствии – ризница. Очень часто план трехкупольного храма видоизменяется тем, что наружные, а иногда и внутренние углы прямоугольных срубов как бы обрезаются или закругляются.

В однокупольной церкви план остается также трехсоставной, но купол возводится только над средним срубом; алтарь же и притвор имеют крышу на два ската с фронтонами: внутри их устраивается плоский или немного вогнутый потолок, – подобие деревянного коробового свода.

План пятикупольной церкви представляет равноконечный крест. Срубы бывают прямоугольные, но чаще центральный сруб имеет вид восьмиугольника, а ветви креста оканчиваются абсидами и принимают форму граней. Если три трехкупольных церкви поставить рядом, то получится девятикупольный храм, имеющий в плане квадрат, разделенный на девять частей. Девятикупольные церкви очень редки. Троицкий

собор в г. Новомосковске, Екатеринославской губернии, – уже описанный нами в предыдущей главе.

Первоначально в древнейших украинских церквах нижние срубы прямо покрывались куполами, имеющими форму низкого шатра на четыре грани. Впоследствии под влиянием барокко преобразовывается форма плана и купола. Срубы делаются многогранными или круглыми, купола превращаются в высокие, уступчатые из нескольких, все суживающихся, срубов башни. Благодаря системе восьмериков, эти башни украинских церквей не имеют тяжелого вида. Все нагромождено и вместе с тем величественно. Так как башни внутри открыты во всю высоту и освещены окнами не только в нижнем срубе, но и в восьмериках, то впечатление внутренности храма выходит торжественным и возвышающим. Так как купола башни бревенчатые, то форма крыш часто соответствует внутреннему устройству этих башен. Верхний восьмерик нередко и снаружи имеет форму усеченной пирамиды, четырехгранной или восьмигранной, являющейся как бы низким шатром. Впоследствии крыши видоизменились во вкусе барокко. Одна форма – широкая, сдавленная, с слабым перехватом у основания, свойственные низким шатровым сводам. Другая форма – вытянутый и более вычурный в линиях купол, свойственный высоким шатровым сводам.

Характерную и весьма живописную особенность украинских трехглавых храмов представляют галле реи или «опасания», идущие вокруг всей церкви, в виде простого навеса на столбиках.

Колокольни при украинских церквах – явление позднее. Архитектура в общем та же, что и церковных башен: два или три квадратных, – а иногда и восьмиугольных, – сруба, поставленных один над другим и уменьшающихся кверху. Стены верхнего сруба заменяет аркатура; колокольня оканчивается четырехгранным шатром или куполом. Иногда крыша двух нижних ярусов поддерживается столбиками или аркадами, окружающими срубы.

Сравнивая северные церковные постройки с южными церквями, проф. Г.Г. Павлуцкий усматривает существенную разницу стилей: В отличие от северно-русских и западных храмов, украинский отличается простотой, он лишен каких бы то

ни было наружных украшений и затейливых подробностей. Но в целом он отличается стройным и изящным видом. В нем ярко выражена идея: люди создали простой и задушевный памятник своему чувству, которое стремится к небу; в этом порыве, в этом стремлении к небу вылилась вся малорусская архитектура; во всех линиях и формах явно обозначилось направление в высоту. По его словам «от южнорусских деревянных церквей веет таким упрямым, несокрушимым своеобразием, что было бы большим заблуждением говорить о заимствовании и отрицать их родство с народом, их создавшим. Свообразие форм южнорусской архитектуры прямо говорит за то, что малорусские храмы выросли из родной земли вместе с теми тополями и липами, которые их окружают». На основании тщательного изучения архитектурных источников этого зодчества, проф. Г.Г. Павлуцкий приходит к убеждению, что формы украинских деревянных храмов являются наследием глубокой местной старины – тех самых уже не существующих теперь форм, которые на византийской основе выработались в окрестностях Киева еще в первые годы Русского великого княжества. «Малорусское деревянное зодчество, говорит он, также, как и деревянная архитектура северных окраин России, является искусством, сохранившим свой национальный характер благодаря тому, что оно самостоятельно перерабатывало и совершенно поглощало все чужие элементы, византийские и западные, которые к нему притекали»¹¹⁸. Вот почему оно заключало в себе так много национальной устойчивости, что удержалось до конца XVIII века и стало оказывать влияние даже на каменную архитектуру уже во вторую половину XVII в., первым опытом чего является Троицкий храм Густынского монастыря, Полтавской губернии, устроенный в 1672 году.

Эти свои взгляды проф. Г.Г. Павлуцкий отстаивал и на недавнем XIV Археологическом Съезде в Чернигове, широко аргументировав их данными из Святославова Изборника и старинных обрядных песен. Самобытность украинского церковного зодчества нашла себе и другого ученого сторонника

118. Древности Украины. Вып. 1, Киев, 1905 г., с. 31.

на этом же Съезде в лице А.П. Новицкого. В своем докладе «Черты самобытности в украинском зодчестве» А.П. Новицкий подверг детальному обзору тип трехглавых и пятиглавых храмов, отмечая в них местные индивидуальные черты. Особенно подробно рассмотрел трехглавые церкви, как самое характерное произведение украинского зодчества и притом относящееся ко временам глубокой древности. При этом он указал на разнообразие их композиции, вследствие чего все попытки его вывести общие законы пропорций таких храмов не увенчались успехом, хотя для каждого храма в отдельности ему легко удавалось вывести такие законы. В подробностях он проследил проявление самобытности в устройстве башен, крыш, опасаний, шелевки, грушевидных глав, надглавных крестов и иконостасов¹¹⁹.

При таком широком обследовании и изучении украинских храмов западной Малороссии церковно-архитектурный материал Харьковского края оставался в тени и совсем не фигурировал в вышеуказанных ученых работах. В вышедших в свет до сих пор изданиях совершенно отсутствуют воспроизведения каких либо древних деревянных храмов Харьковского края, за исключением единственного снимка внутреннего вида купола – Николаевской церкви г. Лебедина, в изд. И. Грабаря¹²⁰. К сожалению, этот материал не подвергался специальному обследованию и на бывшем в г. Харькове XII Археологическом Съезде.

Устроители Археологической выставки на этом Съезде по-видимому главное свое внимание в области церковной обратили на иконописный отдел. И, действительно, этот последний был представлен в чрезвычайно богатом виде и притом преимущественно из икон старинных харьковских церквей. Наша старинная иконопись и сделалась предметом рефератов и научных заключений этого Съезда¹²¹. Что же касается нашего старочеркасского зодчества, деревянного

119. Известия XIV Археол. Съезда в г. Чернигове. Чернигов. 1908 г., с. 137.

120. История русского искусства. Вып. VIII, с. 347.

121. См. Е.К. Редин. Об иконописном отделе выставки и рефератах о нем на XII Археол. Съезде в г. Харькове.

и каменного, то оно было представлено на выставке в очень скудном виде небольшой коллекцией фотографических снимков и притом церквей малохарактерных или совсем нехарактерных в смысле древности и стиля. Да и при этих снимках не было ни моделей, ни планов, ни увеличенных репродукций церквей, а между тем снимков других церковных предметов было здесь очень много. Тем досаднее была такая бедность церковно-архитектурных снимков местных памятников, что на выставке фигурировала богатая и разнообразная коллекция чертежей и снимков церквей Области Войска Донского музея в количестве 102 экземпляров. В числе 660 фотографий с памятников церковных древностей Харьковской и соседних губерний – здесь имелось только 20 снимков с 17-ти древних деревянных церквей нашего края, в том числе двух видоизмененных позднейшими переделками. Выставленные снимки церквей не давали представления о господствовавшем и характернейшем типе нашего древнего церковного зодчества: здесь отсутствовали наиболее своеобразные и особенно распространенные у нас архитектурные образцы, по которым, были выстроены отчасти дошедшие до нас целые группы церквей. Этим только можно объяснить неправильное мнение о наших древних деревянных храмах, высказанное проф. Казанской Духовной Академии В. Нарбековым в книге: «Южно-русское религиозное искусство XVII–XVIII вв.»¹²². Сравнивая деревянные церкви Харьковского района, представленные на выставке, с таковыми же церквями Области Войска Донского, он приходит к заключению, что «как те, так и другие можно причислить к одной так называемой малорусской архитектуре, которая впрочем в своих, по крайней мере, существенных чертах мало чем отличается от северной деревянной архитектуры: и здесь мы видим и круглые (или точнее – многоугольные церкви, и крестообразные (хотя крестообразная форма, кажется, более распространены была на юге), видим то же наложение нескольких осьмиугольников, иногда на нижнем квадрате, видим те же шатровые крыши, многогранные купола и луковичные главы. На малорусской деревянной архитектуре

122. Казань. 1903 г., с. 104–105.

таким образом, надо полагать, в значительной степени отразилось влияние северной деревянной архитектуры». Если бы проф. В. Нарбеков располагал не скудным выставочным архитектурным материалом, а более обширным и характерным, то он не сделал бы этого последнего своего заключения. Если бы, напр. у него под руками снимки и планообмеры таких церквей, как церкви сел: Черкасского Бишкина, Рубцовой, Груни, Гороховатки и Цареборисовой, он без затруднения узнал бы в них знакомый украинский тип в благороднейших его формах.

В настоящее время, располагая громадным церковно-архитектурным материалом нашей харьковской старины, имеющимся в Епархиальном Церковно-Археологическом Музее, мы имеем полную возможность определить древнейший тип наших «черкасских» деревянных храмов и уяснить себе его отношение к установившемуся типу западной Малороссии.

Правда ни один из первоначальных сельских храмов, устроенных черкасами в XVII в., не дошел до нас. Не дошли до нас ни планы, ни снимки их.

Из городов Харьковского края сохранился древнейший вид только одного Харькова на плане Харьковского Наместничества 1787 года: здесь имеются миниатюрные рисунки существовавших тогда в Харькове храмов. Но из них в это время сохранилась от XVII в. только одна Благовещенская церковь на торговом Подоле Харькова. Она была построена около 1655 года и стояла в своем первоначальном виде до 1789 года, когда вместо первоначального была заложена новая каменная, освященная в 1794 году. Благовещенская первая церковь была однопрестольная и деревянная: на картине города Харькова она изображена трехглавою по продольной линии с востока на запад: средний корпус церкви состоял из трех, кверху суживающихся квадратных срубов, увенчанных шатровым с перехватом у основания куполом. Два соседних купола были ниже и уже. Колокольня церкви была также деревянная, рубленая. Вместо ограды церковь была обнесена тыном¹²³.

123. Е.К. Редин. Материалы к изучению церковных древностей Украины. Церкви города Харькова. Харьков. 1905 г., с. 46–47.

Но предания и довольно точные описания первоначальных черкасских храмов нашего края сохранились в известном труде Архиеп. Филарета: «Историко-статистическое описание Харьковской епархии».

Самую первобытную деревянную церковь отмечена Архиеп. Филаретом в сл. Котельве, Ахт. у., некогда бывшая здесь – Покровская. Она имела вид молитвенного дома, находилась вблизи луга на Песках. Неподалеку от Ворсклового потока, называемого «Рубижне», построена была большею частью из ольхового дерева и покрыта камышом; над алтарем был небольшой шпиль с малым крестом. Эта была первая церковь с начала населения Котельвы. Следов, где стоял этот деревянный храм, ныне уж нет.

Этот примитивный тип храмов встречается в древности западной Малороссии. Точно такой же храм сохранился до последнего времени в селе Старо-Шарково, Дисненского уезда, Виленской губернии. Устроен он был в 1639 году: характерную особенность в нем составляла маленькая фронтальная на столбах открытая звонница над закрытою папертью и внутри – хоры в трапезной части в виде открытого балкона¹²⁴.

К этому типу принадлежала также, по свидетельству Архиеп. Филарета, первоначальная Покровская церковь в сл. Межриче, Лебед. у.: она была лубяная и построена была прежде всех других в Межириче.

Дальнейшую ступень в развитии этого типа составляли наши первоначальные деревянные храмы, соединявшие в себе план дома с куполом. Они приспособлялись в тревожное время татарских нашествий к боевым целям. Так, первый деревянный храм в сл. Савинцах, Изюмск. у., в XVII в. во имя Успения Богоматери стоял в крепости и устроен был применительно к опасностям военным. Он сделан был в виде дома с узкими окнами, с потолком жилого здания, с куполом над алтарем и с гонтовою крышею. Ограда же около церкви была обширная, состояла из часто поставленных остроконечных дерев весьма значительной вышины. По углам ограды сделаны были башни;

124. Известия Импер. Археол. Комиссии. Вып. 20. СПб. 1908 г., с. 3–5.

со внешней стороны ограда окопана была рвом, а по насыпи рва стояли рогатки; внутри ограды устроен был погреб для хранения пороха.

Все это называлось городком, куда, во время тревоги, жители уходили для безопасности.

Крепостной характер имел первоначальный храм и в сл. Верхней Дуванке, Купянск. у., во имя Благовещения Пресвятые Богородицы. Храм был обнесен высоким валом в виде крепости, и в окопе находилась высокая башня. Эта последняя служила и наблюдательным и оборонительным пунктом против татар, которые, производя грабежи по разным местам, обыкновенно по условленным знакам в виде поднятия на высоком месте фонаря, – на кургане доселе называемом караульным, сходились к реке Дуванке для дележа своих промыслов, от чего и произошло татарское название реки (дуванить-делить). Такой же характер имел и Предтеченский храм в с. Меловатке, Куп. у., По местной памяти он был деревянный, но уже с тремя главами, вместо ограды был обнесен высокими остроконечными надолбами, а по углам укрепления были раскаты, на которых стояли железные пушки.

Наиболее интересные архитектурные сведения Архиеп. Филарет сообщает о первых деревянных храмах древнейшей в крае сл. Котельвы, Ахтыр. уезда.

Так, первый здесь Троицкий храм, после которого ныне существующий есть уже четвертый, существовал не более 12 лет, был построен в виде небольшой храмины с небольшим куполом об одной главе, покрыт был соломой и сгорел от происшедшего вблизи его пожара. На месте его в 1632 году был устроен другой. Этот был также деревянный, небольшой низенький, с одним престолом, но уже о трех главах, покрыт гонтою. Он просуществовал до 1783 г. Первоначальный Преображенский храм здесь – деревянный – был с одним престолом с тремя главами, с гонтовою крышею, небольшой и низенький. Архитектурную особенность его составляли крытые переходы вокруг храма – «опасание». Храм этот стоял до 1780 г. и пришел в такую ветхость, что когда нужно было разбираться его, то

никто не решался, из опасения за жизнь, взлезть наверх, а потому среднюю главу или купол, зацепивши канатом, свалили на землю. Также и первоначальный Николаевский храм в Котельве и во второй постройке Покровский – были деревянные, небольшие, крытые гонтою и с «опасанием» вокруг. Это «опасание» в то время, очевидно, было обычной архитектурной принадлежностью наших первоначальных храмов. Не только оно было в Котелевских храмах. По свидетельству Архиеп. Филарета с «опасанием» был устроен и первый храм во имя Рождества Богородицы в сл. Михайловке, Лебед.у.

Уже по этим кратким описаниям первых наших церквей, данным Архиеп. Филаретом на основании устных преданий, видно, что первобытный тип их был чисто украинский. Мы узнаем в них все характернейшие черты этого типа. Хотя храмы эти не дошли до нас, но подобные им сохранились и уже изучены в Западной Малороссии. Кроме этого первообразы эти со всею точностью отразились в позднейших воспроизведениях: в деревянных храмах нашего края XVIII в., дошедших до нас. Как домовидные храмы воспроизводили подобные храмы Виленской губернии, так и храмы однокупольные с «опасаниями» вполне напоминают нам такие же современные храмы Подолии и Киевщины. Так как первые Котелевские храмы – трехкупольные – были низенькие, то, очевидно, они были односрубные – типа Георгиевской церкви в Старых Хуторах г. Винницы, Подольской губернии, т.е. широкие, приземистые о трех односрубных и осмигранных корпусах, с более высоким средним, с широкими осмигранными куполами и луковичными главами и с «опасанием» вокруг¹²⁵. Первоначальные же у нас домовидные храмы с куполами становятся вполне понятными по тем немногим храмам этого рода, которые от XVIII в. дошли до наших дней.

К числу памятников этого рода надобно отнести еще существующий Воскресенский храм села Хорошева, Харьковского уезда. Здание этого храма устроено в 1776 году старанием прихожан. Первоначальный же храм здесь был уже

125. Древности Украины. Киев. 1905 г., таб. VI, рис. 2.

в 1696 году. Нам неизвестно, воспроизводит ли нынешний храм вид первоначального, или же этот последний был другого типа. Во всяком случае оригинальное устройство настоящего храма говорит за глубокую древность его архитектурного типа. Это продолговатое квадратное здание, имеющее вид дома с двускатной крышей и с двумя боковыми низенькими крытыми крыльцами. Снаружи посредине на крыше сделан небольшой глухой четырехугольный фонарь с четырехгранной приплюснутой крышей и поверх его на небольшой главке четырех конечный крест. Над алтарем же конце крыши – небольшой крест на главке. Оригинальную особенность этого примитивного здания составляет колокольня, пристроенная к нему спереди. Она состоит из двух срубов: нижний четырех угольный в высоту храма, но несколько уже его, а на нем верхний осьмигранный с широкими квадратными отверстиями на четырех сторонах для колокольного звона. Эта колокольня покрыта красивым невысоким осьмигранным куполом с легким перехватом у основания, а поверх купола на осьмигранной шейке луковичная глава с крестом. Церковная паперт перед колокольней покрыта фронтальным навесом на двух колоннах. Все здание храма ошелевано и крыто железом.

Дальнейшее видоизменение этого типа составляли в нашем крае продолговатые храмы с куполом посредине. Древнейшими памятниками этого рода являются дошедший до нас храм с. Борового, Змиевского уезда, и известные нам по снимкам храмы: Архангело-Михайловский заштатного города Белополья и Борисоглебский села Водяного, Змиевск. уезда, – оба уже теперь не существующие. Конструкций этих двух последних примитивнее первого.

Существовавший до 1905 года и в этом году разобранный в с. Водяном Борисоглебский храм был устроен в глубокой древности. Первый храм здесь значит с 1700 года. Недавно разобранный представлял собою центральный квадратный сруб в 12 арш. ширины на каждой стороне и в 24 арш. высоты с четырехгранным куполом в 8 арш. высоты со слабым перехватом у основания, поверх которого утверждался осьмигранный глухой

невысокий фонарь с маленькой круглой главкой и крестом. С запада и востока к нему примыкали пристройки для притвора и алтаря в 12 арш. длины, в 10 арш. ширины и в 12 арш. высоты под двускатной крышей. Здание было рублено из прекрасного дубового леса, снаружи покрыто шелевкой, а крыша и купол железом. Боковые крыльца были открытые, а паперт с западной стороны имела фронтальный навес. Внутри храм совещался двумя простыми окнами притвора, тремя алтаря и шестью невысокими, но широкими окнами среднего сруба. Западная и восточная стены этого последнего для соединения с притвором и алтарем были прорублены арками в виде квадрата с усеченными верхними углами. Внутри купол был сведен в виде пирамиды с верхним усечением под фонарем, потолки же в притворе и алтарь были выведены коробовыми сводами. Внешнее устройство здания в общем соответствовало внутренней конструкции.

Описанный нами храм чрезвычайно напоминает тип, некогда распространенный в Подолии. Там из числа подобных храмов сохранилось три: один в Должике, Ямпольского уезда¹²⁶, другой в с. Залуче-Черченском Каменецкого уезда, а третий в с. Княжполь, того же уезда, все три с «опасаниями» кругом¹²⁷.

К этому типу приближался и разобранный в 1909 г. в г. Белополье Архангело-Михайловский храм. Судя по сохранившимся его снимкам, его первобытный вид был в последнее время изменен удлинением притвора и надстройкой над ним колокольни, а также пристройкой с западной, северной и южной стороны четырехколонных фронтонов. Однако, из этих позднейших пристроек, со всею ясностью выступает первоначальный вид храма. Он был деревянный, построен в 1779 году по благословию Кирилла, епископа Севского. Место, где стоял он, называется в народе Старосельем, потому что преимущественно на этом месте селились первые выходцы из-за Днепра. Храм, вероятно, воспроизводил вид того, который

126. См. Прот. Е. Сецинского. Исчезающий тип деревянных церквей Подолии. Каменец-Подольск. 1904 г., с. 24.

127. См. Г. Павлуцкого. Древности Украины. Киев, 1905 г., с. 16 и 17.

был здесь устроен первыми поселенцами. Он представлял собою центральный высокий и симметричный сруб, покрытый пирамидальной крышей, с запада и востока к нему имелись пристройки, на половину ниже и уже среднего, с трехсторонними крышами. Особенность его составляли три главы, две на пристройках и одна на главном срубе. Он одинакового устройства: каждая состояла из нижнего широкого и круглого фонаря с перехватным куполом верхнего такого же фонаря, но более узкого, который переходил куполом своим в маленькую главу с крестом. Получились формы здания совершенно простой конструкции, но чрезвычайно гармоничной, легкой и изящной в своих двухъярусных высоких трех главках.

К этой группе храмов надобно отнести сохранившийся до 1905 года, а в этом году разобранный, Христо-рождественский храм в селе Бобровом, Змиевского уезда. Он был устроен в 1782 году старанием прихожан из пластин дубового леса. Несмотря на то, что село Боровое изначала было заселено великороссийскими выходцами, тем не менее местный украинский дух сказался здесь в устройстве этого характерного черкасского храма. Он по плану своему представлял узкое продолговатое здание с двухъярусной четырехугольной башней с западной стороны, с двухсрубной уступчатой купольной башней посередине и с алтарной абсидой с востока. Средняя храмовая башня имела вид стройного осьмиугольника и в 12 арш. высоты. Сруб переходил в шатровый осьмиугольный свод, на котором был поставлен второй сруб в 3 арш. высоты и также осьмиугольный; он завершался осьмигранным куполом в виде пирамиды в 3 арш. высоты, над которым устроен высокий глухой круглый фонарь с крышкой, главой и крестом. Вся высота средней башни, кончая крестом, равнялась 28 арш. Верхний сруб внутри освещался четырьмя окнами, а нижний двумя двойными окнами с севера и юга. Крыльца боковые и западные – были без начесов. Двумя прорубленными арками этот сруб соединялся с алтарем и трапезной частью. Алтарь и трапеза сделаны были в половину высоты нижнего сруба и значительно уже его. Весь храм снаружи ошелеван и покрыт железом. Длина всего здания

от алтарной стены до паперти входной башни была 34 арш. Не смотря на значительную свою удлиненность храм представлялся стройным и красивым благодаря удачно взятым объему и высоте центральной башни. Если эту последнюю выделить от трапезной части и алтаря, то получится самый типический и при том самый древний вид украинского храма. В нем нет еще легкого взлета вверх, но за то он прост, симметричен и ясен в своей двухсрубной уступчатой конструкции.

Таким образом, из первоначального в нашем крае типа домовидных храмов очень рано выступает и выделяется особый и чрезвычайно интересный архитектурный тип храмов однокупольных, к обзору которых мы и приступим.

Древнейшим храмом этого рода был в нашем крае Иоанно-Богословский храм села Гомольши, Змиевского уезда, разобранный в 1902 году и известный нам по сохранившимся снимкам его. Этот храм был устроен в 1729 году Змиевским Николаевским монастырем для монастырских крестьян, населявших слободу Гомольшу. Здание его, рубленное из прекрасных дубовых пластин, отличалось чрезвычайной прочностью, почему и продержалось почти 200 лет. Храм представлял собой три наложенных один на другой осьмигранных сруба, кверху уменьшавшихся размерами. Нижний представлял собою собственно четвероугольник, но с отрезанными углами и имел по диаметру – 12 аршин, а в высоту 9 аршин, он заканчивался шатровыми двухаршинными сводами, а на них утверждался второй сруб также с отрезанными углами в 3 арш. высоты и в 10 арш. по диаметру. Второй сруб переходил в трехаршинный свод, который снаружи покрыт был покатою крышею с перехватом у основания, а на нем высился третий, совершенно осьмигранный сруб в 3 арш. высоты и в 6 арш. в диаметре, заканчивавшийся шатровым осьмигранным сводом, снаружи покрытым покатою крышей. Поверх этой последней устроен был осьмиугольный глухой фонарь, покрытый вогнутой крышью с небольшой главой в виде шара и равноконечным крестом. Высота храма кончая крестом доходила до 22 аршин. С востока к прорубленной арке нижнего сруба приделан был четырехугольный с отрезанными углами алтарь в 6 арш. высоты

и длины и в 8 аршин ширины с пятигранной шатровой крышей, а с западной такой же притвор с папертью, крытой сквозным фронтальным навесом. С северной же и южной сторон имелись закрытые крыльца в 4 арш. длины и в 3 арш. высоты и ширины с двускатными крышами. Дина всего здания от востока к западу равнялась 20 аршинам. При такой конструкции в храме преобладала высота: срубы представлялись монументальными: они не столь высоки, сколько широки по объему своему, хотя не производили впечатления грузных. Во всем здании чувствовалась красивая симметричность и спокойствие линий. Сухость покатых линий крыш первого и третьего срубов оживлялась мягкой волнистою линией крыши второго сруба. В последнее время крыши храма были покрыты железом, первоначально же были они гонтовые, а весь корпус здания был ошелеван с узкими вертикальными гранями. Наружному виду храма вполне соответствовало внутреннее устройство вся красота его заключалась в трехъярусных восьмигранных сводах, спокойно поднимавшихся с осьмигранными срубами вверх. В этом храме обращает на себя внимание отсутствие пристроек с севера и юга, подобных алтарной и трапезной, вследствие чего храм по плану своему не имеет крестообразной формы. Другою характерною его особенностью является малая высота его срубов, но значительный объем их, превосходящий высоту в два и в три раза. Тип Гомольшанского храма довольно редкий в нашем крае: так строились здесь некоторые храмы в самое первое время черкасских поселений. Однако он не сделался излюбленным: его скоро потом оставляют, и только сохранявшийся Гомольшанский храм донес до наших дней образ одного из первобытнейших черкасских храмов. Чаще всего тогда строили однокупольные храмы в несколько видоизмененном виде сравнительно с Гомольшанским.

В дальнейшем своем развитии этот тип проходит несколько ступеней, эволюцию которых интересно отметить в целом ряде известных нам памятников этого рода. Прежде всего Гомольшанский тип видоизменился в форму крестообразных однокупольных храмов. К этому разряду мы должны отнести

храмы: Рождество-Богородичный села Ковягов, Валковского уезда, Георгиевский г. Ахтырки, Успенский сл. Дементьевки, Харьк. уезда, существующие и теперь, и разнообразные в недавнее время: Василиевский храм села Солдатского, Богодуховск. Уезда, Варваринский с. Варваровки, Волч. у., Успенский с. Коробочкино, Змиевск. у. и некоторые другие. В одних из этих храмов сохранился еще широкий объем низких срубов, как в Гомольшанском, в других же мы усматриваем тенденцию сузить их более вытянуть вверх. Тип первого рода дошел до наших дней в Георгиевском Ахтырском храме. По плану своему этот храм представляет равноконечный крест с серединным высоким четырехугольным срубом, к которому со всех четырех сторон примыкают такой же высоты, но немного уже четырехугольная пристройки с двускатными крышами: внутри пристройки соединяются с храмом посредством прорубленных в среднем срубе арок. На среднем срубе храма утверждается осьмигранник с диаметром вдвое большим, чем его высота, покрытый невысоким шатровым осьмигранным куполом, который переходит в новый осьмерик, вдвое меньший чем нижний, но также вдвое шире против своей высоты. Этот второй осьмерик, покрытый низким шатровым куполом, вновь переходит в невысокий осьмигранный глухой фонарь, на котором возвышается глава с четырехконечным крестом. В этой конструкции интересен переход четырехугольного основания в осьмерик. Это достигается посредством трехугольников, нижний конец которых, представляющий острый угол, лежит между двумя стенами сруба, в точке на линии их соединения; другие два угла каждого из трехугольников оканчиваются там, где лежит нижняя часть осьмерика. Снаружи эти выступающие под осьмериком углы нижнего сруба покрыты ребровидною крышей. В устройстве этого храма явно выступает объемистая массивность основного сруба с четырьмя пристройками и первого осьмерика, которая однако, смягчается симметричным соотношением к ним второго осьмерика и фонаря с умеренно вытянутой главой и крестом. И в этой конструкции в той именно пропорции, какая необходима для сообщения всему зданию спокойной простоты

и величия. Нечто новое и своеобразно-красивое мы усматриваем в храмах другого рода, прототипом которых можно считать упомянутый храм села Ковягов.

В роскошной лесистой местности на холмах, прорезанных глубокими балками, привольно раскинулось село Ковяги: оно все утопает в богатых садах. Здесь на одном ясней высится изящное здание старинного храма, теперь уже упраздненного. Выстроен он во имя Рождества Богородицы в 1732 году и является теперь самым древнейшим в нашем крае. Он срублен из толстых дубовых пластин. По плану своему он представляет правильный равноконечный крест в 23 аршина между концами перекрестий. Средину его составляет трехъярусная башня, кверху постепенно суживающаяся. Основной нижний сруб, как и два верхние, – квадратный с отрезанными углами. Нижний сруб имеет в диаметре 9 аршин, а в высоту 8 аршин. Прорубленными арками в каждой своей стороне он соединяется с квадратными пристройками такой же высоты, снаружи крытыми двускатными крышами, а внутри с плоскими потолками. Западная пристройка имеет над папертью фронтальный навес на четырех колоннах. Нижний сруб переходит в шатровые трехаршинные своды о восьми гранях, а на них утверждён второй сруб в 4 аршина высоты и в 6 аршин в диаметре. Шатровый купол его в 4 арш. высоты снаружи имеет крышу с мягким перехватом у основания. Поверх этого купола возвышается третий сруб в 3 арш. высоты с перехватом, на котором насажена как бы остроконечная крыша с шатром и высоким четвероконечным крестом. Вся высота здания с крестом равняется 25 аршинам. К западным пристройкам приделаны с двускатными крышами продолговатые крыльца в 6 арш. длины и 4 – ширины. Храм снаружи обшелеван и крыт железом: первоначально же был крыт гонтой. Освещается то 9 окнами нижних пристроек, четырьмя второго сруба и четырьмя третьего. Внутри он светел, суживающиеся высокие своды легко и высоко поднимают два верхних сруба. Все здание этого храма при умеренной высоте первого этажа бросается в глаза стройной вытянутостью верхних частей. Выше и круче обыкновенного поднимаются своды над первым срубом, обозначается легкое

преобладание высоты над объемом во втором срубе, выше и прямее поднимаются своды над этим срубом, и еще рельефнее вздымается в высоту третий сруб с двумя своими куполами, увенчанный крестом в 2 ½ аршина высоты. Это устремление вверх башни храма удивительно гармонирует с нижними крестообразными пристройками, которые своими размерами не только не ослабляют, а наоборот, выделяют ее. Низкие же удлиненные крыльца с севера и юга придают храму красивую фундаментальную широту. Нельзя не поражаться удивительно меткому перспективному глазомеру строителей этого простого и изящного здания.

Стремление сузить и вытянуть вверх здание однокупольного украинского храма еще более заметно в ряде других дошедших до нас памятников этого рода весьма похож на Ковяговский храм размерами, конструкцией и линиями крыш деревянный Николаевский храм подгородного села Замостье, Змиевского уезда. Он выстроен в 1793 году и теперь предназначен к упразднению за построением здесь нового каменного храма. Так же как и Ковяговский, он крестообразен, башня его о трех насаженных один на другой квадратных срубах с отсеченными углами с первой шатровой крышей и с двумя верхними перехватными. Такое же, как и в Ковяговском и здесь двухъярусное покрытие самого верхнего сруба. В отличие же от Ковяговского здесь крестообразные пристройки сделаны не в высоту нижнего сруба, а гораздо ниже. Через это храм более подымается вверх и представляется еще стройнее и тоньше, чем Ковяговский.

Такой же архитектурной идеей проникнуть и храм во имя Св. Николая в селе Грунь, Лебединского уезда. Он построен в 1782 году иждивением бригадира Александра Коробовского, известного попечителя Михайловской пустыни. Это – один из изящнейших старинных храмов нашего края. При нем сохранилась в первоначальном своем виде и колокольня – типичный образец лучших наших древних звонниц. Храм представляет собою башню из трех наставленных один на другой и все более суженных четырехугольных срубов со срезанными углами, при чем самый верхний из них по своим геометрическим

пропорциям превращается в высокий и правильный осьмигранник. Первый нижний сруб храма характерен тем, что едва заметно суживается кверху, имея у основания по диаметру 9 аршин, а вверху – 8 арш., вся же высота его равняется 10 аршинам. Сравнительно с предыдущими описанными храмами в этом первый сруб наиболее приподнят, что бросается в глаза при перспективном обзоре его сравнительно с общей высотой всего храма в 26 аршин. Этот сруб имеет совершенно простую конструкцию, бока всех сторон его совершенно ровные и гладкие: вверху переходит в двухаршинные шатровые своды, снаружи покрытые плоской крышей. С востока приделан алтарь в 7 аршин высоты с двухярусным куполом, как на средней башне. С западной стороны сруб соединяется с колокольней, а с трех остальных он имеет небольшие пристройки в 5 арш. высоты с крышею и в 4 длины: крыша на них волнистая трехскатная, но с выходной стороны с обсеком верхнего угла; эта оригинальная форма покрытий пристроек оживляет скучные ровные линии основного сруба. Над сводами его на высоте 12 аршин от основания утверждается второй сруб в 3 аршина высоты и 5 аршин в диаметре. Шатровые своды его снаружи покрыты приплюснутой крышей с перехватами. Но за то далее уже возвышается правильный осьмигранник третьего сруба в 2 аршина в диаметре и в 2 ½ аршина высоты с резко вытянутыми на 2 аршина куполом, снаружи покрытым луковицеобразной крышей с перехватом у основания и с широким карнизом наверху. Здание заканчивается высоким и узким глухим фонарем с луковичной заостренной главой в виде славянского шлема и с высоким четвероконечным крестом в сиянии. Внутренний вид храма совершенно соответствует наружной его конструкции. Во всех его частях высота преобладает над шириной и объемом, не переходя однако в сдавленность. Пропорции объема и высоты и здесь взяты весьма удачно. Три боковые его пристройки своими малыми размерами не ослабляют высоты главного сруба. Весь храм в целом производит впечатление легкого и грациозного здания.

Насколько удачно сказывалось чувство симметрии и легкости в устройстве таких храмов при измененных размерах, – это показывают прекрасные два храма, сохранившиеся до наших дней в селе Лимане, Змиевск. у. Лиман – был заселен черкасами уже в половине XVII в. и превращен в укрепленный городок, с успехом отбивавшийся от татарских набегов и, как таковой известный уже с 1660 года. Из трех первоначальных храмов теперь имеются два: Арх–Михайловский, устроенный в 1798 году, и Крестовоздвиженский, устроенный в 1806 г. в виде точной копии с первого. При них сохранились и отдельные колокольни. Это – образцовые памятники украинского зодчества, настолько они бесподобны по стройности, легкости и красоте своей архитектуры.

Остановим свое внимание на Крестовоздвиженском храме. Он представляет собой однокупольную башню, грациозно поднимающуюся вверх своими четырьмя постепенно уменьшающимися срубами. Эти последние все четырехугольные с обсеченными углами: высота каждого из них едва заметно преобладает над шириной. Своды первого и третьего крыты покатою крышей, второго перехватной, самого верхнего глухого осьмигранника – приплюснутой с луковичной главой и высоким четвероконечным крестом с изящными короткими перекрестьями на перекрестьях. По своей конструкции он представляет середину между Ковяговским и Груньским типами, как будто взяв от них все лучшее. Он уже, выше и стройнее Ковяговского, но за то в разделке первого своего сруба он богаче Груньского. С прорубленным аркам этого сруба со всех четырех сторон приделаны четырехугольные и также с обсеченными углами пристройки почти во всю ширину боков сруба на умеренную длину. Трехскатные крыши этих пристроек имеют обсеки верхних своих углов и скаты на боковые обсеки. С трех сторон к этим пристройкам приделаны крыльца с фронтальными навесами.

Таким образом, эти пристройки не столь высоки, как в Ковяговском, но и не столь низки и длинны, как в Груньском. При такой пропорции частей храм получает трудно передаваемую словами красоту и игрушечную легкость целого. Архитектурное

впечатление здесь усиливается высокими решетчатыми окнами на широких боках осьмериков и пристроек. Все в конструкции этого храма просто, нет раздражающих деталей, одна красота линий и спокойное устремление вверх. Этот тип храмов сделан в Донецком районе нашего края господствующим и лег здесь в основу трехкупольных и пятикупольных храмов. Сравнивая Лиманский тип с древнейшими однокупольными храмами нашего края, мы должны придти к заключению, что строители выработывали его тип медленно, в ряде опытов устраняя из первых низких, широких и объемистых храмов грузную приземистость и виртуозно разрабатывая систему уменьшающихся срубов с простыми и перехватными крышами в изящную легкость к небу поднимающейся башни. К этой группе храмов надобно отнести храмы: Троицкий села Михайловки. Змиев. у., в котором своды всех четырех срубов покрыты покатыми крышами, такой же Николаевский сл. Царборисовой, Изюм. у. и Рождества-Богородичный той же слободы, в котором верхние три сруба представляют собою правильные осьмигранники с вогнутыми крышами, придавая храму круглый вид. Своеобразное явление в числе подобных храмов представляет Николаевский храм города Лебедина, один из древнейших сохранившихся до наших дней.

Первоначально он был построен в конце XVII в. из колотого, а не распиленного, леса, как это видно еще и теперь на стенах храма. В 1761 году он был перестроен с сохранением его прежнего вида, но с изменением формы крыш верхних его частей.

По типу своему этот храм крестообразный. В центре креста поставлен очень высокий, равносторонний, четырехугольный сруб в 22 арш. высоты и в 10 арш. на каждой стороне, к которому через прорубленные арки примыкают со всех четырех сторон четырехугольные пристройки с широко обсеченными углами в 11, а с крышей 15 аршин высоты, в 8 аршин ширины и глубины. Сруб переходит в шатровые трехаршинные своды, снаружи покрытые покатыми крышами: на них утверждается второй сруб правильной осьмигранной формы в 5 аршин высоты и 7 аршин в диаметре. Этот сруб переходит опять в шатровые своды

в 3 аршин высоты. Эти своды снаружи покрыты осьмигранной крышей с перехватом у основания, при чем карниз у основания крыши с четырех сторон сруба выведен правильными арками с круглыми окнами в них. Над сводами второго сруба утверждается третий, также осьмигранный в 3 арш. высоты и в 4 аршина в диаметре, покрытый внутри шатровыми сводами, а снаружи осьмигранной крышей с перехватом у основания. Здание заканчивается высоким и узким осьмигранным глухим фонарем, на который надета глава также осьмигранная, напоминающая форму митры с высоким четвероконечным крестом. Вся высота здания равняется 42 аршинам. Это один из самых высоких однокупольных храмов края. Внутренность храма освещается четырьмя окнами верхнего сруба, шестью – среднего, восемью большими решетчатыми главного и 11 такими же окнами пристроек. С трех сторон, кроме восточной, к пристройкам приделаны закрытые невысокие крыльца. Как пристройки, так и крыльца крыты куполообразными крышами. Снаружи храм до высоты пристроек вертикально обшелеван с узкими гранями, а выше обшит шелевкой горизонтально.

В устройстве этого храма мы видим резкие особенности сравнительно с рассмотренными нами выше. Так, здесь крестообразные пристройки покрыты купольными крышами, основной сруб чрезвычайно высок и четвероуголен, а крыша второго сруба устроена с арками, придающими ей общий вид купола. При всем этом крайне своеобразна также и глава вверху храма в виде надетой на фонарь круглой шапки. Во всех этих особенностях храма чувствуется попытка соединить общую украинскую конструкцию храма с системой круглых купольных покрытий. Подобный опыт мы видим в конструкции каменного Преображенского храма в г. Прилуках, Полтавской губернии, устр. в 1716 году¹²⁸. Можно догадываться, что первоначальный вид крыш пристроек, второго сруба и главы был иной, а именно: обычный в Украине шатровой с перехватом у основания, а главы – луковицеобразный.

128. См. И. Грабаря. История русского искусства, т. II, с. 407.

Мы так подробно описали однокупольные деревянные храмы потому, что для дальнейшего развития нашего местного церковного зодчества они дали основные и самые характерные архитектурные элементы. В них была разработана и та основная идея, которая настойчиво проводилась в дальнейших более сложных церковно-архитектурных композициях. После этих храмов следующей архитектурной ступенью были трехкупольные храмы, довольно распространенные у нас в XVII и XVIII вв.

Древнейший тип этих последних дошел до нас в виде существующего еще, но упраздненного, Покровского храма с. Трехизбянска, Старобельского уезда. Это село на левом берегу р. донца уже существовало в 1680 году и, подобно Лиману Змиевскому, было укрепленным черкасским городком, защищавшим население этого района от татарских набегов. С того же времени существовал здесь и храм. Здание настоящего храма устроено в 1772 году, когда он был освящен по благословию Свят. Тихона Воронежского. В 1820 году необычайное разлитие р. Донца затопило более половины слободы и храм. Поэтому был поднят каменный фундамент храма, возобновлен был в нем иконостас и починены другие повреждения. Ризница и утварь древнего храма были очень бедны – сосуды и кресты оловянные, ризницы тяжинные. Как все трехкупольные, так и этот храм представляет собой три сруба, поставленные в подряд по продольной линии от запада к востоку. По наружному виду своему он соединяет в себе конструкцию храмов Боровского и Водяного. Посредине его поставлен четырехугольный с обсеченными углами сруб в 12 аршин высоты и в 8 арш. в диаметре с двумя широкими окнами на север и юг, с трехаршинными шатровыми сводами, снаружи покрытыми осьмигранной крышей с слабым перехватом над карнизом. Далее возвышается второй сруб также с обсеченными углами в 3 арш. высоты и 6 арш. в диаметре и с четырьмя окнами, сведенный внутри осьмигранными шатровыми сводами, а снаружи покрытый низким куполом с легким перехватом у основания. На куполе имеется низкий осьмигранный фонарь с четырьмя небольшими

окнами, с приплюснутой остроконечной крышкой, главой в виде шара и четырехконечным крестом. Вся высота средней башни с крестом равняется 28 аршинам. К прорубленным аркам этого сруба присоединены западный и восточный четырехугольные срубы, такой же высоты как и средний, но в 6 аршин ширины и 8 арш. глубины, каждый с двумя решетчатыми большими окнами внизу и с четырьмя небольшими вверху. Эти пристройки покрыты четырехскатными куполами с легким перехватом над карнизом, с такими же фонарями, главами и крестами, как и на главном куполе. Высота этих башен с крестами равняется 23 аршинам. Снаружи храм ошелеван горизонтально и покрыт железом. Внутри сруб имеет выходы на северную и южную стороны в виде невысоких закрытых притворов с двускатной крышей и с фронтальными крыльцами. В позднейшее время с западной стороны к нему был приделан длинный притвор с колокольной. Храм производит впечатление объемистого и монументального здания: особенно характерен в нем широкий и тяжелый второй сруб в средней башне с присадистым куполом.

Эту особенность соединения центральной двухсрубной башни с двумя боковыми односрубными мы находим в интереснейшем трехкупольном храме села Бездрика, Сумского уезда. Это во многих отношениях замечательный храм. Мы уже упоминали, какой имеется в нем редкостный иконостас. Своеобразные черты усматриваются и в архитектуре его. Однако, Архиеп. Филарет в своем «Историко-статистическом описании Харьковской епархии» упоминает только, что Арх.-Михайловский храм в этом селе известен с 1697 г., сведений же, как о самом селе, так и времени устройства и строителях существующего ныне храма он не сообщает никаких. По местному преданию, храм построен во второй половине XVIII в. владельцем Бездрика помещиком Алферовым, купившем для него дивный иконостас из старой Арх.-Михайловской церкви Сумского Успенского монастыря. Если в этом храме устранить позднейшие низкие притворы с фронтонами на западной и южной сторонах, то пред нами предстанет храм в первобытном виде половины XVIII в. Посредине храма возвышается

двухсрубная башня, в которой нижний сруб правильной четырехугольной формы в 12 аршин высоты и в 10 ширины и длины. Непосредственно на нем утверждён второй сруб такого же объёма, как нижний, но в 10 арш. высоты и со срезанными углами. Он соединяется с нижним выступающим наружу карнизом, крытым железом, с ребровидными углами обсеков у своего основания. Этот второй сруб покрыт осьмигранным куполом, вытянутым вверх на 5 аршин с едва заметным отгибом над карнизом. Над куполом возвышается глухой осьмигранный широкий фонарь с таким же куполом, а поверх его другой меньший фонарь с приплюснутой крышкой, главой и равноконечным крестом. К прорубленным аркам нижнего сруба средней башни пристроены башни западная и восточная: обе из срубов равных по высоте среднему, но немного уже его, при чем восточный имеет угловые обсеки, и с совершенно такими же купольными фонарями, главами и крестами, как и на средней. Все три сруба снаружи обведены посредине узким карнизом как поясом. Храм внутри под куполами имеет осьмигранные шатровые своды и обильно освещен шестью узкими и высокими аркообразными окнами верхнего сруба и девятью такими же окнами среднего и западного срубов, из которых трое – тройных. Храм вделан из рубленного леса, снаружи ошелеван вертикально и покрыт железом. По общему своему виду он чрезвычайно прост и монументален. Объемистость срубов не делает его тяжелым и грузным: средняя башня властно господствует над соседними, а эти не теряются пред высотой средней благодаря своим величественным, спокойно поднимающимся куполами. Узкие аркообразные окна, особенно тройные, в которых среднее выше боковых, над западным порталом и на северной и южной сторонах вносят в стиль храма черту своеобразную, по-видимому взятую из западноевропейской готики. Конструкция этого храма воспроизводилась в Трехсвятительском храме города Лебедина, устроенном в 1792 году с высокими четырехколонными фронтонами с трех сторон.

К числу древнейших трехкупольных храмов нашего края принадлежит также Николаевский храм в с. Ольшаной,

Харьковского уезда. Он устроен в 1753 г. и освящен лично Свят Иосафом Белгородским. Архитектура его очень понравилась местному черкасскому населению: по образцу его был построен целый ряд храмов в окрестных селах: Гавриловке, Синолицевке (сохранившиеся донныне), Удах (сгоревший), Люботине (уже несуществующий) и др. Ольшанский храм состоит из трех двухсрубных (двухярусных) башен почти одинаковой высоты, но с более объемистой средней. Башни расположены вдоль по линии с запада на восток. Только нижний сруб средней башни четырехсторонний – квадратный, все же остальные срубы башен квадратные с обсеченными углами. Своды над первым ярусом, шатровые и осьмигранные, снаружи крытые железной крышей с легким отгибом над карнизом. Срубы же второго яруса, сведенные также осьмигранными шатровыми сводами, покрыты снаружи широкими овальными куполами с отгибами над карнизами. На куполах глухие маленькие фонари м остроконечными покрытиями, главами на них и большими четвероконечными крестами. Особенностью этого храма являются хоры, устроенные в западной башне с внутренним входом на них. Храм освещается небольшими окнами с четырех сторон верхних срубов, в двух сторон нижнего среднего и с трех сторон крайних нижних срубов. По местным преданиям храм был покрыт гонтой. Сравнивая этот храм с другими подобными, можем видеть, что как в этих последних, так и в Ольшанском первоначальные купола были не овальные, а вытянутые осьмигранные или покатые или же с заметным перехватом у основания.

Переход от этого типа объемистых трехкупольных храмов в тип более изящный мы находим в Преображенском храме сл. Алешни, Лебединского уезда и в Георгиевском – города Лебедина.

Ныне существующий Преображенский храм с. Алешни построен в 1780 году старанием священника Иосифа Бобина и избранных на то лиц от прихода. Старанием этого же священника, который по наследству владел населенными землями, храм покрыт железом. По плану своему храм этот

крестообразный трехкупольный. В центре его стоит башня из трех осьмигранных срубов, из которых первый объемом своим равен высоте, а второй несколько меньше нижнего объемом вдвое более высоты своей, третий же сруб маленький и невысокий. Все они утверждаются на шатровых осьмигранных сводах умеренной высоты, снаружи покрытых покатыми крышами. На крыше верхнего сруба возвышается фонарь с остроконечной крышей и луковицеобразной главой, на коей утвержден высокий нарядный крест в сиянии и с перекрестьями на перекрестьях. Второй сруб имеет два окна на севере и юге, а третий четыре. К этой башне примыкают северная и южная четырехугольная пристройки во всю ширину и высоту нижнего сруба с двускатными крышами. С запада же и востока к прорубленным его аркам примыкают две башни, состоящие каждая из нижнего сруба с обсеченными углами, равного высоте и объему нижнего сруба средней башни, и увенченного высоким осьмигранным шатровым куполом, доходящим до высоты второго сруба средней башни. На куполах этих боковых башен возвышаются маленькие срубы, подобные третьему срубам средней башни, с такими же фонарями, главами и крестами. Западная и восточные башни освещаются каждая тремя окнами нижнего сруба и четырьмя верхнего, северная же и южная пристройки тремя окнами над выходами. Снаружи гладкие стены храмы ошелеваны красивой вертикальной обшивкой с гранями, но без всяких декоративных украшений. По общему своему виду храм очень характерен. Вся красота его в архитектурных линиях, а эти последние проникнуты идеей поднятия вверх. В то время как купола восточной и западной башен сразу же от нижнего сруба смело и резко вздымаются вверх на значительную высоту, разбившись затем на мелкие детали верхних частей, средняя башня спокойно и постепенно переходит уступами от нижнего сруба к первым невысоким сводам, затем к следующему срубам, от этого сруба к новым сводам и т.д.

Еще более смягчается это постепенное нагромождение срубов и сводов в маленьком, но интересном трехкупольном Георгиевском храме г. Лебедина.

Храм Вмуч. Георгия в первый раз построен в Лебедине, вероятно, около 1700 года. В 1765 г. построен ныне существующий из прочных дубовых пластин. В 1879 году к нему были приделаны трапезная часть и каменная колокольня. Храм типичный украинский о трех башнях по продольной линии с востока на запад.

Срубы в храме осьмигранные. Нижние срубы башен одинаковой высоты в 12 арш., средний объемом в 10 арш., на два аршина шире соседних. Эти срубы переходят в своды одинаковой высоты в 3 арш. На сводах среднего положен второй сруб в 8 арш. в диаметре и в 4 арш. высоты со сводами в 5 арш. подъема, на них третий сруб в 3 арш. высоты и такого же диаметра. На сводах же соседних срубов устроены осьмерики в 3 арш. высоты и диаметра. Нижние своды покрыты снаружи покатыми крышами. На самых же верхних срубках надеты широкие шлемообразные купола с перехватом посередине, а еще выше фонари с перехватными главами, шарами на них и крестами. Внутренняя конструкция совершенно отвечает наружной. В архитектуре храма нет резких переходов: нет здесь и объемистой полноты срубов, во всех частях его симметрия и спокойное поднятие вверх, только в самых верхних надфонарных частях допущены живость и изящество изогнутых линий.

Верха своего изящества этот трехкупольный тип достиг в нашем крае Св. Троицком храме с. Черкасского Бишкина, Змиевского уезда. Создатель архитектуры этого храма был истинный мастер своего дела, проникнутый высоким вдохновением с несомненными задатками творчества. В этом несравненном храме не только подведены итоги предыдущему архитектурному развитию этого типа, но и намечены богатые идеи дальнейшего движения украинского церковного зодчества. Вот почему рассмотрение особенностей этого церковно-архитектурного памятника мы полагаем в основу изучения самых сложных композиций, отразившихся на известных нам пятикупольных и девятикупольных храмах нашего края.

Церковные древности села Бездрика, Сумского уезда.

В трех верстах от сл. Верхней Сыроватки, Сум. у., вблизи линии Белгородско-Сумской ж. д. находится село Бездрик. Местность эта покрыта многочисленными рощами и перелесками. Когда-то здесь был сплошной черный лес, переходивший в долину Сыроватки великолепным бором. Последний остаток этого бора на правом берегу речки, напротив сл. Верхней Сыроватки, два года назад был сплошь вырублен, все пни выкорчеваны, а земля запахана, так что теперь на этом месте не осталось никаких следов еще недавно бывшего здесь старого и красивого бора.

Самое село Бездрик расположено между лесами на холмах, пересеченных глубокими балками. В одном месте самая высокая гора выходит своею оконечностью в направлении на юг к двум глубоким прудам, к которым спускается почти обрывами и которыми она окружена с трех сторон.

Вершина горы покрыта лесом. Здесь-то, высоко над прудами, отражаясь в глубоких и чистых водах их, высится стройным и изящным силуэтом Архангело-Михайловская церковь, деревянная, украинского стиля, с тремя по продольной линии уступчатыми башнями, увенчанными главами с четырехконечными крестами.

Деревянная в виде забора ограда квадратом окружает церковь; все пространство внутри ограды покрыто мелким кустарником, фруктовыми деревьями и несколькими старыми дубами и липами. За деревьями позади церкви к северу прячутся хаты и угодья крестьян. Над светлыми прудами, на фоне изумрудной зелени во всей своей красоте видна церковь. Чем-то мирным и уютным, чисто монастырской идиллией, дышит от этой прелестной картины одинокого храма в лесу над прудами.

На южной стороне от прудов на склоне балки среди рощи расположено поместье г.г. Алферовых, с большим двухэтажным домом, выстроенным в 40-х годах XIX в. В классическом стиле, с колоннадой над парадным входом и такой же колоннадой и широкой террасой в сад над прудом.

В ограде церкви теперь колокольни нет. Колокола подвешены под низеньким навесом на южной стороне. Колокольня, некогда стоявшая отдельно от церкви на западной стороне, 20 лет назад сгорела на 1-й день Св. Пасхи от забытой свечки. Старожилы передают, что еще древнее когда-то колокольня стояла в юго-восточном углу ограды. Сгоревшая колокольня была деревянная о двух ярусах, подобная отдельной боковой башне церкви.

Село Бездрик одно из древнейших в нашем крае. Семья г.г. Алферовых хранит у себя, как семейную реликвию, царскую грамоту, роскошно написанную на пергаменте красивым разрисованным полууставом с свинцовой печатью на шнурах. Грамота эта дана царями Иоанном и Пером Алексеевичами в 7 год правления царевны Софьи Алексеевны сотнику Марку Алферову на владение землями, лесами, прудами, пасаками и хуторами в указанных здесь границах. Между прочими владениями закреплялось этой грамотой за Марком Алферовым и «село Бездрик», – очевидно уже в то время представлявшее собою небольшое поселение черкас. Преосв. Филарет в «Историко-статистическом описании Харьковской епархии» о Бездрике не сообщает подробных сведений. Кратко только в статистическом виде указывает между некоторыми другими храмами Сумского уезда и Архангело-Михайловский храм с. Бездрика, делая пометку, что храм здесь существует с 1697 года, а первые метрические данные начинаются с 1730 года, когда при этой церкви числилось 210 ч. м. п. и 173 ж. п.

По преданию, сохранившемуся в семье Алферовых, первая церковь в Бездрике была устроена сотником Марком Алферовым, но она не дошла до нас. Нынешняя церковь была переложена в 1865 году из старой местным помещиком Николаем Васильевичем Алферовым с совершенным сохранением прежнего

стиля с заменой только ветхих подвалов новыми и устройством под нею каменного фундамента. Осматривая её конструкцию внутри, мы убедились, что дубовые пластины, топором рубленные, целиком в ней уложены из старой церкви от низу до самого верха: в двух только местах южной стены несколько из них заменены новыми, вполне заметными. Несомненно, что нынешний вид её вполне воспроизводит древнюю церковь – вторую от начала. Когда и как уничтожено было здание первоначальной церкви и когда была устроена эта вторая – в точности неизвестно. Судя по форме куполов её, можно предполагать, что устроена она была не ранее половины XVIII в.

Архитектура церкви представляет собой особый тип трех купольной постройки: в ней центральная двух срубная (т. е. двух ярусная) башня соединена с двумя боковыми одно-срубными.

Если в этой постройке отнять позднейшие низкие притворы с фронтонами на западной и южной сторонах, то перед нами предстанет храм в первобытном виде половины XVIII в.

Посредине возвышается двух срубная башня, в которой нижний сруб правильной четырехугольной формы в 12 арш. Высоты и в 10 ширины и длины. Непосредственно на нем утверждён второй сруб такого же объема, как и нижний, но в 10 арш. высоты и с срезанными углами. Он соединяется с нижним выступающим наружу карнизом, крытым железом, с ребровидными углами обсеков у своего основания. Этот второй сруб покрыт восьмигранным куполом, вытянутым вверх на 5 арш. с едва заметным отгибом над карнизом.

Над куполом возвышается глухой восьмигранный широкий фонарь с таковым же куполом, а поверх его другой меньший фонарь с приплюснутой крышкой, главой и равноконечным крестом. К прорубленным аркам нижнего сруба средней башни пристроены башни западная и восточная: обе состоят из срубов равных по высоте среднему, но немного уже его, при чем восточный имеет угловые обсеки, и с совершенно такими же купольными фонарями, главами и крестами, как и на средний. Все три сруба снаружи обведены посредине узким карнизом как поясом.

Храм внутри под куполами имеет восьмигранные шатровые своды и обильно освещены шестью узкими и высокими аркообразными окнами верхнего сруба и девятью такими же окнами среднего и западного срубов, из которых трое тройных. Храм сделан из рубленного леса, снаружи ошелеван вертикально и покрыт железом. По общему своему виду он чрезвычайно прост и монументален. Узкие аркообразные окна, особенно тройные, вносят в стиль церкви черту своеобразную, по-видимому взятую из западноевропейской готики.

Самою ценною древностью в этой церкви является иконостас, который составляет единственную редкость в нашей епархии. Другого, столь древнего и столь стильного, притом хорошо сохранившегося, иконостаса нет нигде у нас в епархии.

Это и побуждает нас дать здесь подробное описание его.

Иконостас этот деревянный, стоит на очень низкой солее, возвышающейся над полом церкви только на 2 вершка.

Он состоит, кроме цокольного ряда икон, из четырех ярусов, расположенных на площади его в виде ломанных дуг. Он имеет высоту, кончая крестом, в 16 аршин, а ширину по солее от стены до стены в $9\frac{1}{2}$ аршин. Основу его составляет горизонтальный ярус «местных» икон, разделенных шестью монументальными колоннами на семь глубоких ниш и вертикальный центральный фронтон, вытягивающийся вверх на двух таких же монументальных колоннах и заканчивающийся Распятием с Предстоящими.

Эти восемь колонн сделаны из роскошной сквозной резьбы, представляющей виноградные листья с гроздьями винограда. Капители – коринфские с широко отгибающимися акантовыми листьями. Укреплены колонны в иконостасе не базами, а массивными кронштейнами, также с сквозною резьбою.

Царские врата представляют собою сквозную резьбу из переплетающихся длинных и узких листьев, исполненных двойными линиями с орнаментом в виде ожерелья посредине. Резьба царских врат повторяется в первом ярусе между иконами и во всех свободных местах центрального фронтона. Она же обвивает Распятие и Предстоящих на самом верху иконостаса.

От этого центрального фронтона идут ярусы в обе стороны. Для царских и боковых врат поделаны весьма глубокие ниши в виде квадратов с усеченными верхними углами. Верхние ярусы разделены горизонтально-резными и сложными карнизами античного стиля, а вертикально поделены тонкими и высокими колонками из сквозной резьбы, – на кронштейнах. Между колонками довольно углубленные ниши для икон в виде квадратов с усеченными верхними углами.

Основная площадь иконостаса выкрашена в синий фон, и по нему уже положена золотая резьба.

Карнизы, узкие рамочки и кронштейны под колонками верхнего ряда окрашены ярко-красной краской, по которой наложена золотая резьба. Нижние карнизы подведены бирюзовой и голубой краской. В нишах первого яруса на боковых сторонах кронштейнов и пилястров по синему нарисованы цветы с яблоками.

Иконостас удивительно богат иконами: всех их в нем имеется 55. Расположены они в строгом порядке.

Иконы чрезвычайно интересны своеобразными типами, особенной техникой мастерства и ярко выраженной живописностью. Они положительно очаровывают зрителя и приковывают к себе глубокое внимание.

В цоколе иконостаса между кронштейнами под колоннами расположены четыре восьмиугольных иконы, каждая в 12 верш. высоты и в 9 – ширины. Две крайние совершенно темные. Из средних: одна «лестница Иакова», а другая «беседа Спасителя с Самарянкой». На этой последней иконе оригинально изображение Самарянки в виде малороссийской девушки. На ней красная безрукавка, белая рубаха, желтая юбка и красные сапожки: от гладкой головной прически развеваются белые ленты; в руках у неё казаночек.

В первом ярусе «местных» икон, иконы имеют высоту в 23 вершка и ширину в 14 вершков. Это – поколенные изображения Спасителя, Богоматери, Св. Николая Чудотворного. И Архистратига Михаила. На них – золотой фон с выпуклым рельефом. У Спасителя продолговатый лик с румянцем,

тонкие изящные брови, такие же нос и уста; тонкие к низу усы и остроконечная короткая разделяющаяся борода, красный хитон с мелкими золотыми цветами, плащ синий с крупными золотыми цветами. В левой руке Евангелие, раскрытое на словах: «придете благословению»... Цвета яркие и хорошо сохранившиеся, особеннов лике. Корона на Спасителе накладная серебряная. Внизу в золотой раме на красном фоне написано: «Зря образ Христов, верувием Бога быти бивый в столбе облачене и zde может житы.»

На иконе Богоматери золотой рельефный фон. У Богоматери гладкий белый хитон, на руках красно-золотые поручи, гиматион красный с крупными золотыми цветами. Богомладенец на левой Её руке, на Нем белая рубашечка с широким отворотом на шее, а поверх золотой плащ с красной подкладкой.

Очень трогателен поворот головы Богомладенца, берущего Богоматерь за подбородок, чтобы поцеловать Её. Внизу под образом в золотой резной раме по красному фону белыми буквами надпись: «странно Дева по естеству рождает, человеческим естеством ради Богомати». На главах Богоматери и Богомладенца – белые серебряные короны.

На иконе Св. Николая – золотой рельефный фон. У Святителя глава седая, над короткой бородой – длинные остроконечные прямые усы. На нем белый подризник, коричневая с золотом палица, бледно-зеленая с красной подкладкой фелон, белый омофор с черными крестами. В левой руке закрытое Евангелие с золотыми накладками, правой – благословляет. Взгляд Святителя – серьезный. Внизу надпись: «Се иерарх, се похвала мурейского града, пастир добри Христоваго избранного стада».

На храмовой иконе Архистратиг Михаилв изящной позе идущего слева на зрителя: за ним множество ангелов. На нем кольчуга, под ней бледно-зеленая туника и бледно-лиловый с золотыми цветами хитон, на ногах золотые сапожки. На плечах красный плащ. В левой руке у него меч, а в правой – белый свиток со словами «Кто яко Бог наш». Направо от зрителя Арх. Гавриил

в белой верхней одежде и в лиловом хитоне с босыми ногами. На плечах красный плащ: в правой руке зеленая ветвь, левой указывает на небо. За ним множество ангелов. Вверху над ангелами на облаке Богомладенец в белом хитоне, в левой руке у Него шар – вселенной, а правую Он простирает вперед. Лики здесь круглые, румяные и красивые. Вокруг главы арх. Михаила накладное из серебра лучистое сияние, а на главе арх. Гавриила – коронка. Внизу надпись: «Собор Святых ангелов со всеми силами, Богу предстояще молетесь за нами».

Царские врата высотой в 3 арш. 9 вершков, ширина 1 арш. и 6 вершков. Они имеют 6 маленьких круглых икон: Арх. Гавриил – Богоматерь (Благовещение) и 4 евангелиста. Своеобразно изображение Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова: на нем белая рубаха, широко распахнутая на груди, поверх ряса серая с красной подкладкой, у него белая небольшая борода, но длинные казацкие усы.

На северных вратах – Св. Архидиакон на облаке во весь рост. Изображение на золотом рельефном фоне. У архидиакона безбородое и безусое лицо, круглое и румяное, длинные курчавящиеся волосы, тщательно разделенные на двое, изящный и скромный наклон головы. На нем виднеется на шее отогнутый белый воротник с красной подкладкой; облачен он в зеленый стихарь с красной подкладкой с разводами в виде дубовых листьев, с розовым позументом и кружевом. В левой руке лиловый орарь, а в правой серебряное кадило. Такое же изображение Архидиакона и на южных вратах: но здесь архидиакон в правой руке держит кадило, а в левой на ораре серебряную гробницу с тремя шатровыми главками. Так обыкновенно совершают диаконы торжественное каждение в монастырях.

Над северными дверями помещена небольшая икона, представляющая священнодействие Воздвижения Креста архиереем в присутствии монахов и народа. На левой стороне здесь изображен Царь со скипетром и в короне в московском наряде. Над южными вратами – Покров Богоматери. Над царскими вратами круглая икона Нерукотворного Образа. На

нем в золотом сиянии Лик Спасителя: глава его почти круглая с гладко причесанными и разделенными по середине волосами, на концах волнистыми; румяные ланиты, тонкие усы, маленькая остроконечная бородка.

Во втором ярусе над царскими воротами Тайная вечеря, а по бокам иконы св. пр. Иоакима и Анны во весь рост, и далее в медальонах – двенадцать праздников Прав. Анна представлена на золотом рельефном фоне в белом головном покрывале, в красном плаще и в зеленом длинном хитоне, украшенном золотыми цветами.

Все праздники совершенно своеобразных композиций со склонностью к сложным пейзажным фонам. В иконе обрезания – целая архитектурная анфилада столбов, арок и зал. В иконе Благовещения – бурное на облаке движение Архангела с широко простертыми руками, а пред ним за узким аналоем с книгою Приснодева, в изумлении отшатывающаяся с широко раздвинутыми руками. Такое же движение и сильное волнение чувств в иконе Вознесения.

Во всех этих иконах небо золотое и золотое сияние около ликов.

В третьем ярусе – посредине в глубокой нише «Деисус» – прекраснейшая из всех икон. Ширина её 1 арш. и 6 верш., высота 2 аршина. На ней золотой рельефный фон. Христос – Божественный Архиерей восседает на троне. На нем митра высокой цилиндрической формы. Лик Его овальный с длинными волнистыми власами, тонкие усы, раздвояющаяся маленькая бородка: широко открытые глаза. На нем белый омофор с золотыми крестами и с зеленою каймою. Саккос красный с роскошными золотыми разводами, хитон голубой, обувь красная. Престол-трон золотой и зеленая обивка. Левою рукою Он держит на колене раскрытое Евангелие, правою мало поднятою благословляет. Во всей Его фигуре естественная и величественная поза. С правой стороны предстоит близко к Христу Богоматерь. У Неё круглое прекрасное лицо умоляющей, молитвенно сложенные руки. На ней красный мафорий с зеленой подкладкой с золотою кружевной каймой, а под ним подпоясанный белый

хитон с золотой каймой и нижний длинный синий хитон; красная обувь. С левой стороны Предтеча: у него скорбное лицо, хотя не истощенное, крестообразно сложенные руки. На нем зеленый плащ с розовой подкладкой и коричневая власяница, босые ноги. Около главы Спасителя две серафимские головки с крыльями. В этой иконе краски яркие, свежи до сих пор, живопись хорошо сохранилась. Но доска снизу уже дает трещину.

По бокам «Деисуса» 12 апостолов, по 6 на каждой стороне. Здесь так же золотые рельефные фоны. Живые, выразительные, хорошо выписанные лица. У старцев апостолов: Андрея, Матфея, Иоанна и Симона – большие белые, тщательно отделанные бороды. У Матфея и Иоанна в изящно поднятых лицах – глубокий и сильный пафос. Позы у апостолов то спокойные и внушительные, то полные движения и чувства. Все они написаны идущими ко Спасителю. В надписях над ними греческая буква Σ.

В раскраске фигур преобладают яркие краски: красная (сурик), голубая, синяя, желтая и бледно зеленая. Переходных цветов нет.

В четвертом ярусе посредине над фронтоном восьмиугольная икона Знамения Божией Матери. Здесь Она представлена не в виде Оранты, но в позе спокойно восседающей и держащей у себя на коленях Богомладенца, которого Она придерживает левой рукой, в правой же Она держит скипетр. Она изображена до колен. На главе Её венец. Она вся покрыта одним темно-красным мафорием. На коленях Её благословляющий обеими руками Богомладенец. На нем белая рубашка, розовый хитон, красный кушак. Композиция этой иконы скопирована с известной Печерской – Богоматери, но без преп. Антония и Феодосия Печерских.

Икона эта ветшает: позолота фона обсыпалась. По бокам в шести медальонах св. пророки: по два вместе, каждый со свитками, а кроме того Аарон с жезлом процветшим, а Захария с тремя свечниками, Гедеон с руном. У них круглые розовые лица. И здесь яркие краски. Фон – красочный голубой.

На самом верху иконостаса плоские вырезанные на дереве иконы: сотника Корнилия, Марии Магдалины и двух полулежащих ангелов с лилиями в руках. Заканчивается иконостас восьмиконечным крестом с Распятым Господом и предстоящими Богородицею и Иоанном Богословом.

В описанном нами иконостасе вся резьба вызолочена. Позолота весьма прочная и прекрасно сохранилась. Как мы уже говорили, в иконописи всюду краски яркие и сочетания их весьма художественные и эффектные, не смотря на ограниченность их и отсутствие переходных цветов. Иконопись сохранилась превосходно, в некоторых иконах вид нетронутой свежести. Все это в целом создает картину чрезвычайной красочности и блеска. В деревянном и потемневшем здании храма, иконостас положительно горит и сверкает своею древнею красотою, чудом до нас дошедшим.

В притворе храма в углах под хорами стоят два небольших киота. Видимо они нарочито обрезаны были с одной стороны, чтобы можно было вставить в это место. В одном из них Спаситель, а в другом Богородица с Богомладенцем. Как живопись, так и украшения киотов те же, что и в иконостасе. Очевидно, они современны иконостасу по своему происхождению.

Анализируя живописный характер иконописи этого иконостаса, мы должны признать её близкое родство с иконописью иконостаса конца XVII в. Из церкви Двуречного Кута, Харьковского уезда, ныне в большей своей части хранящегося в нашем Университетском Музее. Полное сходство типов, красивость ликов, яркость красок заставляют относить оба эти иконостаса к одной иконописной школе. Однако же наш иконостас значительно превосходит Двуречанский степенью своей высокой художественности. В Двуречанском, за исключением «Деисуса», в остальных всех иконах грубое мастерство провинциальных иконописцев, в нашем же – работа высоких мастеров с чутьем настоящих художников. Всмотревшись во все «местные» образа, в иконы «Деисуса», апостолов, знамения, пророков, мы не можем не удивиться правильности и изяществу рисунка, удачным и грациозным

композициям, тонкому пониманию красок и чувству меры мастеров, работавших над созданием их. К этому же надобно присоединить прекрасное мастерство всех деревянных частей иконостаса. Превосходны – общий рисунок его, связанность второстепенных частей с главными, совершенство тонкой резьбы колонн, колонок, кронштейнов, карнизов и накладок, прочная и яркая позолота, умелая и эффектная раскраска фона и мелких частей.

К какому времени надобно отнести происхождение этого иконостаса?

Документальных данных по этому вопросу не имеется. Приходится обращаться к косвенным указаниям.

Иконостас этот, очевидно, взят из другого места. Это доказывается тем, что по краям своим к наружным стенам он резко обсечен и не закончен. Первоначально он был в более широком храме. Да и по своей высоте он несоразмерен этому храму. Верхние подножия и фигуры Корнилия и Магдалины с своими кронштейнами, прислоняясь к парусам свода, отвисают вперед вместо того, чтобы стоять прямо. Следовательно, когда-то они стояли у ровной стены и стояли прямо.

К этому надобно присоединить местное предание, исстари и твердо тут сохраняемое, что иконостас этот, действительно, перенесен сюда когда-то из монастыря, бывшего под Сумами. Таких монастырей было два: женский Сумской Предтечев при заливе р. Псла в сл. Луке и мужской Сумской Успенский в нынешнем селе Малой Чернетчине. Оба они были закрыты при императрице Екатерине. В каком из них был наш иконостас? В женском монастыре Архангело-Михайловской Церкви не было. А была таковая – трапезная во втором. Как видно из «Историко-Статистического описания» Архиепископа Филарета, – первоначальная деревянная Архангело-Михайловская церковь в 1755 году была отсюда перенесена в Лебединскую Михайловскую Пустынь, а вместо неё здесь была устроена каменная иждивением некоего Рубана. Вот тогда то, несомненно, иконостас этой церкви и был перенесен в Бездрик. Что он первоначально принадлежал Архангело-Михайловской церкви, это доказывается

местной иконой Архангела Михаила, несомненно современной самому происхождению иконостаса. При иконостасе сюда был перенесен и храмовый аналой с образом Архангела Михаила, такой же резьбы и иконописи, как и иконостас. Аналой этот ныне хранится в нашем Епархиальном Музее и является наглядным показателем стиля и красоты самого иконостаса.

Таким образом, можно с наибольшей вероятностью предполагать, что иконостас этот взят из первобытной деревянной Архангело-Михайловской церкви бывшего Сумского Успенского монастыря.

Характер работы, резьба, общий рисунок и староукраинский стиль иконостаса позволяют отнести его к концу XVII в. Мы имели возможность видеть и подробно осмотреть такой же в точности по работе и общему рисунку иконостас Белгородского Успенско-Николаевского Собора, устроенного при содействии царя Петра I в 1701 г. Сходство нашего иконостаса с этим совершенное: несомненно они оба одновременной работы.

Бывший Сумской Успенский монастырь в начале XVIII в. Был рассадником в нашем крае иконописи. Игумен этого монастыря Иаков Жданович по актам 1710-1715 г.г. заботился о том, чтобы в обители были свои хорошие иконописцы. Из них иеродиакон Илия пред посвящением в иеромонахи в 1742 году показывал о себе, что «родом он малороссиянин, 70 лет, родился в Лебедине, по изучении грамоты учился в Киеве у иконописца, в Сумском монастыре спустя полгода искуса пострижен в мантию игуменом Ждановичем». Может быть иконопись нашего иконостаса есть произведение этого Илии и др. Иконописцев Сумского монастыря.

В этой же церкви имеются: в алтаре горное место и у клиросов киоты деревянные резные, но уже в стиле барокко XVIII в. Характерною особенностью их служат колонки, увитые гирляндами разных цветов и зелёных листьев.

Описанные нами древности этой церкви настолько ценны в археологическом отношении, что настоят непременно надобность в принятии соответствующих мер к дальнейшему их сохранению. Как ни хорошо сохранился здесь иконостас,

однако влияние времени на нем сказывается: от южной части верха его отвалились медальонные изображения пророков, кое где отвалились резные колонки. К счастью, эти части имеются: их легко установить на место. Надлежит также обследовать, насколько устойчив иконостас и прочен его цоколь, твердо ли и надежно ли он прикреплен к стене церкви. Мы уверены, что эти наши строки вызовут интерес к этой древности и послужат залогом сохранения её и изучения по ней других ценных памятников нашего края.

Христианские древности Харьковщины

В истории изучения археологических памятников Слобожанщины практически неизученной темой остаётся раннее христианство на землях северянского племенного союза, окончательно вошедшего в состав Древнерусского государства – Киевская Русь – лишь на рубеже X – XI вв. н.э. Однако в процессе многолетних раскопок археологических памятников конца I – начало II тыс. н.э. и сборов подъемного материала с их поверхности происходит постепенное накопление материалов, свидетельствующих о проникновении и распространении христианства на наших территориях в указанное время.

Часть материалов раннехристианского круга находится в коллекциях научных учреждений, однако, с сожалением приходится констатировать, что большинство артефактов содержится в частных коллекциях и практически недоступно для исследователя. И всё же, несмотря на сказанное выше, считаем необходимым ознакомить научную и культурную общественность с известными нам материалами, способными пролить свет на использование личных культовых предметов населением Слобожанщины времён Киевской Руси, что, по-нашему мнению, будет способствовать изучению малоизвестных страниц прошлого нашего края.

Имеющийся в нашем распоряжении материал мы считаем необходимым представить по устоявшимся в науке хронологическим периодам развития государственности на Руси: становление (конец IX – третья четверть X вв.), расцвет (конец X – середина XI вв.), период феодальной раздробленности (конец XI – первая половина XIII вв.). Кроме того, при анализе такого относительного массового материала, как нательные кресты и подвески с их изображением, мы воспользуемся устоявшейся

классификацией, предложенной в наиболее обширном каталоге подобных изделий [2, с. 5-6].

Далеко не все памятники славяно-русского времени нашего края дают материал для изучения христианства. Интересующие нас находки сделаны на следующих памятниках региона. Это ряд городищ Сумщины – Ницаха (с. Ницаха Тростянецкого р-на) и Каменное (с. Каменное Лебединского р-на), а также Харьковщины – Городное (с. Городное Краснокутского р-на), Донецкое (г. Харьков). Кроме того, известны находки на могильнике и селище близ с. Городное. Рассмотрим эти материалы.

с. Ницаха. Многолетние исследования славяно-русского археологического комплекса из двух городищ, посада и селища позволили его исследователям, и прежде всего О.В. Сухобокову, выявить ряд металлических артефактов православно-культового характера, которые значительно дополняются предметами из частных коллекций, часть которых передана в Научно-исследовательскую археологическую лабораторию Харьковского национальногепедуниверситета (Рис. 1).

Прежде всего, обращает на себя внимание находка целого и ряда фрагментированных эмалевых бронзовых крестов криновидной формы (Рис. 1, 1-4). У наших находок белой эмалью заполнены все углублённые пространства изделия, что создаёт ему нарядный узор. Такие изделия широко известны в южной Руси конца XI – XII вв. [1, табл. 103, 30-34; 2, с. 24-25]. К XII – XIII вв. относится бронзовый шароконечный крестик и петелька для подвешивания от бронзового креста-энколпиона (Рис. 1, 5, 6). В это же время на Руси широко использовались различные подвески в виде круга, в котором заключен крест [1, табл. 103, 43, 44, 47; 2, с. 106, 107]. В ницахе известны по крайней мере два вида изображения креста в такой композиции – крестоконечный крест (Рис. 1, 7) и его остроконечный вариант (Рис. 1, 8).

Особенное внимание привлекают две находки [5, фото 3, рис. 17, 52]: билоновый змиевик (Рис. 1, 10) и стеклянная вставка в перстень с изображением остроконечного креста (Рис. 1, 9). Последнее изделие можно предположительно датировать концом XI – началом XII вв., когда нательные кресты

с подтреугольными концами начинают широко распространяться в Поднепровье [1, с. 174, рис. 103, 34]. Змеевик обломан со стороны ушка, что затрудняет его интерпретацию. Однако на одной стороне отчётливо прослеживается две фигуры – вероятно, канонизированные Борис и Глеб. Эта же сторона содержит по периметру плохо читаемую надпись, которая имеет многочисленные стилистические аналогии на известных змеевиках периода Киевской Руси [1, с. 177–178, табл. 106, 1-6]. Эти предметы православного культа (иконки-амулеты) появились на Руси под влиянием Византии не ранее XI в. и существовали до XIV в., но в нашем случае, в связи с общей датировкой археологического памятника [5, с. 154], верхняя граница этого образца приходится на середину XIII в. (время Батыева нашествия).

с. Каменное. Здесь при раскопках оборонительного вала городища [5, с. 163–166] был найден двустворчатый крест-энколпион и две иконки – всё из бронзы (Рис. 2). Крест имеет явно выраженный высокий рельеф с центральными фигурами Иисуса Христа и Богородицы и изображениями святых в круглых медальонах по концам лучей креста. Подобные изделия имеют довольно широкую датировку – конец XI – первая треть XIII вв. и значительное число аналогий на территории юга Восточной Европы – от Херсонеса до Поднепровья [1, с. 174–175, табл. 104, 15, 19, 20]. Металлические литые иконки из Каменного несут рельефные изображения библейских сюжетов, что требует отдельного детального анализа. Сейчас же можно сказать, что такие металлические нагрудные иконки имели хождение наряду с резными каменными [1, с. 175–177, табл. 105, 2, 6, 8, 9]. Исходя из стилистического и орнаментального сходства найденные изделия можно датировать концом XII – началом XIII ст.

Донецкое городище. Здесь, в середине прошлого века, во время раскопок Б.А. Шрамко были найдены кресты и подвески христианского культового назначения: крестики, вырезанные из мрамора, янтаря, шифера, мела, а также отлитые или штампованные из бронзы [6, с. 352, Рис. 143, 8-11, 19]. Каменные кресты с отверстиями для подвешивания были характерны для

Руси X – XI вв. Они получали название «курсунчиков», вероятно потому, что большинство их изготавливалось из привозных пород камня в Курсуни–признанном восточноевропейском центре православия [1, с. 173, табл. 103, 1-4]. К их числу и относятся наиболее ранние находки нательных крестов с донецкого городища (Рис. 3, 1). Подражанием каменным крестам были на Руси прямоугольноконечные металлические (Рис. 3,2), которые датируются XII – XIV вв. [1, с. 175, табл. 104, 14]. Весьма затруднительно определить время бронзового крестика с донецкого городища, изогнутого из квадратной в сечении бронзовой проволоки (Рис. 3, 3). Хронология этого круглоконечного типа [2, с. 48–49] практически не разработана. Исходя из общей тенденции упрощения в изготовлении православной атрибутики массового пользования, он, скорее всего также относится к XII – XIII вв. Этим же временем датируются крестоконечный крест с крестом в центре (Рис. 3, 4) и криновидный (Рис. 3, 8) – [1, с. 174, табл. 103, 40; 2, с. 92–93] .

Особый интерес вызывают кресты с изображениями Иисуса. Это литое нательное изделие с распятием, изображением рыб на концах боковых лучей креста и образа в ногах распятого (Рис. 3, 5). По стилистике его можно датировать XI – началом XIII вв. [1, с. 164, табл. 104, 9-12]. В частной коллекции хранится половинка литого двустворчатого креста-энколпиона во многом сходного с находкой из Ницахи, а также обломок аналогичного изделия с изображением архангела в верхнем концевом медальоне (Рис. 3, 6, 7). По рассмотренным выше аналогиям эти артефакты датируются концом XI – первой третью XIII вв.

Среди находок на Донецком городище имеется некоторое количество поздних (XII – XIII вв.) подвесок с православной символикой. Это два амулета в виде крестоконечных крестов в круге (Рис. 3, 9, 10) и один–криновидный (Рис. 3, 14): две подвески с изображением Георгия Победоносца – одна литая (Рис. 3, 11) и одна – штампованная, в круге (Рис. 3, 12), а также один штампованный амулет с изображением Богородицы (Рис. 3, 13). Аналогии им также известны в пределах южных княжеств древнерусских территорий [1, с. 174, табл. 103, 46; 106, 3, 5, 6].

с. Городное. Здесь, в результате археологических исследований и сбора с поверхности получен интересный материал, несколько отличающийся от находок на выше описанных памятниках. Среди металлических крестов выделяется серебряный, прямоугольноконечный (Рис. 4, 1), остальные – бронзовые. Такие нательные кресты начинают использоваться ещё с конца X в., о чём мы говорили выше. К XI – началу XII вв. относится ряд прекрасных литых артефактов: вариант два криновидных (Рис. 4, 2, 3), один – остроконечный (Рис. 4, 5) и ещё один – трилистный с шариками псевдозерни (Рис. 4, 4). Последняя находка более характерна для северных регионов Киевской Руси и воплощает в себе определённое скандинавское влияние [1, с. 173–175, табл. 103, 14, 15]. К более поздним (XII – XIII вв.) относится три нательных амулета. Это два крестика: один – литой шароконечный (Рис. 4, 6), другой – штампованный, криновидный (Рис. 4, 7) – [3, с.130, рис. 2, 1], а также штампованная подвеска – крестоконечный крест в круге (Рис. 4, 8).

Кроме того, при раскопках древнерусского кургана № 4 в урочище «Могилки» (в 05 км. к востоку от городище «Замок») было выявлено женское захоронение XII – XIII вв. В нём, средисопровождающего инвентаря (преимущественно украшения) было выявлена глиняная модель яйца с поливой зелёного цвета, на которой был нанесён волнистый орнамент из жёлтых полос [4, с. 28, табл. LXV, 5]. Подобных находок нам не известно, поэтому данную находку можно считать наиболее древней «писанкой» на нашей территории.

В заключение нашего информационного сообщения заметим, что территория Харьковщины и Слобожанщины в целом с точки зрения развития типов нательных крестов и иных христианских амулетов находилась под влиянием, главным образом, киевской школы мелкой культовой пластики. Однако, и здесь присутствуют изделия, изготовленные в северной («скандинавской») стилистике, что свидетельствует о широких культурно-экономических связях нашего региона в рамках Древнерусского государства. Развитие типов крестов и увеличение видовой

номенклатуры культовых изделий свидетельствует об общих тенденциях и сходных процессах развития и распространения христианской изобразительной традиции с остальными землями киевской Руси.

Таким образом, мы видим, что наш край не был «глухим медвежьим углом», стоявшим осторонь общего развития Древнерусского государства и православной веры, а был полноправным, активным участником указанных процессов.

Литература

1. Древняя Русь. Быт и культура. – Москва, 1997 – 368 с.
2. Койль В.А., Нечитайло В.В. Каталог нательных христианских крестов, подвесок и накладок с изображением креста периода Киевской Руси X – XIII ст. – Луганск, 2006. – 187 с.
3. Колода В.В. Работы на средневековых памятниках в с. Городное // Археологічні відкриття в Україні 2001 – 2002 рр. – Київ, 2003. – С. 129–131.
4. Моруженко А.А. Отчёт лесостепной скифской экспедиции Донецкого государственного университета о разведках и раскопках в 1974 г. – Донецк, 1975. – 29 с // Архив Института археологии НАН Украины. – № 1974/68.
5. Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове лівобережжя у VIII – XIII ст. – Київ, 1992. – 216 с.
6. Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. – Харьков, 1962. – 404 с.

зав научно-исследовательской
археологической лабораторией
ХНПУ им. Г.С. Сковороды к.и.н. Колода В.В.

Иллюстрации

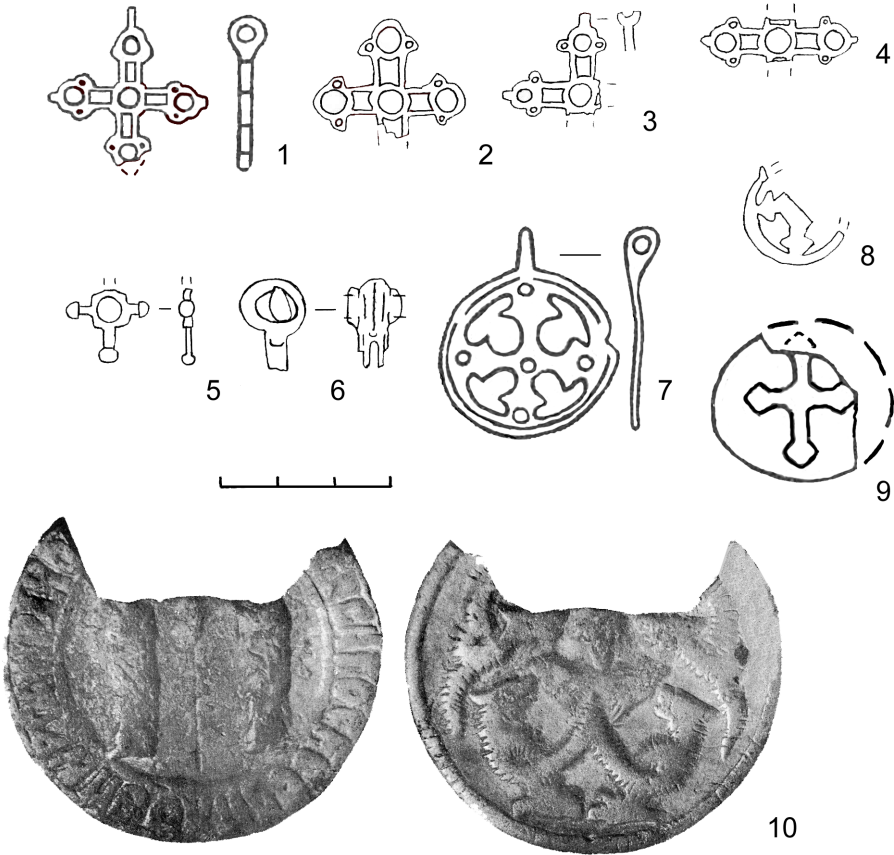

Рис. 1. Находки со славяно-русских поселений у с. Ницаха.

Рис. 2. Христианские древности городища у с. Каменное.

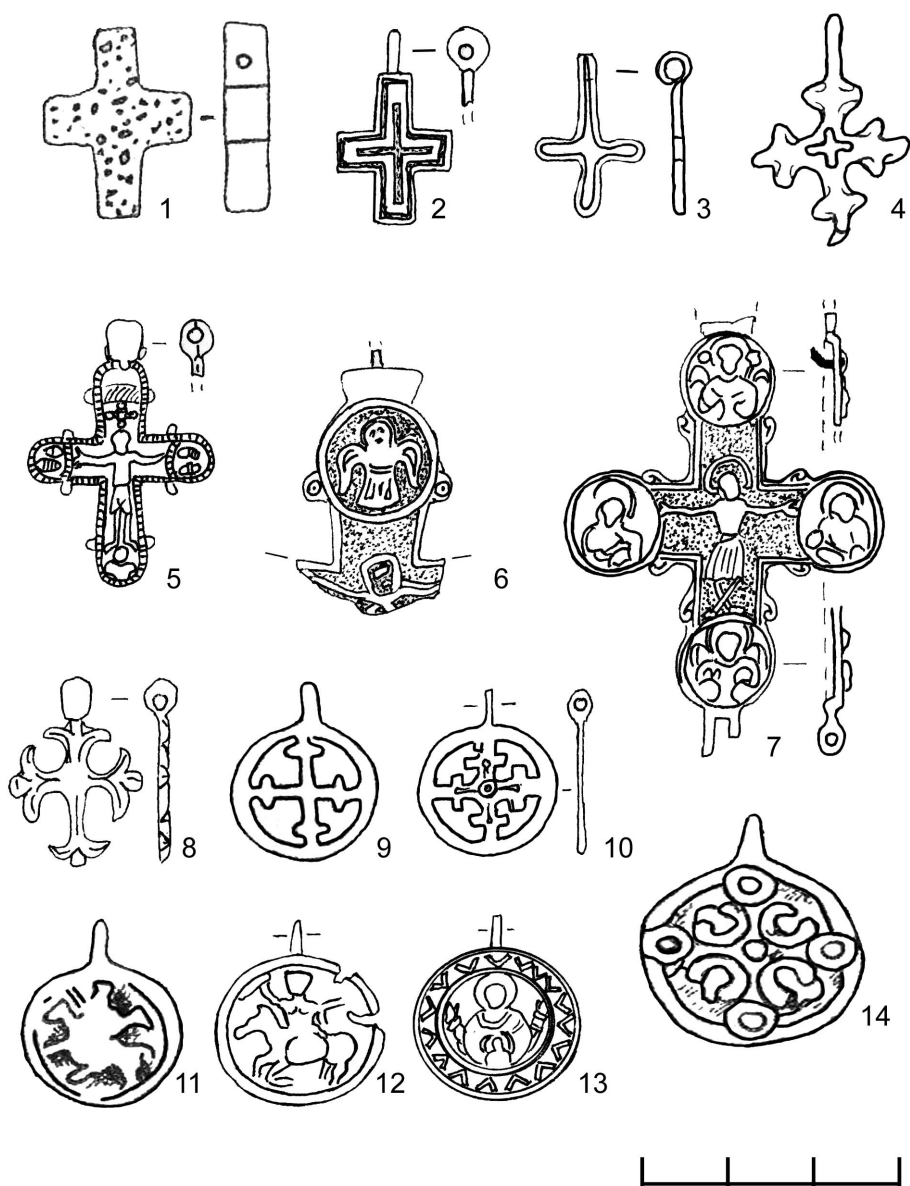

Рис. 3. Христианские древности Донецкого городища.

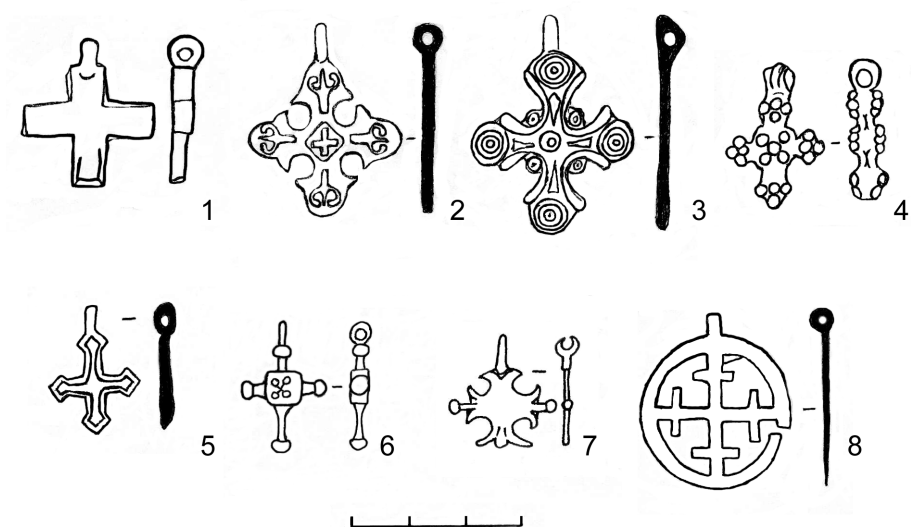

Рис. 4. Предметы христианского культа со славяно-русского комплекса у с. Гордное.

*с. Артемовка Харьковского уезда, Введенская церковь,
фото С. Таранушенко, 1927 г.*

с. Бобровое Лебединского уезда, Николаевская церковь, фото 1912 г.

г. Ахтырка Покровский собор, фото Ю. Ворошилова, 2006 г.

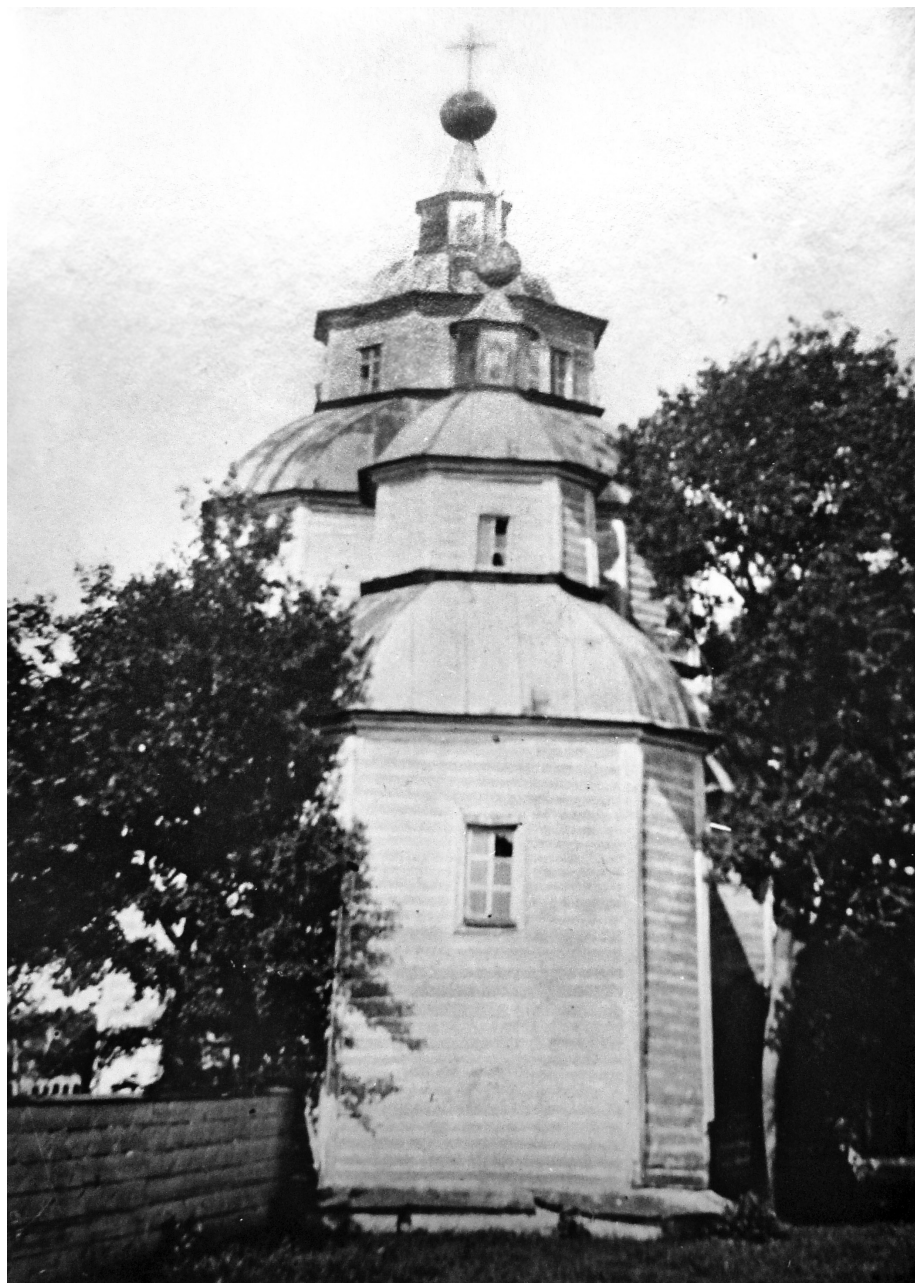

*с. Гомольша Змиевского уезда, Иоанно-Богословская церковь,
фото С. Таранушенко, 1914 р.*

*с. Грунь Лебединского уезда, Николаевская церковь,
фото С. Таранушенко, 1913 г.*

*с. Дементьевка Харьковского уезда, Успенская церковь,
фото С. Таранушенко, 1920-е годы*

*с. Замостье Змиевского уезда, Николаевская церковь,
фото С. Таранушенко, 1914 г.*

*г. Золочев Харьковского уезда, Успенская церковь,
фото С. Таранушенко, 1914 г.*

г. Изюм, Преображенский собор, фото нач. XX ст.

*с. Ковяги Валковского уезда, Рождество-Богородичная церковь,
фото С. Таранушенко, 1914 г.*

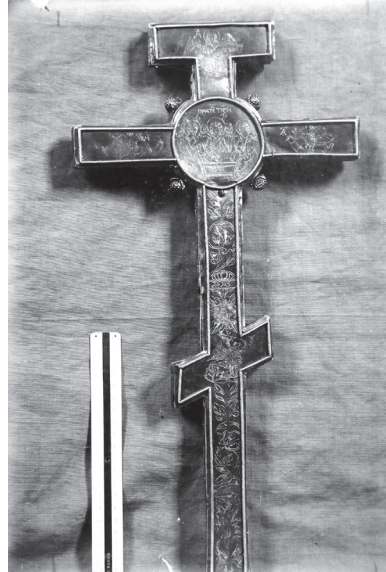
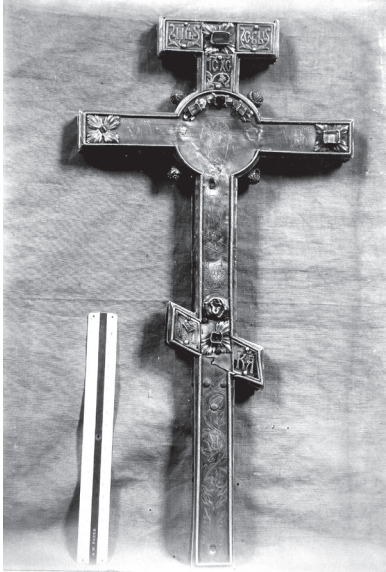
г. Лебедин, Николаевская церковь, фото С. Таранушенко, 1913 г.

*с. Лиман Змиевского уезда, Крестовоздвиженская церковь,
фото С. Таранушенко, 1927 г.*

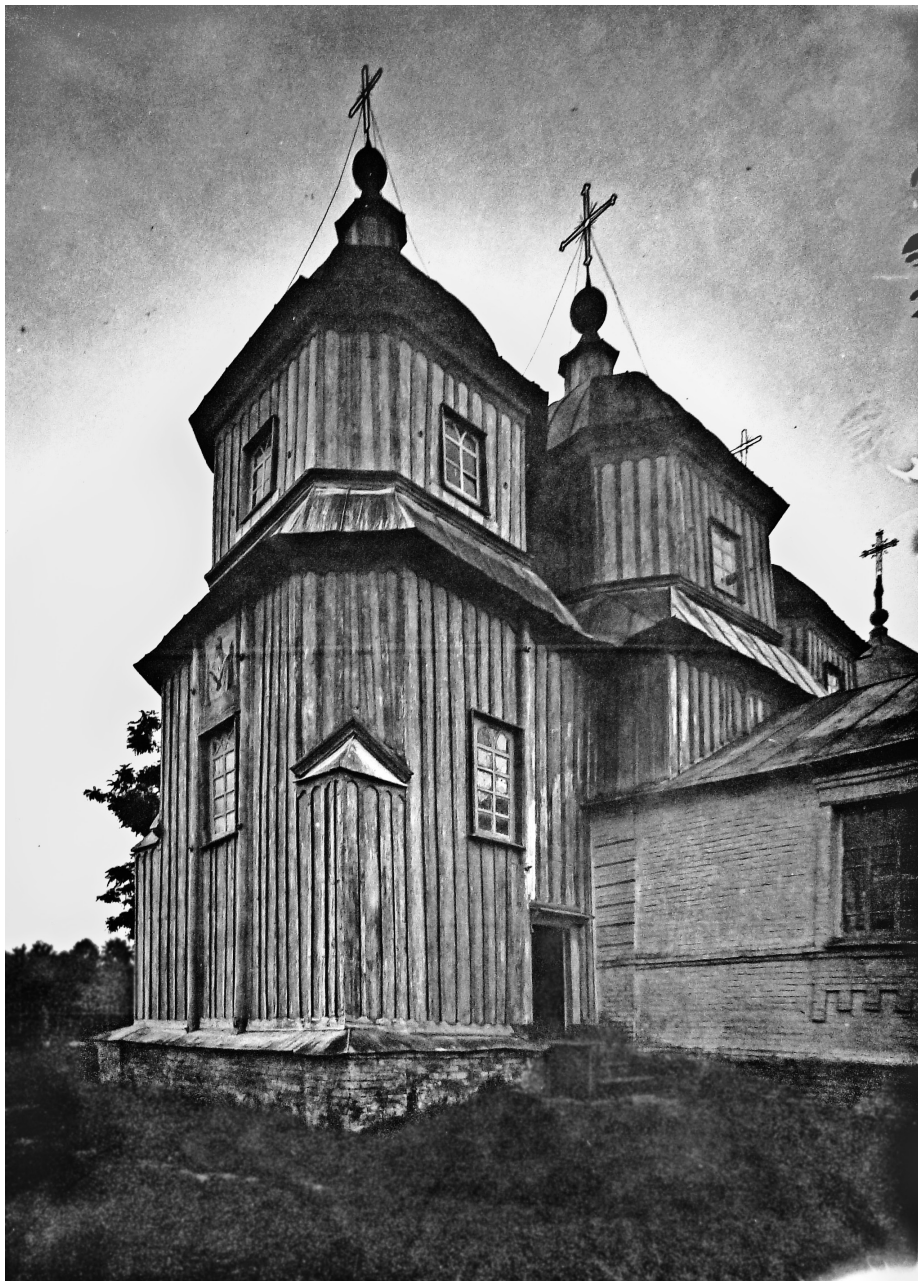
*с. Алешня Лебединского уезда, Преображенская церковь,
фото С. Таранушенко, 1913 г.*

с. Михайловка Лебединского уезда, крест 1546 г. из Рождество-Богородичной церкви, фото С. Таранушенко, 1918 г.

с. Михайловка Лебединского уезда, потир подаренный Павлом Полуботком в Рождество-Богородичную церковь, фото С. Таранушенко, 1918 г.

*с. Олышаны Харьковского уезда, Николаевская церковь,
фото С. Таранушенко, 1928 г.*

*с. Рубцовое Изюмского уезда, церковь Иоанна Милостивого,
фото С. Таранушенко, 1928 г.*

*с. Солдатское Богодуховского уезда, Преображенская церковь,
фото С. Таранушенко, 1914 г.*

г. Сумы Воскресенская церковь, фото С. Таранушенко, 1914 г.

*с. Трехизбянка Старобельского уезда, Покровская церковь,
фото С. Таранушенко, 1928 г.*

г. Харьков, Покровский собор, фото С. Таранушенко, 1922 г.

г. Харьков, Николаевская церковь, фото до 1895 г.

*с. Черкасский Бишкин Змиевского уезда, Троицкая церковь,
фото С. Таранушенко, 1916 г.*

УДК 94 (477.54)
ББК 63.3
ISBN 978-966-2556-18-6

Протоиерей Пётр Фомин
Церковные древности Харьковского края

Російською мовою

Відповідальний за випуск – В'ячеслав Стражев
Дизайн – Анастасія Анічева
Верстка – Андрій Яхно

Підписано до друку 5 квітня 2011 р. Формат 70×100/16. Папір офсетний. Друк цифровий. Гарнітура PeterburgC.
Умов. друк. арк. 14,9. Наклад 200 прим.

Видавництво «Харківський приватний музей міської садиби»
Україна, 61002, м. Харків, вул. Мироносицька 43, оф.204.
Тел. (057) 756-79-50
E-mail: paf69@mail.ru
<http://ysadba.rider.com.ua>
<http://fotograf.rider.com.ua>
<http://otkudarodom.com.ua>

Свідоцтво про державну реєстрацію: серія ДК №3879
від 14 вересня 2010 р.